

ISSN 2782-6627

СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ М.К. АММОСОВА

АЛТАИСТИКА ALTAISTICS

№ 3 (22)
2026

Научный журнал
Сетевое издание
Издается с 2021 года
Журнал выходит 4 раза в год

16+

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова»

3 (22) 2026

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор *Г. Г. Филиппов*, д. филол. н.

Заместитель главного редактора, редактор серии: *Г. Г. Торотов*, к. филол. н.

Выпускающий редактор *Л. Е Манчурина*, к. филол. н.

Члены редакционной коллегии:

Ан Сан Чоль, PhD, директор Института имени короля Седжона в г. Якутске, Корея (по согласованию); *К. Ж. Айдарбек*, д. филол. н., ассоциированный проф. кафедры казахского и русского языков, Казахский Национальный Аграрный исследовательский университет, Казахстан (по согласованию); *И. Е. Алексеев*, д. филол. н., проф. СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *Е. Н. Афанасьева*, к. филол. н., доцент Политехнического института (филиала) СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *Е. Ф. Афанасьева*, к. филол. н., доцент Бурятского госуниверситета им. Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, Россия (по согласованию); *М. В. Бавуу-Сюрюн*, д. филол. н., проф. кафедры тувинской филологии и общего языкознания Тувинского госуниверситета, Россия (по согласованию); *Нь. С. уола Багдарыын*, к. филол. н., н. с. ИГИИПМНС СО РАН, Россия (по согласованию); *А. Н. Варламов*, д. ф. н., н. с. ИГИИПМНС СО РАН, Россия (по согласованию); *А. А. Васильева*, к. филол. н., доцент СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *С. П. Васильева*, к. филол. н., доцент СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *Л. Л. Габышева*, д. филол. н., проф. СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *Н. И. Данилова*, д. филол. н., гл. н. с. ИГИИПМНС СО РАН, Россия (по согласованию); *П. П. Дашиинимаева*, д. филол. н., проф. Бурятского госуниверситета им. Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, Россия (по согласованию); *Л. С. Ефимова*, д. филол. н., проф. СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *О. С. Жубаева*, д. филол. н., проф. Казахского национального университета имени Аль-Фараби, Казахстан (по согласованию); *А. Д. Каксин*, д. филол. н., в. н. с. Хакасского госуниверситета им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан, Россия (по согласованию); *Канг Дуку*, PhD, Институт российских исследований, Университет иностранных языков «Хангук», Корея (по согласованию); *Г. Килли Йылмаз*, PhD, проф. Анкарского университета, факультета языков, истории и географии, Турция (по согласованию); *В. Д. Монастырев*, к. филол. н., в. н. с. ИГИИПМНС СО РАН, Россия (по согласованию); *В. Н. Мушаев*, д. филол. н., проф., зав. кафедрой калмыцкого языка, монголистики и алтаистики Калмыцкого госуниверситета им. Б.Б. Городовикова, Россия (по согласованию); *А. А. Находкина*, к. филол. н., доцент СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *Б. Ч. Ооржак*, д. филол. н., в. н. с. НОЦ «Тюркология» Тувинского госуниверситета, Россия (по согласованию); *А. Б. Салкынбай*, д. филол. н., проф. Казахского национального университета им. Аль-Фараби, Казахстан (по согласованию); *М. Д. Чертыкова*, д. филол. н., в. н. с. Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского госуниверситета им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан, Россия (по согласованию); *Л. А. Шамина*, д. филол. н., гл. н. с. сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН, Россия (по согласованию); *С. И. Шарина*, к. филол. н., в. н. с. ИГИИПМНС СО РАН, Россия (по согласованию)

Адрес учредителя и издателя: 677000, г. Якутск, ул. Белинского, 58

Адрес редакции: 677000, г. Якутск, ул. Кулаковского, 42, каб. 234

Тел.: +7 (4112) 49-67-50

Е-mail: altaistics2020@mail.ru

Северо-Восточный федеральный университет <https://altaisticsvfu.ru> ; <https://altaistika.elpub.ru/jour>

Scholarly journal
Online periodical
Published since 2021
Published 4 times a year

Founder and publisher: Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Professional Education
“M. K. Ammosov North-Eastern Federal University”

3 (22) 2026

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief: *G. G. Filippov*, Doctor of Philological Sciences
Deputy Editor-in-Chief: *G. G. Torotoev*, Candidate of Philological Sciences
Commissioning Editor: *L. E. Manchurina*, Candidate of Philological Sciences

Editorial Team of the Series:

Ahn Sang-Cheol, PhD, Director, Sejong Institute in Yakutsk, Korea (on agreement); *K. J. Aidarbek*, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Kazakh and Russian Languages, Kazakh National Agrarian Research Institute, Kazakhstan (on agreement); *I. E. Alekseev*, Doctor of Philological Sciences, Professor, M. K. Ammosov NEFU, Russia; *E. N. Afanasieva*, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Polytechnic Institute (branch), M. K. Ammosov NEFU, Russia; *E. F. Afanasieva*, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russia (on agreement); *M. V. Bavuu-Surun*, Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Tuvan Philology and General Linguistics, Tuva University, Russia (on agreement); *N. S. uola Bagdaryyn*, Candidate of Philological Sciences, researcher, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (IHRISN SB RAS), Russia (on agreement); *A. N. Varlamov*, Doctor of Philological Sciences, researcher, IHRISN SB RAS, Russia (on agreement); *A. A. Vasilieva*, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, M. K. Ammosov NEFU, Russia; *S. P. Vasilieva*, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, M. K. Ammosov NEFU, Russia; *L. L. Gabysheva*, Doctor of Philological Sciences, Professor, M. K. Ammosov NEFU, Russia; *N. I. Danilova*, Doctor of Philological Sciences, chief researcher, IHRISN SB RAS, Russia (on agreement); *P. P. Dashinimaeva*, Doctor of Philological Sciences, Professor, Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russia (on agreement); *L. S. Efimova*, Doctor of Philological Sciences, Professor, M. K. Ammosov NEFU, Russia; *O. S. Zhubaeva*, Doctor of Philological Sciences, Professor, Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan (on agreement); *A. D. Kaksin*, Doctor of Philological Sciences, leading researcher, N. F. Katanov Khakass State University, Abakan, Russia (on agreement); *Kang Duck-soo*, PhD, Institute of Russian Studies, Hankuk University of Foreign Studies, Korea (on agreement); *G. Killi Yilmaz*, PhD, Professor, Faculty of Languages, History and Geography, Ankara University, Turkey (on agreement); *V. D. Monastyrev*, Candidate of Philological Sciences, leading researcher, IHRISN SB RAS, Russia (on agreement); *V. N. Mushaev*, Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of Kalmyk Language, Mongol Studies and Altaics, B. B. Gorodovikov Kalmyk State University, Russia (on agreement); *A. A. Nakhodkina*, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, M. K. Ammosov NEFU, Russia; *B. Ch. Oorzhak*, Doctor of Philological Sciences, leading researcher, Turkic Studies Center, Tuvan University, Russia (on agreement); *A. B. Salkynbai*, Doctor of Philological Sciences, Professor, Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan (on agreement); *M. D. Chertykova*, Doctor of Philological Sciences, leading researcher, Institute of Humanities Research and Sayan-Altai Turkic Studies, N. F. Katanov Khakass State University, Abakan, Russia (on agreement); *L. A. Shamina*, Doctor of Philological Sciences, chief researcher, Department of Languages of people of the North, Institute of Philology, SB RAS (on agreement); *S. I. Sharina*, Candidate of Philological Sciences, leading researcher, IHRISN SB RAS, Russia (on agreement)

Address of the founder and publisher: 677000, Yakutsk, ul, Belinskogo, 58

Address of the editorial office: 677000, Yakutsk, ul, Kulakovskogo, 42, office 234

Phone: +7 (4112) 49-67-50

E-mail: altaistics2020@mail.ru

North-Eastern Federal University <https://altaisticsvfu.ru> ; <https://altaistika.elpub.ru/jour>

© The North-Eastern Federal University, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

<i>Селютин И. Я.</i> Мягкие гуттуральные согласные: палатальные или палатализованные?	5
--	---

ИССЛЕДОВАНИЕ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

<i>Васильева Н. М.</i> Якутская орфография 1920-х годов в контексте языкового строительства: дискуссии, решения	19
<i>Охлопкова Н. В.</i> Кобяйский говор якутского языка: лексико-семантическая система и фонетическое варьирование (по материалам П. П. Барашкова)	29

ЯЗЫКИ И КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ АЛТАЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ СЕМЬИ

<i>Данилов И. А.</i> Якутский язык за пределами якутской этнической среды: случай эвенкийского села в промышленном районе Якутии	38
<i>Иванова С. В.</i> Лексика традиционной пищи в поэзии А.Е. Кулаковского: состав, семантика, художественные функции	50
<i>Шарина С. И.</i> Язык и культура эвенов: современные вызовы	61
<i>Яковлева Л. А.</i> Языковые контакты в оронимическом пространстве Южной Якутии	72

ЮБИЛЕИ, ДАТЫ, СОБЫТИЯ

<i>Сивцева Н. А.</i> «Лексика якутского языка: терминология, этимология»: сообщение о сборнике научных статей	84
--	----

CONTENT

COMPARATIVE STUDY

<i>Selyutina I. Ya.</i> Soft guttural consonants: palatal or palatalized?	5
---	---

STUDY OF TURKIC LANGUAGES

<i>Vasilyeva N. M.</i> Yakut spelling of the 1920s in the context of language development: discussions, solutions	19
<i>Okhlopko N. V.</i> The Kobyaysky Dialect of the Yakut Language: Lexical-Semantic System and Phonetic Variation (Based on P. P. Barashkov 's Materials)	29

LANGUAGES AND CULTURES OF THE PEOPLES OF THE ALTAIC LANGUAGE FAMILY

<i>Danilov I. A.</i> The Sakha Language Beyond the Sakha Ethnic Environment: The Case of an Evenki Village in an Industrial District of Yakutia	38
<i>Ivanova S. V.</i> Lexicon of traditional food in the poetry of A.E. Kulakovsky: composition, semantics, and artistic functions	50
<i>Sharina S. I.</i> Even language and culture: modern challenges	61
<i>Yakovleva L. A.</i> Language Contacts in the Oronymic Space of Southern Yakutia	72

ANNIVERSARIES, DATES, EVENTS

<i>Sivtseva N. A.</i> «Vocabulary of the Yakut language: terminology, etymology»: announcement of the collection of scientific articles	84
---	----

– СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ –

УДК 811.512:81'34

<https://doi.org/10.25587/2782-6627-2026-3-5-18>

Оригинальная научная статья

Мягкие гуттуральные согласные: палатальные или палатализованные?

И. Я. Селютина

Институт филологии СО РАН, г. Новосибирск, Российская Федерация

✉ siya_irina@mail.ru

Аннотация

Цель статьи – критический анализ толкований понятий *палатальность* и *палатализация* как средств реализации категории фонетической мягкости. Актуальность исследования определяется неоднозначностью и непоследовательностью в трактовке терминов палатальность и палатализация в отечественной и зарубежной литературе, на что неоднократно указывалось лингвистами, начиная с 1980-х гг. Для устранения сложностей в научной коммуникации назрела настоятельная необходимость в выработке четкой системы параметров, разграничивающих рассматриваемые фонетические явления. Исследование базируется на объективных инструментальных данных по звуковым системам языков алтайской общности, полученных сибирскими фонетистами с применением комплексной междисциплинарной методики, включающей не только собственно лингвистические, но и экспериментально-фонетические методы. Обобщение результатов изучения палатальных и палатализованных консонантных артикуляций на материале сибирских языков свидетельствует о том, что эти настройки артикулируются при обязательной вовлеченности в процесс средней части спинки языка или её фрагмента. Принципиальное отличие рассматриваемых категорий заключается в наличии у палатализованных настроек второго, дополнительного к основному, фокуса шумообразования. Если для палатальных настроек выдвижение (передне-)средне(-межзубочной) части спинки вперед-вверх является основной артикуляцией, генерирующей основную шумообразующую преграду, то для палатализованных – это дополнительная работа речевых органов, образующая дополнительный фокус формирования шума высокой частоты, ассоциируемой с эффектом моллисности. Наличие дополнительного фокуса артикуляции служит основанием для квалифицирования паттернов как палатализованных, а не палатальных. Переднеязычные артикуляции, разделяемые по конфигурации передней части языка на дорсальные и недорсальные, порождают две различные стратегии продуцирования категории моллисности: (сильно)дорсальные реализуют концепцию палатальности, недорсальные – стратегию палатализации. Аналогичным образом следует разделить на два ряда класс мягких *гуттуральных* артикуляций, включающий среднеязычно-межзубочноязычные, межзубочноязычные, межзубочно-заднеязычные и заднеязычные паттерны. Функцией средне-межзубочноязычных является реализация палатальности, в то время как остальные варианты настройки продуцируют эффект слабой моллисности. Таким образом, в языках Сибири, как и в русском языке, моллисность переднеязычных (сильно)дорсальных и средне-межзубочноязычных артикуляций – основная артикуляция, их следует трактовать, вопреки сложившейся традиции, как палатальные, а не палатализованные.

Ключевые слова: южносибирские тюркские языки, экспериментальная фонетика, консонантизм, гуттуральные согласные, палатальность, палатализация.

Финансирование. Исследование выполнено в рамках государственного задания ИФЛ СО РАН (FWZU-2026-0004: «Структура, семантика и прагматика языков Сибири и Дальнего Востока: документация и систематизация лингвистических явлений в рамках корпусного подхода»)

Для цитирования: Селютин И. Я. Мягкие гуттуральные согласные: палатальные или палатализованные? *Алтаистика. Altaistics*. 2026, № 3 (22), С. 5-18. <https://doi.org/10.25587/2782-6627-2026-3-5-18>

Original article

Soft guttural consonants: palatal or palatalized?

Iraida Ya. Selyutina

Institute of Philology of the Siberian Branch of the RAS, Novosibirsk, Russian Federation

✉ siya_irina@mail.ru

Abstract

The purpose of the article is a critical analysis of the interpretations of the concepts of palatality and palatalization as means of realizing the category of phonetic softness. The relevance of the research is determined by the ambiguity and inconsistency in the explanation of the terms palatality and palatalization in Russian and foreign literature, which has been repeatedly pointed out by linguists since the 1980s. In order to eliminate the difficulties in scientific communication, there is an urgent need to develop a clear system of parameters that distinguish the phonetic phenomena under consideration. The research is based on objective instrumental data on the sound systems of the languages of the Altai community, obtained by Siberian phonetists using a comprehensive interdisciplinary methodology that includes not only linguistic proper, but also experimental phonetic methods. The generalization of the results of the study of palatal and palatalized consonant articulations based on the material of Siberian languages indicates that these settings are articulated with the obligatory involvement of the middle part of the surface of the tongue or its fragment in the process. The fundamental difference between the categories under consideration is that the palatalized settings have a second, additional to the main, focus of noise generation. If for palatal settings, the forward-up extension of the (front)middle(inter)-lingual part of the tongue is the main articulation that generates the main noise-generating barrier, then for palatalized settings it is an additional work of the speech organs, forming an additional focus for the formation of high-frequency noise associated with the effect of molarity. The presence of an additional focus of articulation serves as the basis for qualifying patterns as palatalized rather than palatal. Front-lingual articulations, divided by the configuration of the front part of the tongue into dorsal and non-dorsal, generate two different strategies for producing the category of mollicity: The (strong)dorsal implements the concept of palatality, the non-dorsal implements the strategy of palatalization. Similarly, the class of soft guttural articulations, including mid-inter-lingual, inter-lingual, inter-back-lingual and back-lingual patterns, should be divided into two series. The function of the mid-inter-lingual articulations is the realization of palatality, while the other settings produce the effect of weak mollicity. Thus, in the languages of Siberia, as in Russian, the mollicity of the front-lingual (strongly)dorsal and mid-inter-lingual articulations is the main articulation, they should be interpreted, contrary to established tradition, as palatal, not palatalized.

Keywords: South Siberian Turkic languages, experimental phonetics, consonantism, guttural consonants, palatality, palatalization.

Funding: The research was conducted within the framework of the state assignment for the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (FWZU-2026-0004: “Structure, Semantics and Pragmatics of the Languages of Siberia and the Far East: Documentation and Systematization of Linguistic Phenomena within a Corpus-Based Approach”)

For citation: Selyutina I.Ya. Soft guttural consonants: palatal or palatalized? *Altaistics*. 2026, No 3 (22), Pp. 5-18. <https://doi.org/10.25587/2782-6627-2026-3-5-18>

Введение

Целью данной статьи является критический анализ толкований понятий *палатальность* и *палатализация* как средств реализации категории фонетической мягкости. Исследование

базируется на собранных сибирскими фонетистами материалах по южносибирским тюркским, а также другим языкам алтайской общности – северным монгольским и тунгусо-маньчжурским. Объективные данные по звуковым системам языков народов Сибири получены с конца 1970-х гг. с применением комплексной междисциплинарной методики, включающей не только собственно лингвистические, но и экспериментально-фонетические методы: соматические (рентгенографирование, магнитно-резонансное томографирование, дентопалатографирование, лабиографирование, лингвографирование, электроглоттографирование) и акустические (компьютерные программы сбора и обработки звуковых файлов SpeechAnalyzer, Praat, Audacity и др.) [1–6]. В указанных работах и в трудах других фонетистов-сибиреведов (списки см. на сайте Института филологии Сибирского отделения РАН: <https://www.philology.nsc.ru/departments/lefi/index.php>) обобщены итоги обработки и интерпретации инструментальных данных, собранных за последние более чем полувека.

Результаты сопоставления палатальных и палатализованных артикуляций в языках народов Сибири свидетельствуют, на наш взгляд, о необходимости внесения коррективов в толкование понятий палатальность и палатализация и пересмотра традиционных для фонетических исследований представлений, которых придерживался ранее в своих публикациях и автор данной статьи.

Понятийный аппарат исследования

В лингвистической литературе – как отечественной, так и зарубежной, использование терминов *палатальность*, *мягкость*, *палатализация*, *смягчение* и производных от них не всегда последовательно и однозначно. Зачастую эти понятия используются в одном синонимическом ряду, что создает сложности в научной коммуникации. Длительная история формирования представлений лингвистов о фонетическом феномене «мягкости» звучания привела к пониманию необходимости четкого разграничения палатальности (среднеязычности, мягкости) как характеристике основной, базовой артикуляции согласных, с одной стороны, и палатализованности (смягченности), с другой.

Кроме традиционного понимания палатализации как «дополнительного к основной артикуляции согласных подъема средней части языка к твердому нёбу ..., резко повышающего характерный тон и шум» [7, с. 308], в современных исследованиях акцентируется также «смещение тела языка вперед и вверх ...» [8, с. 40], сдвижение языка всей своей массой несколько вперед [9, с. 399], «смещение языка вперед, сопровождаемое расширением фарингального прохода и уменьшением объема ротовой полости» [10]. Наши исследования показывают, что «Палатализация характеризуется не только – и не столько – подъемом средней части спинки языка к нёбу, но и активным смещением сжатого тела языка вперед-вверх. Вследствие компрессии языка и его выдвижения происходит переформатирование конфигурации речевого тракта, изменение соотношения объемов частей резонатора, образование значительного по объему заднеротово-глоточного отдела резонаторной полости, детерминирующее усиление высокочастотных составляющих спектра звукового сигнала, ассоциируемых перцептивно с мягкостью звучания» [3, с. 9].

Актуальные представления об артикуляционной природе палатализации нашли отражение и в толковании рассматриваемого термина в Википедии: «Палатализация (от лат. *palatum* – среднее нёбо) – подъем средней части спинки языка к твердому нёбу и продвижение всего языка вперед, сопровождающие губную, переднеязычную или заднеязычную артикуляцию согласного...» [11]. Соглашаясь, в принципе, с приведенным определением, отметим неточность формулировки: палатализация носит векторный, но не координатный (подъем средней части языка, затем продвижение вперед) характер.

В действительности же при палатализации продвижение языка векторное, предполагающее одновременное смещение вперёд-вверх; это результирующая двух направлений.

Категория мягкости и средства ее реализации

По мере углубления представлений лингвистов об акустико-перцептивном явлении мягкости звучания звуковой речи и о палатальности и палатализации как физиолого-артикуляторных средствах его реализации пришло понимание необходимости введения термина обобщающего характера [12–13]. Предложенный ранее автором данной статьи термин *категория мягкости* [3] не представляется удачным из-за многозначности толкований понятия *мягкость*.

Оптимальным, на наш взгляд, решением сложившейся ситуации является введение Н.С. Уртегешевым термина *моллисность* (лат. *mollis* ‘мягкий’): «моллисные согласные (традиционно палатальные и палатализованные, которые сопровождаются акустическим эффектом мягкости)» [13, с. 115]. Термин *моллисность*, объединяя понятия палатальности (мягкости) и палатализации (смягчения), является общим (родовым) по отношению к частным (видовым) терминам *палатальность* и *палатализация*.

В 1980-е годы лингвистами было высказано мнение о том, что традиционное понимание мягкости как некоего дополнительного признака, накладываемого на характеристику твердых согласных, является упрощенным и не соответствует действительности. Л.В. Бондарко в аудиолекциях по фонетике современного русского языка отмечает, что говорить о палатализации как дополнительной работе языка можно только по отношению к мягким губным согласным, а мягкие переднеязычные и заднеязычные – это артикуляции нового по сравнению с твердыми согласными типа. Опираясь, в том числе и на результаты инструментальных исследований Л.Г. Скалозуб, Л.В. Бондарко утверждает, что твердость и мягкость согласных – это их природное постоянное качество; и те, и другие имеют собственные как артикуляторные, так и акустические параметры. Различаются они и функционально: значительно более частотные твердые согласные имеют более сильный фонологический статус [14].

Сопоставительный анализ образцов произносительных настроек согласных различных артикуляторных рядов, зафиксированных сибирскими фонетистами, указывает, на наш взгляд, на необходимость внесения уточнений в объем и содержание понятий палатальность и палатализация.

Артикуляторный статус палатальности и палатализации

При продуцировании палатальных артикуляций ведущая роль в формировании акустического эффекта моллисности принадлежит активной работе средней, а также, как показывает наше исследование, передне-средней и средне-межзубной частей спинки языка (СпЯ). Палатализованные настройки согласных образуются при дополнительном – относительно основной работы активного органа – подъеме боков средней части СпЯ к середине твердого нёба (схема активных и пассивных органов речи представлена на рис. 1 [15–16]).

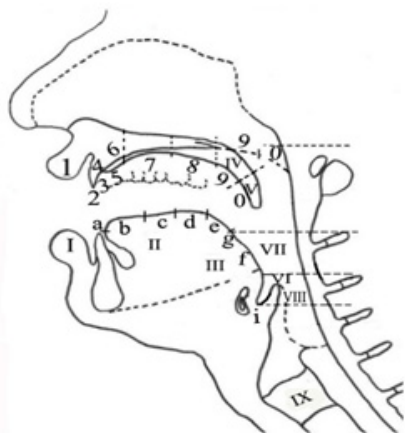

Рис. 1. Схема активных и пассивных органов речи
Fig. 1. Diagram of active and passive speech organs

На рис. 1 приведена анатомическая символика, используемая в статье для обозначения артикулирующих органов: кончик языка (КЯ) – *a*; части спинки языка: передняя часть – *b*, средняя – *c*, межуточная – *d*, задняя – *e*.

Важно отметить, что *переднеязычные* артикуляции разделяются по конфигурации передней части СпЯ на *дорсальные* (спинковые) и *недорсальные* (неспинковые) – апикальные (кончиковые), какуминальные (вершинковые) и ретрофлексные (отогнутовершинковые) [15].

«В традиционной фонетике принято выделять только три части спинки языка – переднюю, среднюю и заднюю. Но анализ большого экспериментального материала по языкам народов Сибири показал высокую частотность настроек гласных и согласных звуков, образующихся при активной работе межуточной (термин В.М. Наделяева – И. Селютин) части спинки языка, ...», локализуемой между средней и задней частями спинки [16, с. 29].

Однако дальнейший анализ языков Сибири в сопоставлении с языками других семей указал на необходимость выделения ещё одной группы артикуляций – *среднеязычно-межуточнoязычных* «*ж, г, х, ɣ*», довольно продуктивных в языках алтайской общности, например, в тюркских: кум. *кель* «*kel'*» ‘приходить’, *кебе* «*keβ'e*» ‘лодка’, *бузун* «*bugun*» ‘сегодня’, *көл* «*köl'*» ‘озеро’; в тунгусо-маньчжурских: эвенк. (томмот.) *hēkī* «*hɛʒki*» ‘пень’, *hivi* «*xiv'i*» ‘дрозд’. Есть они и в русском языке: *герой* «*gɛrɔj*» (ю.-русс. – со щелевым *ɣ*: «*ʃɛrɔj*»), *китайский* «*kitajskij*», *Хельсинки* «*xel's'inki*». При продуцировании среднеязычно-межуточнoязычных артикуляций активно работающим участком спинки языка является пограничный между средней и межуточной частями фрагмент СпЯ. Если межуточнoязычные согласные имеют постоянную слабопалатализованную окраску, то средне-межуточнoязычные продуцируют ярко выраженный акустический эффект моллиности.

Палатальность и палатализация как средства выражения фонетической мягкости имеют близкие артикуляционно-акустические параметры. Определяющую роль в продуцировании обеих настроек играет подъем средней части спинки языка к твердому нёбу с одновременным выдвижением тела языка вперед-вверх. Такое переформатирование артикуляторного аппарата вызывает перераспределение объемов отделов речевой резонаторной полости со значительным увеличением её заднеротово-глоточной части, обуславливающим, в свою очередь, акустико-перцептивный эффект мягкости.

Существенное различие артикуляций определяется положением кончика языка: в палатальных (среднеязычных) настройках он локализуется у нижних резцов [17], в то время как при произнесении переднеязычных палатализованных (в традиционном понимании) согласных КЯ смыкается (или сближается в щелевых настройках) с альвеолярным или альвеолярно-переднетвердонёбным участком нёбного свода.

Различия в локализации КЯ обуславливают степень продвижения тела языка вперед-вверх и отстояния его корня от задней стенки фаринкса: при произнесении палатальных консонантов эти смещения артикулирующих органов выражены контрастнее по сравнению с переднеязычными палатализованными вследствие исключения в палатальных настройках из фокуса артикуляции опущенного кончика языка и прилегающего участка передней части СпЯ.

Эксперимент и результаты

Результаты сопоставительного исследования консонантных настроек 1–3-й артикуляций – губных, переднеязычных и среднеязычных – в языках народов Сибири изложены в статье:

Селютина И.Я. Мягкие переднеязычные согласные: палатальные или палатализованные? [18 (в печати)].

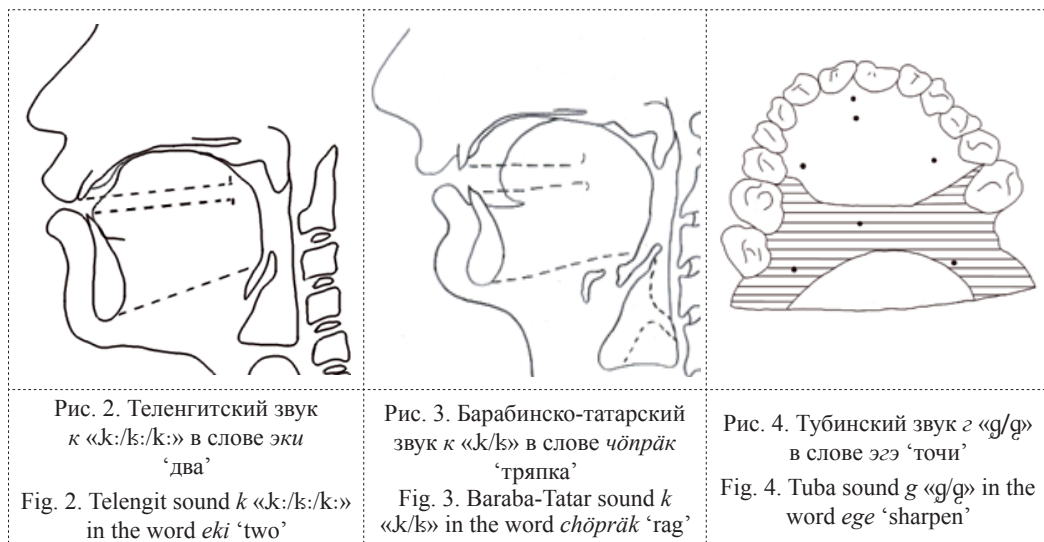
Данная статья посвящена выявлению специфики реализации категории моллисности согласными 4-й артикуляции: средне-межзубочными, межзубочными, межзубочно-заднеязычными и заднеязычными. Приведенные ниже образцы мягких гуттуральных согласных в принципе подтверждают выводы, полученные при изучении согласных более передних рядов, прежде всего, переднеязычных.

Палатальные согласные: средне-межзубочные настройки

Как показали исследования, палатальные артикуляции формируются при основной активной работе средней части спинки языка (собственно среднеязычные), передне-средней (передне-среднеязычные), либо средне-межзубочной (средне-межзубочные) согласные. Они не имеют второго – дополнительного – фокуса шумообразования, генерируемого сближением средней части СпЯ и середины твердого нёба.

Среднеязычно-межзубочные настройки, сопровождаемые ярко выраженным акустическим эффектом моллисности, следует квалифицировать как палатальные, поскольку при продуцировании их основной шумообразующей преграды ведущая роль принадлежит средней части СпЯ – наряду с межзубочной и, вариативно, задней.

На рис. 2-4 представлены рентгенограммы мягкорядных гуттуральных настроек звуков *k* в теленгитском слове *эки* ‘два’ и в барабинско-татарском *чöпрэк* ‘тряпка’ и дентопалатограмма тубинского согласного *г* в лексеме *эгэ* ‘точь’ [19, с. 77, 131, 214].

При продуцировании всех трех настроек основная шумообразующая смычка образуется средней и межзубочной частями СпЯ; в теленгитском варианте активный артикулирующий орган включает также $\frac{1}{5}$ задней части спинки. Артикуляции квалифицируются как смычные однофокусные средне-межзубочно(-задне)язычные твердонёбно-переднемягконёбные ненализированные ртовые. Перцептивно воспринимаются как звуковые сигналы с мягкой окраской.

Интересно отметить, что при описании настроек заднеязычных смычных согласных [k], [g], [k'], [g'] русского языка, авторы указывают: «Артикуляция [k'], [g'] производится средне-задней частью спинки языка, которая поднимается к твердому нёбу и смыкается с

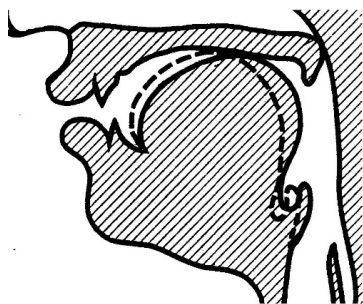

Рис. 5. Артикуляция
[k], [g], [k'], [g']:

_____ [k], [g]
----- [k'], [g']
Fig. 5. Articulation
[k], [g], [k'], [g']:
_____ [k], [g]
----- [k'], [g']

ним. ... Мягкость [k'], [g'] достигается подъемом средней (разрядка наша – И. Селютина) части спинки языка ... с продвижением тела языка вперед» (рис. 5) [20, с. 69]. Кроме того, описание настройки щелевых заднеязычных [x] и [x'] содержит указание на то, что «При артикуляции [x'] весь язык продвигается вперед, щель становится более передней и образуется в результате подъема средне-задней части спинки языка к твердому нёбу» [20, с. 70].

Таким образом, и в русистике констатируется активное участие средней части спинки языка при формировании мягких согласных, традиционно квалифицируемых как заднеязычные. Там же [с. 70], в сноске 2, исследователи, ссылаясь на [21, с. 53-54], отмечают: «Некоторые авторы рассматривают [k'], [g'] и особенно [x'] как среднеязычные, палатальные (разрядка наша – И. Селютина) согласные».

Палатализованные согласные: межуточнoязычные, межуточно-заднеязычные и заднеязычные

Палатализованные настройки, в отличие от палатальных, имеют кроме основного шумообразующего фокуса – губного, передне-, межуточно-, заднеязычного, дополнительный – среднеязычный или средне-межуточный фокус артикуляции, обеспечивающий акустико-перцептивный эффект моллисности.

На рис. 6–8 представлены настройки гуттуральных согласных в тюркских языках Северного Алтая: тубинский *q* «q» зафиксирован в твердоярдной словоформе *oq* «пуля», звук *k* «k/k» – в мягкорядной лексеме *kök* «синий» [19, с. 131], кумандинский консонант *k* «k» – в мягкорядном слове *pek* «крепкий» [19, с. 89].

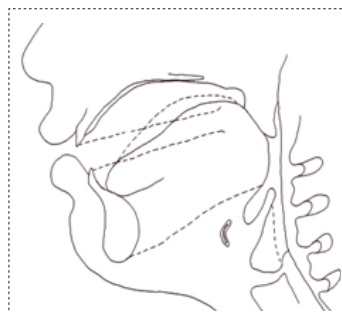

Рис. 6. Тубинский звук *q* «q»
в слове *oq* «пуля»

Fig. 6. Tuba sound *q* «q» in the
word *oq* «bullet»

Рис. 7. Тубинский звук *k* «k/k»
в слове *kök* «синий»

Fig. 7. Tuba sound *k* «k/k» in the
word *kök* «blue»

Рис. 8. Кумандинский звук
k «k» в слове *pek* «крепкий»

Fig. 8. Kumandy sound *k* «k»
in the word *pek* «strong»

Шумообразующий фокус при артикулировании тубинского мягкорядного звука *k* «k/k» в словоформе *kök* «синий» (рис. 7) формируется при активной работе межуточно-задней части СПЯ, смыкающейся со второй половиной задней части твердого нёба и прилегающим участком мягкого нёба. Значительная выдвинутость всего тела языка вперед-вверх по сравнению с твердоярдной увулярно-корнеязычной реализацией *q* «q» в твердоярдной лексеме *oq* «пуля» (рис. 6) обуславливает перераспределение объемов различных отделов

речевой полости в пользу существенного увеличения величины заднего отдела резонатора. Такая конфигурация речевого аппарата способствует усилению высокочастотных составляющих спектра и возникновению акустико-перцептивного эффекта слабой моллисности.

Кумандинский межучточнаязычный согласный *к* «*k*» в мягкорядном слове *пек* ‘крепкий’ (рис. 8) имеет артикуляторно-акустические параметры, близкие к тубинскому межучточно-задняязычному *к* «*k/k*». Отличие заключается в большей компактности тела языка и отодвинутости КЯ от нижних зубов, а корня языка от задней стенки фаринкса. Такая конфигурация обуславливает формирование ротово-глоточного отдела резонатора большого объема и как следствие – генерирование эффекта слабой моллисности.

Межучточнаязычные и межучточно-задняязычные паттерны, реализующиеся с эффектом слабой моллисности, не могут быть интерпретированы как палатальные или палатализованные в силу специфики артикуляции: при их продуцировании средняя часть СпЯ не принимает участия ни в качестве основной, ни в роли дополнительной артикуляции. Они являются генераторами акустической моллисности по своей физиологической природе, обеспечивая значительный объем задних отделов речевого резонатора.

Обсуждение

Поднятые в 1980-е гг. Л.В. Бондарко вопросы о соотношении палатальных и палатализованных согласных, их природы и статуса, трактовки палатализации как дополнительной работы средней части спинки языка ставятся под сомнение по отношению к некоторым типам артикуляций и в сибиреведческих фонетических исследованиях.

И.Д. Бураев в монографии «Становление звукового строя бурятского языка» отмечает: «После фронтальных рентгенологических исследований, проведенных в Новосибирске и Улан-Баторе, он (В.М. Надеяев – *уточнение И. Селютиной*) утверждал (в устной беседе), что в современном монгольском языке палатализованными являются согласные первой артикуляции (губные), мягкие согласные второй артикуляции являются средняязычными, и третьей артикуляции – межучточнаязычными» [22, с. 40].

Здесь важно – с позиций общей и экспериментальной фонетики – отметить, что И.Д. Бураев зафиксировал начальный этап формирования у В.М. Надеяева альтернативного, в какой-то степени революционного подхода к трактовке палатализованных консонантных настроек: к палатализованным он относит только губные, а передняязычные и задняязычные, традиционно трактуемые как палатализованные, он таковыми не считает. В.М. Надеяев квалифицирует мягкость этих настроек не как дополнительную артикуляцию, а как основную.

Дальнейшее развитие этой концепции отражено в монографии С.П. Соктовой «Консонантизм хоринского диалекта бурятского языка», выполненной под руководством В.М. Надеяева. По мнению автора, в исследуемом языке «... подъем передняязычно-средняязычной части спинки языка вверх (для фонем [t'], [d'], [n'], [l'])», подъем средней части спинки языка к твердому нёбу (для фонемы [j]) и подъем средняязычно-межучточнаязычной части спинки языка (для фонемы [x']) является основной работой активного органа; в то время как для губных фонем [m'], [b'], [p'], передняязычных [ɣ'] и факультативно [l'] характерен дополнительный подъем средней части спинки языка к твердому небу при основной работе активного органа» [23, с. 120].

Таким образом, С.П. Соктовой ещё в 1980-е годы был предложен на материале хори-бурятского языка принципиально новый для общей фонетики подход к интерпретации палатализации согласных, заслуживающий самого пристального внимания: подъем

передне-средней части спинки языка к нёбному своду при артикулировании так называемых палатализованных согласных [tʰ], [dʰ], [lʰ], [nʰ] рассматривается автором как основная, а не дополнительная работа артикулирующих органов, аналогично основной работе передней части спинки языка при произнесении непалатализованных согласных [t], [d], [l], [n].

Совершенно очевидно, что столь кардинальные коррективы в теоретические подходы к трактовке таких сложных и важных для общей фонетики понятий как палатальность и палатализация принадлежат не только юной аспирантке, но, прежде всего, ее руководителю, традиционно одаривавшему учеников и коллег своими научными идеями. К сожалению, это открытие не было вовремя оценено по достоинству и на долгие годы выпало из информационного поля фонетистов.

Результаты комплексных междисциплинарных исследований звуковых систем сибирских языков, некоторые из которых приведены выше, а также изложены в статье [18], позволяют констатировать следующее.

1. Изучение *палатальных* и *палатализованных* консонантных артикуляций на материале сибирских языков различной генетики и типологии с привлечением данных по языкам иных территорий, в том числе и русского, позволяет утверждать, что палатальные и палатализованные настройки артикулируются при обязательной вовлеченности в процесс *средней части* спинки языка (или её фрагмента). Выдвижение средней части (или её доли) вперед-вверх обуславливает переформатирование конфигурации речевой резонаторной полости и увеличение объема заднеротово-глоточного отдела, что приводит к усилению высокочастотных составляющих шумового спектра и генерирует акустический эффект моллисности. Эти общие для палатальных и палатализованных артикуляций параметры и свойства в большей степени выражены у палатальных паттернов.

2. Принципиальное отличие рассматриваемых категорий заключается в наличии у *палатализованных* настроек второго, *дополнительного* к основному, *фокуса* шумообразования. Если для *палатальных* настроек выдвижение (передне-)средне-(межзубной) части СпЯ вперед-вверх является *основной* артикуляцией, генерирующей основную шумообразующую преграду, то для *палатализованных* – это *дополнительная* работа речевых органов, образующая дополнительный фокус формирования шума высокой частоты, ассоциируемой с эффектом моллисности. Наличие дополнительного фокуса артикуляции служит основанием для квалифицирования паттернов как палатализованных, а не палатальных.

Таким образом, при квалифицировании моллисных артикуляций для разграничения палатальных и палатализованных настроек принципиально важно учитывать *конфигурацию спинки языка*. При продуцировании *палатальных* консонантов активный артикулирующий орган представляет собой единый монолит, исключая формирование 2-го шумообразующего фокуса дополнительным подъемом средней части СпЯ к середине твердого нёба. Для *палатализованных* настроек, напротив, характерно формирование двухфокусной преграды: основной и дополнительной. Следует отметить, что наличие в настройке фокуса палатализации не исключает формирования других дополнительных настроек – лабиализации, веляризации, увуларизации, фарингализации и пр.

3. *Переднеязычные* артикуляции, разделяемые по конфигурации передней части языка на *дорсальные* и *недорсальные* (апикальные, какуминальные и ретрофлексные), порождают две различные стратегии продуцирования категории моллисности: (сильно)дорсальные реализуют концепцию *палатальности*, недорсальные – стратегию *палатализации* (рис. 9).

Настройки, традиционно квалифицируемые как переднеязычные (сильно)дорсальные палатализованные, по основной работе единого монолитного артикулирующего органа являются *переднеязычно-среднеязычными*, и их, как не имеющих второго – среднеязычно-среднетвердонёжного – фокуса артикуляции, следует отнести к палатальным, а не палатализованным сущностям.

Рис. 9. Типы переднеязычных настроек в корреляции с палатальностью и палатализацией

Fig. 9. Types of front-lingual settings in correlation with palatality and palatalization

4. Аналогичным образом следует разделить на два ряда класс *гуттуральных заднеязычных* артикуляций, включающий среднеязычно-межзубноязычные, межзубноязычные, межзубно-заднеязычные и заднеязычные паттерны. Функцией средне-межзубноязычных является реализация *палатальности*, в то время как межзубноязычные, межзубно-заднеязычные и заднеязычные настройки, для которых палатализация как дополнительная работа средней части СпЯ невозможна, продуцируют эффект слабой *моллисности* в силу особенностей своей артикуляции, обеспечивающей увеличение объема заднеротового резонатора (рис. 10).

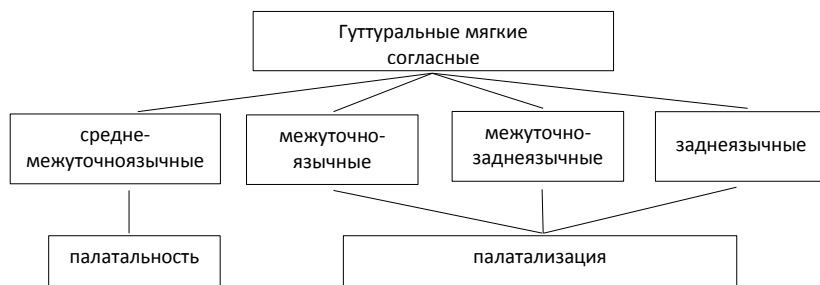

Рис. 10. Типы гуттуральных мягкорядных артикуляций в корреляции с палатальностью и палатализацией

Fig. 10. Types of guttural soft-order articulations in correlation with palatality and palatalization

Заключение

Исследование позволяет прийти к следующему заключению.

1. Класс *палатальных* (мягких) консонантных артикуляций формируют настройки, для которых работа *средней* части спинки языка является *основной*: собственно среднеязычные, переднеязычно-среднеязычные и среднеязычно-межзубноязычные (рис. 11).

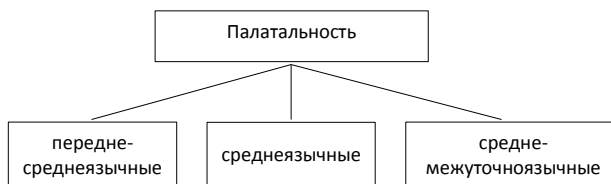

Рис. 11. Фонетические средства реализации палатальности

Fig. 11. Phonetic means of realizing palatality

Палатализованными же могут быть артикуляции, для которых работа средней части спинки языка не является основной: губные, переднеязычные недорсальные – апикальные, какуминальные, ретрофлексные. Палатализация в этих настройках образует второй – *дополнительный* – *фокус образования*, аналогично лабиализации, веляризации, увуларизации и др. (рис. 12).

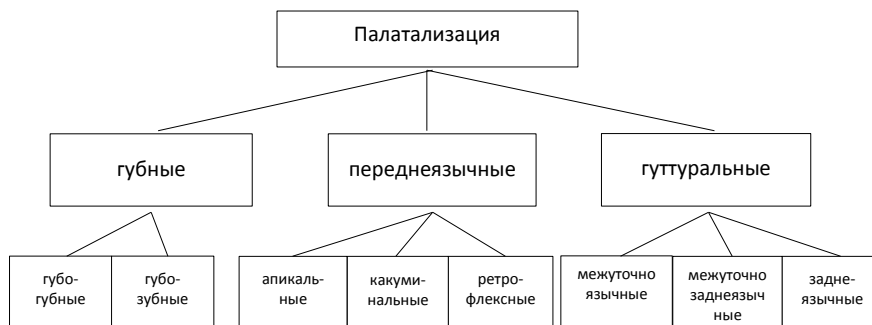

Рис. 12. Фонетические средства реализации палатализации

Fig. 12. Phonetic means of realizing palatalization

2. Определенную сложность представляет трактовка с позиций категории моллисности переднеязычных дорсальных настроек. Если сильнодорсальные артикуляции образуют с прилегающим участком средней части спинки единый монолитный фокус основного шума, исключая при этом возможность создания дополнительной шумообразующей преграды с акустическим эффектом палатализации, то слабо- и даже умереннодорсальные паттерны вполне допускают дополнительный несколько отодвинутый назад подъем боков средне-межюточно(-задней) частей СпЯ, порождающий эффект слабой палатализации, обусловленной в сибирских языках, как правило, фонетическим контекстом и не являющейся релевантной. Более развернутая интерпретация переднеязычных слабо- и умереннодорсальных артикуляций представляется задачей *перспективных* исследований.

3. Палатальность и палатализация являются основными, но не единственными средствами достижения акустико-перцептивного эффекта моллисности. В языках алтайской общности на периферии фонетических систем в этой же функции выступают межюточноязычные, межюточно-заднеязычные и заднеязычные артикуляции. Реализуясь в составе мягкорядных словоформ, они формируют – в силу своей артикуляционной природы – мягкость звучания, совпадающую акустически со слабой палатализацией.

4. Вопреки сложившимся в общей фонетике представлениям, понятие палатальный (мягкий) не всегда тождественно понятию среднеязычный: класс палатальных представлен передне-среднеязычными, среднеязычными и средне-межюточноязычными настройками. По отношению к собственно среднеязычным артикуляциям передне-среднеязычные имеют более переднюю локализацию, а средне-межюточноязычные – более заднюю.

5. Таким образом, в языках алтайской общности, как и в русском языке, *моллидность* (мягкость) переднеязычных (сильно)дорсальных и средне-межзубочных артикуляций, на наш взгляд, не дополнительная, а *основная* артикуляция определённых участков спинки языка – передне-среднего или средне-межзубочного.

Такой подход, определяющий *научную новизну* и дискуссионный характер исследования, даёт основание для пересмотра сущности и объёма понятий *палатальность* и *палатализация*. Категория *моллидности* представлена двумя типами консонантных настроек: *палатальными* артикуляциями – переднеязычно-среднеязычными, среднеязычными и средне-межзубочными, и *палатализованными* настройками – губными, переднеязычными недорсальными (апикальными, какуминальными, ретрофлексными); реже палатализации подвергаются умеренно- и слабодорсальные согласные.

Список условных обозначений

ААБ – артикуляционно-акустическая база.

КЯ – кончик языка.

СПЯ – спинка языка.

Языки: англ. – английский, кум. – кумандинский, эвенк. (томмот.) – эвенкийский (томмотский говор), ю.-русс. – южно-русский говор.

Литература

1. Селютина И.Я., Уртегешев Н.С., Добрынина А.А. Типологическая специфика эвенкийского консонантизма (по данным рентгенографирования и МР-томографирования). *Сибирский филологический журнал*. 2014;1:186–191.
2. Селютина И.Я. Корреляция вокальных и консонантных компонентов словоформы в тюркских и монгольских языках. *Томский журнал лингвистических и антропологических исследований*. 2024;4(46):100–111.
3. Селютина И.Я. Категория фонетической мягкости в языках алтайской общности: корреляционные модели и палатальный сингармонизм. *Языки и фольклор коренных народов Сибири*. 2025;4(56):9–26.
4. Тимкин Т.В. Коартикуляция по палатальности в алтайском языке по данным УЗИ в динамическом аспекте. *Сибирский филологический журнал*. 2024;4:156–171.
5. Рыжикова Т.Р., Тимкин Т.В., Добрынина А.А. Язычные носовые согласные алтайского языка (результаты электропалатографического и ультразвукового исследования). *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2024;88:92–110.
6. Шиндрова К.В. Проблема палатальности и палатализованности в разносистемных языках Сибири (по данным МРТ). *Сибирский филологический журнал*. 2024;3:231–246.
7. Ахманова О.С. *Словарь лингвистических терминов*. Изд-е 4-е, стер. М.: КомКнига; 2007:576.
8. Князев С.В., Пожарицкая С.К. *Современный русский литературный язык: фонетика, орфоэпия, графика и орфография*. Уч. пос., 2-е изд. М.: Гаудеамус; 2011:430.
9. Соколянский А.А. Корреляция твердости/мягкости согласных в русском языке. *Международный научно-исследовательский журнал*. 2017;2(56):39–44.
10. Кодзасов С.В., Кривнова О.Ф. *Общая фонетика*. Москва: ИЦ РГГУ; 2001:591.
11. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Палатализация> (дата обращения: 24.06.2026).
12. Лемов А.В. Особенности функционирования некоторых лингвистических терминов в учебной литературе. *Международный научный журнал «Символ науки»*. 2017;3:182–183.
13. Уртегешев Н.С., Морозова О.Н. Гласные шорского языка в постпозиции к моллисным согласным. *Арктика XXI век*. 2025;2:110–143.
14. URL: <https://online.spbu.ru/podcasts/fonetika-sovremennogo-russkogo-yazyka/> (дата обращения 28.08.2026).
15. Надеяев В.М. *Проект универсальной унифицированной фонетической транскрипции (УУФТ)*. М.; Л.; 1960:68.
16. *Артикуляторные базы коренных тюркских этносов Южной Сибири (по данным МРТ и цифровой рентгенографии)*: Коллективная монография. Новосибирск: изд-во СО РАН; 2012:372.

17. Зиндер Л.Р. *Общая фонетика*. Изд-е 2-е, перераб. и доп. М.: Высш. шк.; 1979:312.
18. Селютина И.Я. Мягкие переднеязычные согласные: палатальные или палатализованные? *Сибирский филологический журнал*. 2026;4 (в печати).
19. *Атлас консонантных артикуляций в тюркских языках народов Сибири* / И.Я. Селютина, Н.С. Уртегешев, Г.А. Эсенбаева, А.А. Добринина, Т.Р. Рыжикова. Новосибирск: РИЦ НГУ; 2013:352.
20. Акишина А.А., Барановская С.А. *Русская фонетика*. М.: Русский язык; 1980:102.
21. Бодуэн де Куртене И.А. Некоторые отделы «сравнительной грамматики» славянских языков. *Избранные труды по общему языкознанию*. В 2-х т., т. 1. М.: Изд-во АН СССР; 1963:47–77:384.
22. Бугаев И.Д. *Становление звукового строя бурятского языка*. Новосибирск: Наука; 1987:185.
23. Соктоева С.П. *Консонантизм хоринского диалекта бурятского языка*. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение; 1988:165.

References

1. Selyutina IYa., Urtegeshev NS., Dobrinina AA. Typological specificity of Evenk consonantism (according to X-ray and MRI imaging). *Siberian Philological Journal*. 2014;1:186-191 (in Russian).
2. Selyutina IYa. Correlation of vocal and consonant components of word form in Turkic and Mongolian languages. *Tomsk Journal of Linguistic and Anthropological Research*. 2024;4(46):100-111 (in Russian).
3. Selyutina IYa. The category of phonetic softness in the languages of the Altai community: correlation models and palatal synharmonism. *Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia*. 2025;4(56):9-26 (in Russian).
4. Timkin TV. Palatal coarticulation in the Altai language according to ultrasound data in a dynamic aspect. *Siberian Philological Journal*. 2024;4:156-171 (in Russian).
5. Ryzhikova TR., Timkin TV., Dobrynina AA. Lingual nasal consonants of the Altai language (results of electropalatographic and ultrasound research). *Bulletin of Tomsk State University. Philology*. 2024;88:92-110 (in Russian).
6. Shindrova KV. *Palatality and palatalization in diverse languages of Siberia (according to MRI data)*. *Siberian Journal of Philology*. 2024;3:231-246.
7. Akhmanova OS. *Dictionary of linguistic terms*. Moscow: KomKniga Press; 2007:576 (in Russian).
8. Knyazev SV., Pozharickaya SK. *Modern Russian literary language: phonetics, orthoepy, graphics and spelling: A handbook*. Moscow: Gaudeamus Press; 2011:430 (in Russian).
9. Sokolyanskiy AA. Correlation of hardness / softness of consonants in Russian. *International research journal*. 2017;2(56):39-44 (in Russian).
10. Kodzasov SV., Krivnova OF. *General phonetics*. Moskva: Publishing Center RGGU; 2001:591 (in Russian).
11. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Palatalization> [Accessed: 24 June 2026] (in Russian).
12. Lemov AV. Functioning patterns of some linguistic terms in the educational literature. *Symbol of Science: International Scientific Journal*. 2017;3:182-183 (in Russian).
13. Urtegeshev NS., Morozova ON. Vowels of the Shor language in postposition to mollis consonants. *Arctic XXI Century*. 2025;2:110-143 (in Russian).
14. URL: <https://online.spbu.ru/podcasts/fonetika-sovremennogo-russkogo-yazyka/> [Accessed: 28 August 2026] (in Russian).
15. Nadelyaev VM. *Universal Unified Phonetic Transcription (UUFT) Project*. Moscow, Leningrad; 1960:68 (in Russian).
16. *Articulatory databases of the indigenous Turkic ethnic groups of South Siberia (according to MRI and digital radiography): A collective monograph*. Novosibirsk, SO RAN Publ.; 2012:372 (in Russian).
17. Zinder LR. *General phonetics*. Moscow: Higher School Publishing House; 1979:312 (in Russian).
18. Selyutina IYa. Soft frontlingual consonants: palatal or palatalized? *Siberian Journal of Philology*. 2026;4:in print (in Russian).
19. *Atlas of consonant articulations in the Turkic languages of the peoples of Siberia* / IYa. Selyutina, NS. Urtegeshev, GA. Esenbaeva, AA. Dobrinina, TR. Ryzhikova. Novosibirsk: RIC NSU; 2013:352 (in Russian).
20. Akishina AA., Baranovskaya SA. *Russian Phonetics*. Moscow: Russkiy yazyk Publ.; 1980:102 (in Russian).
21. Boduen de Kurtene IA. Some departments of the “comparative grammar” of Slavic languages. In: *Selected works on general linguistics*. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences; 1963:1:47-77 (in Russian).

22. Buraev ID. *The formation of the sound system of the Buryat language*. Novosibirsk: Nauka Publ.; 1987:185 (in Russian).

23. Soktoeva SP. *Consonantism of the Khorin dialect of the Buryat language*. Novosibirsk: Nauka; 1988:165 (in Russian).

Сведения об авторе

СЕЛЮТИНА Ираида Яковлевна – д. филол. н., г. н. с. сектора языков народов Сибири. ФГБУН Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Российская Федерация. <http://orcid.org/0000-0001-9457-3237>; WoS Reseacher ID: F-1749-2017, e-mail: siya_irina@mail.ru

About the author

Iraida Ya. SELYUTINA – Doctor of Philology, Chief Researcher, Sector of the Languages of the Peoples of Siberia, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation, <http://orcid.org/0000-0001-9457-3237>; WoS Reseacher ID: F-1749-2017, e-mail: siya_irina@mail.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Поступила в редакцию / Submitted 17.09.2026

Поступила после рецензирования / Revised 27.09.2026

Принята к публикации / Accepted 29.09.2026

– ИССЛЕДОВАНИЕ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ –

УДК 811.512.157'35

<https://doi.org/10.25587/2782-6627-2026-3-19-28>

Оригинальная научная статья

Якутская орфография 1920-х годов в контексте языкового строительства: дискуссии, решения

Н. М. Васильева

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
г. Якутск, Российская Федерация

✉ t.nadya69@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы языкового строительства в Якутской АССР в первые советские десятилетия. Цель исследования – реконструкция истории разработки якутской орфографии в 1920-е годы. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: 1) описание истории разработки якутской орфографии в 1920-е годы; 2) интерпретация первых опытов нормирования якутского языка в контексте развития его орфографии; 3) выявление сущности различных орфографических принципов; 4) анализ орфографического оформления заимствований из русского языка. Научная новизна исследования заключается в создании исторической ретроспективы наиболее значимых аспектов становления якутской орфографии в указанный период. Методологическая база работы включает метод лингвистического описания (с приемами наблюдения, систематизации и обобщения) и сравнительно-исторический метод, используемый для реконструкции истории разработки якутской орфографии. Материал для анализа правописания заимствованных из русского языка слов отобран методом сплошной выборки из якутоязычных газет. Источниковую базу исследования составили статьи деятелей языкового строительства 1920-х годов, а также архивные документы. В результате исследования установлено, что в 1920-е годы, после широких дискуссий по вопросам алфавита, орфографии и введения в письменность морфологического принципа, были в целом определены основные пути развития якутской орфографии и закреплены ее ведущие принципы. В конце рассматриваемого периода усилилась тенденция к написанию заимствованных слов в фонетизированном виде.

Ключевые слова: 20-е годы XX века, языковое строительство, якутская орфография, принципы орфографии, орфографирование, заимствованные слова, дискуссия, фонетизированный вид, варианты слов, фонетические нормы

Финансирование: Исследование выполнено в рамках государственного задания Минобрнауки РФ № 125100110980-4 «Якутия в XIX–XX веках: развитие в русле государственной политики управления национальными окраинами»

Для цитирования: Васильева Н.М. Якутская орфография 1920-х годов в контексте языкового строительства: дискуссии, решения. *Алтаистика. Altaistics*. 2026, № 3 (22), С. 19-28. <https://doi.org/10.25587/2782-6627-2026-3-19-28>

Yakut spelling of the 1920s in the context of language development: discussions, solutions

Nadezhda M. Vasilyeva

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch,
Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russian Federation

✉ t.nadya69@mail.ru

Abstract

The article examines issues of language development in the Yakut ASSR in the first decades of the Soviet era. The aim of the study is to reconstruct the history of the development of Yakut orthography in the 1920s. To achieve this goal, the following tasks are solved: 1) description of the history of the development of Yakut orthography in the 1920s; 2) interpretation of the first attempts at standardizing the Yakut language in the context of the development of its orthography; 3) identification of the essence of various orthographic principles; 4) analysis of the orthographic design of borrowings from the Russian language. The scientific novelty of the study lies in the creation of a historical retrospective of the most significant aspects of the formation of Yakut orthography in this period. The methodological basis of the work includes the method of linguistic description (with the techniques of observation, systematization and generalization) and the comparative-historical method used to reconstruct the history of the development of Yakut orthography. The data for the spelling analysis of Russian loanwords was collected using a continuous sampling method from Yakut-language newspapers. The research source base consisted of articles by language development figures of the 1920s, as well as archival documents. The study revealed that in the 1920s, following extensive discussions on alphabet and spelling issues and the introduction of morphological principles into writing, the main development paths of Yakut orthography were generally defined and its guiding principles were consolidated. Toward the end of the period under review, a tendency toward phoneticized spelling of loanwords increased.

Keywords: 1920s, language development, Yakut orthography, principles of orthography, spelling, borrowed words, discussion, phonetic form, word variants, phonetic norms

Funding: The study was carried out within the framework of the state assignment of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 125100110980-4 “Yakutia in the 19th-20th centuries: development in line with the state policy of managing national outskirts”.

For citation: Vasilyeva N.M. Yakut spelling of the 1920s in the context of language development: discussions, solutions. *Altaistics*. 2026, No 3 (22), Pp. 19-28. <https://doi.org/10.25587/2782-6627-2026-3-19-28>

Введение

Актуальность исследования обусловлена современной социокультурной ситуацией, преобразованиями, связанными с решением задач научной, научно-технологической, образовательной суверенизации России. Новая парадигма современной науки – поступательное движение к суверенитету Российской Федерации – основана на изучении отечественной истории, возрождении лучших отечественных традиций в науке, образовании, культуре. Утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 11 июля 2025 года № 474 Основы государственной языковой политики ставят прямую задачу обновления словарей и справочников, уточнения правил орфографии и пунктуации языков народов России.

В этой связи актуализируется исследование вклада первых советских десятилетий в нормирование и кодификацию якутской орфографии.

Цель статьи – реконструировать историю разработки якутской орфографии в 20-е годы XX века. Задачи исследования: 1) описать историю разработки якутской орфографии в аспекте языкового строительства в республике в 1920-е годы; 2) интерпретировать первые

опыты нормирования якутского языка в развитии якутской орфографии; 3) выяснить сущность различных орфографических принципов; 4) проанализировать особенности орфографического оформления заимствованных из русского языка слов.

Материалом для исследования послужили статьи по вопросам якутской письменности и орфографии, опубликованные в газетах и журналах 1920-х годов, а также архивные материалы.

Поставленные в работе задачи обусловили применение традиционных методов исследования: метода лингвистического описания, включающего приемы наблюдения, систематизации и обобщения, а также сравнительно-исторического метода для реконструкции истории разработки якутской орфографии.

Теоретической базой исследования послужили работы якутских языковедов П. А. Ойунского [1–2], Г. У. Эргиса [3], Е. И. Убратовой [4], П. А. Слепцова [5–7] и др., посвященные проблемам якутского алфавита и орфографии.

Практическая значимость статьи заключается в том, что полученные результаты могут быть использованы при исследовании истории языкового строительства и языковой политики в Якутской АССР – Республике Саха (Якутия). Кроме того, материалы работы могут найти применение в лекционных курсах и спецкурсах по истории становления и развития якутской орфографии.

Деятельность по разработке вопросов якутской орфографии. Алфавит и письменность С. А. Новгородова

1920-е годы стали периодом, стимулировавшим широкомасштабную деятельность первого поколения якутской интеллигенции. Ее наиболее яркие представители – П. А. Ойунский, И. Н. Барахов, М. К. Аммосов, занимавшие высшие руководящие посты, – одними из первых осознали значение родного языка как решающей силы при реализации задач культурной революции. Они безоговорочно восприняли основные направления языковой политики того времени. В эти годы в республике началось активное языковое строительство. Возникла насущная необходимость в решении ряда языковых проблем, в связи с чем развернулась масштабная работа по разработке вопросов орфографии и терминологии. Непосредственное участие в этой деятельности приняли известные деятели языкового строительства: выдающийся писатель, ученый-лингвист и крупный государственный деятель П. А. Ойунский, писатель А. А. Иванов-Кюндэ, создатель первого якутского алфавита С. А. Новгородов, писатель и ученый-секретарь комитета якутской письменности Г. В. Баишев-Алтан Сарын, писатель К. О. Гаврилов и другие.

Эта сложная работа началась с письменности, разработанной С. А. Новгородовым в 1917 году. С. А. Новгородов – первый якутский лингвист, внесший значительный вклад в просвещение родного народа. Являясь создателем массовой якутской национальной письменности, он по праву считается выдающимся деятелем языкового строительства, сформулировавшим важнейшие принципы и основы литературной нормализации и практически воплотившим их в своих нормативных пособиях [7]. Хотя С. А. Новгородов специально не занимался фундаментальными вопросами языкознания, его след присутствует почти во всех областях изучения якутского языка. Исследователями достаточно полно освещены общелингвистические и фонологические аспекты наследия С. А. Новгородова, а также рассмотрены вопросы и проблемы якутского языкознания, нашедшие отражение в лингвистических воззрениях этого просветителя [8].

В 1917 году вышел первый якутский букварь С. А. Новгородова «Сахалы сурук-бичик» («Якутское письмо») с алфавитом на латинской основе, включавшим 33 буквы.

С некоторыми изменениями этот алфавит действовал до конца 1920-х годов. В основу новой национальной письменности С. А. Новгородов положил международную фонетическую транскрипцию системы профессора П. Пасси, частично переработанную Л. В. Щербой. Выбор данной транскрипции объяснялся тем, что она, в отличие от других алфавитов, не содержит надстрочных знаков для обозначения долготы и краткости гласных, а также умлаутов, которые могли бы замедлять процесс письма. Использование латиницы в качестве основы якутского алфавита С. А. Новгородов мотивировал тем, что латинская азбука легла в основу международной фонетической транскрипции, является безупречной в теоретическом отношении, интернациональна, а также удобна в практическом и техническом плане [9]. С. А. Новгородов выдвинул в качестве основного принципа письма фонетический – «пиши так, как говоришь» – и предписывал при письме придерживаться двух правил: прогрессивной и регрессивной ассимиляции. При этом он принципиально отрицал орфографию как таковую. Как отмечает Е. И. Убрятова, «отрицание орфографии даже в ту эпоху было возможно только потому, что литературного якутского языка еще не существовало, и не были еще известны все трудности в его создании, обнаружившиеся много позднее» [4, с. 5]. Деятель языкового строительства 1930-х годов Г. У. Эргис характеризовал принцип С. А. Новгородова как последовательно проведенный фонетический принцип при отрицании им орфографии [3]. П. А. Слепцов также подтверждает обоснованность подобной оценки установленного С. А. Новгородовым принципа – правила прогрессивной и регрессивной ассимиляции согласных на стыке слов [7]. Как справедливо отмечают исследователи, фонетическое письмо, основанное на максимальном сближении написания с произношением, принесло значительную пользу на начальном этапе освоения письменности народами, не имевшими ранее собственной письменности [10]. Таким образом, система письма С. А. Новгородова отвечает указанным требованиям: обеспечению соотношения письменной и разговорной форм языка и выработке орфографических норм на основе речи говорящего. Благодаря своей простоте и общедоступности в те годы она способствовала быстрому овладению навыками чтения и письма на родном языке «около 30 тысячам населения – взрослым и детям» [11, с. 381].

Дискуссии по вопросам якутской письменности

Со временем были выявлены недостатки новгородовской письменности, заключающиеся в отсутствии знаков для заглавных букв, знаков препинания, а также в абсолютной фонетичности письма, отражавшей все виды прогрессивной и регрессивной ассимиляции. Эти орфографические изъяны послужили причиной острой дискуссии по вопросам письменности, в ходе которой предлагались различные проекты якутского алфавита, а также обсуждались пути и перспективы развития якутского языка в условиях социальной и культурной трансформации [12, с. 189]. Так, в 1921 году с критической статьей «Новая транскрипция якутского языка» выступил основоположник якутской литературы, просветитель А. Е. Кулаковский [13]. В ней он критиковал недостатки новгородовской транскрипции и предложил новый проект алфавита на основе русской графики. С этого момента, как отмечает Н. А. Сивцева, интересующаяся вопросами письменности общественность Якутии, разделилась на два противоборствующих лагеря: сторонников латинской основы якутского алфавита и их противников, выступающих за русскую основу якутского письма [14]. В. Н. Леонтьев также неоднократно выступал с критикой новгородовского алфавита и предлагал собственный проект якутского алфавита на основе русской графики [15]. Он считал нецелесообразным отрываться от русского алфавита и переходить на латинский, поскольку это, по его мнению, затрудняет усвоение

русской культуры и грамоты [16]. В начале 1920-х годов А. А. Иванов–Кюндэ, напротив, поддерживал и защищал транскрипцию С. А. Новгородова [17], выступал против введения в якутское письмо знаков препинания и критиковал проекты алфавитов на основе русской графики [18]. Необходимыми достоинствами любой транскрипции Кюндэ считал «легкость и доступность для неграмотных взрослых и детей, графическую простоту, ускоряющую письмо» (1927) [Там же, с. 277]. К. О. Гаврилов также выступил в защиту новгородовской транскрипции. Он отметил, что С. А. Новгородов при применении к якутскому языку международной транскрипции руководствовался такими принципами, как: «1) точность передачи звука; 2) эластичность и удобство при скорописи» (1924) [19, с. 66].

Выявленные в ходе дискуссии недостатки новгородовского письма обсуждались на Совете якутской письменности (СЯП) при Якутском Центральном исполнительном комитете (ЯЦИК), созданном 18 февраля 1924 года для общего руководства работой по развитию якутской письменности, в том числе для рассмотрения вопросов об усовершенствовании системы письма С. А. Новгородова [20]. На своих заседаниях 10 мая и 21 июня 1924 г. данный официальный орган постановил принять в качестве официальной якутской транскрипции новгородовский алфавит, ввести все знаки препинания и заглавные буквы, а также обозначать долгие согласные двойным написанием букв [НА РС(Я), ф. 353, оп. 1, д. 2, л. 81]. Указанные предложения СЯП были официально утверждены постановлением Президиума ЯЦИК, однако из-за отсутствия необходимой полиграфической базы предложенные коррективы не могли быть реализованы в полной мере незамедлительно. В печатной практике они стали применяться только с 1929 года, то есть с момента перевода якутской письменности на новый унифицированный тюркский алфавит. В связи с этим на страницах журнала «Чолбон» П. А. Ойунский выступил со статьей «Знаки препинания в письме» [1], в которой изложил основные пунктуационные правила: употребление точки, запятой, многоточия, дефиса, тире, вопросительного знака и др.

Итак, в 1924 г. алфавит С. А. Новгородова был официально провозглашен государственным постановлением четвертой сессии ЯЦИК о переводе делопроизводства государственных учреждений республики на якутский язык с использованием алфавита, утвержденного СЯП. К тому времени по данному алфавиту было издано более 200 книг, учебников и учебных пособий, в Якутской секции Центроиздата народов СССР вышло 60 наименований якутской литературы [21].

На III Всеякутском съезде Советов, состоявшемся 18 декабря 1924 г., П. А. Ойунский выступил с отчетом о деятельности Правительства Якутской АССР, в котором остановился на вопросах якутизации государственного аппарата и якутской транскрипции [2]. Съезд принял постановление из восьми пунктов; в первом пункте была отмечена правильная политика правительства по проведению якутизации государственных органов управления и организаций как «разрешение одной из главных задач в деле приближения массы трудящегося населения Якутской АССР к строительству жизни родной страны собственными же силами». Коренизация (якутизация) рассматривалась не только как внедрение якутского языка в школьное обучение, но и как средство воспитания. Первая Конституция Якутской АССР (1926 г.) узаконила якутский язык как государственный наряду с русским, тем самым повысив его культурное и политическое значение. В этой связи остро встала проблема анализа и решения вопросов орфографии, а также утверждения якутского алфавита.

Разработка принципов якутской орфографии

Со второй половины 1920-х годов одной из главных задач якутской письменности становится разработка основ якутской орфографии. Решающий вклад в разработку всех

важнейших вопросов литературного языка внес П. А. Ойунский, возглавлявший Комитет якутской письменности (КЯП). Данный комитет осуществил масштабную работу по усовершенствованию и стабилизации алфавита, разработке теоретических принципов и правил орфографии, а также основ терминологии. П. А. Ойунский с самого начала с большим пониманием относился к алфавиту С. А. Новгородова и вплоть до перехода на унифицированный новотюркский алфавит в 1929 г. работал над его усовершенствованием.

Важным событием этого периода стал I Всесоюзный тюркологический съезд, проведенный в 1926 году в Баку, в котором приняли участие И. Н. Барахов, А. А. Иванов–Кюндэ и А. И. Софронов. Вопросам орфографии были посвящены шестое и седьмое заседания съезда, на которых И. Н. Барахов представил тезисы по вопросу якутского алфавита, впоследствии опубликованные в отчете о съезде [11]. Съезд рекомендовал всем тюркским народам перейти на унифицированный тюркский алфавит. Введение нового алфавита в якутскую письменность дало толчок к дальнейшей работе по вопросам орфографии и терминологии.

В этот период в подходе к якутской орфографии обозначились два направления: сторонники фонетического принципа (П. А. Ойунский, А. А. Иванов–Кюндэ и др.) и приверженцы морфологического принципа (Г. В. Баишев–Алтан Сарын, К. О. Гаврилов, И. Д. Тимофеев–Моруо). 17 марта 1929 года на заседании Центральной комиссии по новому алфавиту было принято постановление о разработке «вопроса об изъятии регрессивной ассимиляции» [20, с. 298]. В тот период последовательное применение морфологического принципа признавалось неприемлемым [22]. Вместе с тем заслуга «морфологистов» заключается в том, что они «объективно способствовали более серьезной и вдумчивой проработке основ и правил орфографии, проблем литературного языка в целом» [7, с. 160]. Некоторые правила, сформулированные ими, действуют и в настоящее время.

В результате многих дискуссий и обсуждений основным принципом якутской орфографии был принят фонетический, а морфологический принцип – при написании глагольных форм типа *барсар* (вместо *бассар*) ‘уйдет вместе с кем-л.’, *кэлсэр* (вместо *кэссэр*) ‘придет вместе с кем-л.’, неразложимых основ слов типа *ыалдьыт* (вместо *ыаллыт*, *ыаддьыт*) ‘гость’, *орто* (вместо *отто*) ‘средний’, *сарсын* (вместо *сассын*) ‘завтра’ и т.д.

Орфографирование заимствованных из русского языка слов

В 1920-е годы, ввиду отсутствия правил якутской орфографии, для фонетического оформления заимствований из русского языка была характерна многовариантность. Данное явление, как правило, возникает вследствие колебаний в написании – от максимально приближенного к языку-источнику до полностью фонетически освоенного варианта. Так, в письменной практике этого периода наблюдался разноречивый в правописании заимствованных слов:

1. Заимствованные слова передавались с максимальным приближением к своим прототипам, например, *комитиэт* ‘комитет’ *комисаар* ‘комиссар’, *рөбөлүүсүүэ* ‘революция’, *уокруг* ‘округ’ (К, 1923); *институут* ‘институт’, *комиссарийаат* ‘комиссариат’, *пактуорийа* ‘фактория’, *постанаблиэнньийа* ‘постановление’ (К, 1924); *агитаатар* ‘агитатор’, *акусизэркэ* ‘акушерка’, *кандьидаат* ‘кандидат’, *коллэкциип* ‘коллектив’ (К, 1925); *агроном* ‘агроном’, *бүдсүөт* ‘бюджет’, *докууман* ‘документ’, *промыслиэннас* ‘промышленность’ (К, 1926), *акадьиэмийа* ‘академия’, *бальныысса* ‘больница’, *бастааньийа* ‘восстание’ *гостиинисса* ‘гостиница’ (К, 1927); *аггарнай* ‘аграрный’, *дыспансар* ‘диспансер’ (К, 1928); *камандиропка* ‘командировка’, *суос-страах* ‘соцстрах’, *ыспраабка* ‘справка’ (К, 1929).

2. Заимствованные слова орфографировались с частичным нарушением фонетических норм якутского языка, например, *аадырыс* ‘адрес’, *спэктээх* ‘спектакль’, *литэрэтуура* ‘литература’, *экэнуомуйа* ‘экономия’ (К, 1923), *агытаассыйа* ‘агитация’, *библиэтиэкэ* ‘библиотека’, *госудаарыстыба* ‘государство’ *пилийаал* ‘филиал’ (К, 1924), *бриссидээтэл* ‘председатель’, *кэмииссийэ* ‘комиссия’, *литэратуура* ‘литература’, *рэдээксийэ* ‘редакция’ (К, 1925), *сурналыыс* ‘журналист’, *криитикэ* ‘критика’, *старсыына* ‘старшина’ (К, 1926); *бискультуура* ‘физкультура’, *дьэкриэт* ‘декрет’, *лителиэратуура* ‘литература’, *парааграп* ‘параграф’ (К, 1927); *амбулатуоруйа* ‘амбулатория’, *бараграама* ‘программа’, *тиэхныкиим* ‘техникум’, *эрэспиэткэ* ‘разведка’ (К, 1928); *диспаансар* ‘диспансер’, *инспиэксийэ* ‘инспекция’, *услуубуйа* ‘условие’, *ханчытаат* ‘кандидат’ (К, 1929).

3. Заимствованные слова передавались в нескольких вариантах, например, *бумаагы/кумаабы* ‘бумага’, *доклаад/дакылаат* ‘доклад’, *норуод/норуот* ‘народ’, *рэдээксийэ/эрэдээксийэ* ‘редакция’, *рэспубликэ/эрэспиибликэ/өрөспүүбүлүкэ* ‘республика’, *сууд/суут* ‘суд’, *хамысаар/хамыһаар* ‘комиссар’ (К, 1923); *паабырыка/баабырыка* ‘фабрика’, *рэспубликэ/рэспублика/өрөспүүбүлүкэ* ‘республика’ (К, 1924); *Рассыйа/Арасыйыа* ‘Россия’ (К, 1926).

4. Для слов, освоенных в основном устным путем, характерно написание с соблюдением норм употребления якутских звуков, например, *аармыйа* ‘армия’, *буоста* ‘почта’, *быыбар* ‘выбор’, *учуутал* ‘учитель’, *кэмитиэт* ‘комитет’, *нүөмэр* ‘номер’, *чилиэн* ‘член’, *массыына* ‘машина’, *симиэтэ* ‘смета’, *сизэссийэ* ‘сессия’, *собуот* ‘завод’, *сокуон* ‘закон’, *сэбиэт* ‘совет’, *эппэкиин* ‘опекун’, *биздэмэс* ‘ведомость’, *бырайыак* ‘проект’, *нолуок* ‘налог’, *устаап* ‘устав’, *наассыйа* ‘нация’ (К, 1927 – 1928).

5. Множество слов писалось в различных вариантах в пределах фонетических норм якутского языка, число которых зависело от возможностей произношения данного слова, например, *баартыйа, паартыйа* ‘партия’, *собуот, сабыат* ‘завод’, *быралатарыйаат, бэрэлтэрийээт, баралатарыйаат, бэрилтэрийээт* ‘пролетариат’, *гаас, хаас, каас* ‘газ’ и т. д.

В рассматриваемый период, как видно из источников, определенная часть местной интеллигенции в орфографировании заимствованных слов придерживалась фонетического принципа написания. Такой подход наблюдается в работе А. Е. Кулаковского «Русские слова, перенятые и усвоенные якутами (без собственных имен и названий)» (1924 г.) [13], где в словаре зафиксировано более 2300 заимствованных слов, отражающих состояние якутского языка 1920-х годов в период интенсивных контактов с русской культурой [5, 23]. Большинство из них вошло в лексику якутского литературного языка с сохранением фонетического оформления, переданного автором словаря (*абыычай* ‘обычай’, *аадырыс* ‘адрес’, *ампаар* ‘амбар’, *араспыска* ‘расписка’, *ачарбаас* ‘ватерпас’, *ачыкы* ‘очки’, *баскыһыанньа* ‘воскресенье’, *боротокуол* ‘протокол’, *быраап* ‘право’, *бырыһыан* ‘процент’, *кунуопка* ‘кнопка’, *кыраадыс* ‘градус’, *остуол* ‘стол’, *остуолба* ‘столб’, *сокуон* ‘закон’, *табаар* ‘товар’, *тэлиэгэ* ‘телега’, *ыстатыйа* ‘статья’ и т. п.). С. В. Иванова отмечает, что сформулированные А. Е. Кулаковским «Правила» представляют собой целостную теорию адаптации иноязычной лексики, основанную на глубоком понимании системных закономерностей якутского языка, не утратили своей актуальности и сегодня, служа надежным инструментом для анализа исторической фонетики и современных процессов заимствования [23].

Таким образом, к концу 1920-х годов заимствованные слова стали оформляться ближе к нормам якутской фонетики, например, *бүрүсүдүүм* ‘президиум’, *бырамыысыланнас*

‘промышленность’, *бэрэссэдээтэл* ‘председатель’, *дэлэгээт* ‘делегат’, *хапытаал* ‘капитал’, *хомунуус* ‘коммунист’ и т. д.

Заключение

Подводя итог, следует отметить, что в связи с расширением общественных функций якутского языка разработка вопросов орфографии в 1920-е годы приобрела особую актуальность. До конца рассматриваемого периода внимание правительства и общественности было сосредоточено преимущественно на совершенствовании якутской письменности, унификации алфавита, обсуждении проблем создания литературного языка и установления устойчивых орфографических норм. Данный период характеризуется проведением широких дискуссий по вопросам алфавита и орфографии, а также введением в письменность морфологического принципа. Хотя официальной кодификации орфографических норм якутского языка в те годы не проводилось, в целом были определены основные пути развития якутской орфографии. В этот период огромный вклад в становление и развитие якутской орфографии внесли система письма и алфавит С. А. Новгородова. Острые дискуссии по проблемам принятия якутского алфавита, орфографии и терминологии активизировали решение сложных вопросов, требовавших научного обоснования, всестороннего анализа и кропотливого изучения грамматического опыта других народов.

В качестве перспектив дальнейшего исследования заявленной проблематики можно назвать изучение орфографии учебников по якутскому языку, изданных в 1920–1930-е годы.

Сокращения

К – газета «Кыым» («Искра»), издается с 1921 года (на якут. яз.).

НА РС (Я) – Национальный архив Республики Саха (Якутия).

Литература

1. Ойунский П.А. Сурук тылын бэлиэлэрэ. *Чолбон*. 1929;(3-4):56-61. (На якут. яз.).
2. Ойунский П.А. Отчет Правительства ЯАССР на 3-м Всеякутском съезде Советов. *Автономная Якутия*. 1924;(286):4.
3. Эргис Г. Орфография и терминология якутского языка. *Советская Якутия*. 1936;(1):68-84.
4. Убрятова Е.И. *Опыт сравнительного изучения фонетических особенностей языка населения некоторых районов Якутской АССР*. Москва: Изд-во АН СССР; 1960:148.
5. Слепцов П.А. *Русские лексические заимствования в якутском языке (дореволюционный период)*. Якутск: Кн. изд-во; 1964:196.
6. Слепцов П.А. *Төлкөнү түстүүр төрөөбүт тыл*. Якутск: Северовед; 1999:188. (На якут. яз.).
7. Слепцов П.А. *Якутский литературный язык. Истоки, становление норм*. Новосибирск: Наука; 1986:262.
8. «Кэриэс тылбын кэбиспэт буолун, кэрэмэс добоотторум!..» (Материалы научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения С.А. Новгородова). Якутск: ЯНЦ СО РАН; 1992:172; С.А. Новгородов и новое в якутском языкознании: Сб. ст. Якутск: ЯФ СО РАН; 2003:180; Саха уран тыла: кыраапыка, арпагыраапыйа, тиэрмин үөрэбэ, истиилистикэ уонна туттуу эйгэтэ. Саха бастагы линкибиис учуонайа С.Ө. Нобуруодап төрөөбүтэ 115 сааһыгар аналлаах өрөспүүбүлүкэтээҕи научнай-практической кэмпириэнсийэ матырыйааллара (кулун тутар 22 к., 2007 с.). Якутск: Изд-во ЯГУ; 2008:151 (на якут. яз.); С.А. Новгородов и проблемы письменности народов России: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 125-летию со дня рождения первого якутского ученого-лингвиста С.А. Новгородова. Якутск: ИГИИПМНС СО РАН; 2017:214.
9. Новгородов С.А. *Первые шаги якутской письменности*. Москва: Наука; 1977:280.
10. Мусаев К.М. Вопросы разработки и дальнейшего совершенствования орфографий тюркских литературных языков Советского Союза. *Орфографии тюркских литературных языков СССР*. Москва: Наука; 1973:4-48.

11. Первый Всесоюзный Тюркологический съезд: 26 февр.–5 марта 1926 г. (Стенографический отчет). Баку: Нагыл Еви; 2011:552.
12. Антонов Е.П., Романова Е.Н. Лингвистическая политика в Якутии в контексте советского nation-building 1920–1930-х годов: новый якутский алфавит. *Научный диалог*. 2019;(4):184-197. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-4-184-197.
13. Кулаковский А.Е. *Труды по якутскому языку*. Якутск: Медиа-холдинг Якутия; 2017:280.
14. Сивцева Н.А. А.Е. Кулаковский и проблемы языковой политики 20-х гг. XX в. в Якутии: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Якутск: ИГИ АН РС (Я); 2007:28.
15. Леонтьев В.Н. Еще раз об якутской транскрипции (в порядке дискуссии). *Якутские зарницы*. 1926;(5):46-47.
16. Леонтьев В.Н. По поводу откликов. *Якутские зарницы*. 1927;(2):38-45.
17. Кюндэ. Новгородовская транскрипция и культурное развитие якутского языка (В порядке дискуссии). *Книгоноша*. 1925;31-32:8-9.
18. Кюндэ. *Свет утренней зари*. Якутск: Бичик; 2000:336. (На якут. яз.).
19. Именитый из якутов Кузьма Осипович Гаврилов (жизнь, творческая работа). Якутск: Көмүөл; 2022:328. (На якут. яз.).
20. Культурная революция в Якутии (1917-1937 гг.): сборник документов и материалов. Якутск: Кн. изд-во; 1968:622.
21. Донской С.Н. По этапам якутской письменности. *Революция и письменность*. 1932;(3):33-50.
22. Васильева Н.М. Из истории якутской орфографии: внедрение морфологического принципа. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2019;12(8):161-165. DOI: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.8.30>.
23. Иванова С.В. Лексикографический труд А.Е. Кулаковского «Русские слова, перенятые и усвоенные якутами»: лингвистический и историко-культурный анализ. *Алтаистика. Altaistics*. 2025;(4):50-60. DOI: <https://doi.org/10.25587/2782-6627-2025-4-50-60>

References

1. Oyunsky PA. Punctuation marks when writing. *Cholbon*. 1929; 3–4:56-61 (in Yakut).
2. Oyunsky PA. Report of the Government of the YASSR at the 3rd All-Yakut Congress of Soviets. *Autonomous Yakutia*. 1924; 286:4 (in Russian).
3. Ergis G. Spelling and terminology of the Yakut language. *Soviet Yakutia*. 1936; 1:68-84 (in Russian).
4. Ubryatova EI. *Experience in a comparative study of the phonetic features of the language of the population of some regions of the Yakut Autonomous Soviet Socialist Republic*. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences; 1960:148 (in Russian).
5. Sleptsov PA. *Russian lexical borrowings in the Yakut language (pre-revolutionary period)*. Yakutsk: Book publishing house; 1964:196 (in Russian).
6. Sleptsov PA. *Our destiny is our native language*. Yakutsk: Severoved; 1999:188 (in Yakut).
7. Sleptsov PA. *Yakut literary language. Origins, formation of norms*. Novosibirsk: Science; 1986:262 (in Yakut; in Russian).
8. “Listen to my cherished words, my beautiful friends!...” (Materials of the scientific conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of S.A. Novgorodov). Yakutsk: YANTS SB RAS; 1992: 172 (in Yakut); S.A. Novgorodov and new things in Yakut linguistics: Sat. Art. Yakutsk: YaF SB RAS; 2003:180; Yakut language: graphics, spelling, terminology, stylistics (materials of the scientific and practical conference, dedicated to the 115th anniversary of the first Yakut linguist S.A. Novgorodov). Yakutsk: YSU Publishing House; 2008:151 (in Yakut); S.A. Novgorodov and the problems of writing of the peoples of Russia: materials of the All-Russian scientific conference dedicated to the 125th anniversary of the birth of the first Yakut linguist S.A. Novgorodova. Yakutsk: IGI PMNS SB RAS; 2017:214 (in Russian).
9. Novgorodov SA. *The first steps of Yakut writing*. Moscow: Nauka; 1977:280 (in Russian).
10. Musaev KM. Issues of development and further improvement of orthographies of Turkic literary languages of the Soviet Union. *Orthographies of the Turkic literary languages of the USSR*. Moscow: Nauka; 1973:4-48 (in Russian).
11. First All-Union Turkic Congress: February 26. – March 5, 1926 (Transcript report). Baku: Nagyl Evi; 2011:552 (in Russian).
12. Antonov EP., Romanova EN. Linguistic policy in Yakutia in the context of Soviet nation-building in the 1920s–1930s: the new Yakut alphabet. *Scientific dialogue*. 2019; 4:184-197 (in Russian). DOI: 10.24224/2227-1295-2019-4-184-197.

13. Kulakovskiy AE. *Works on the Yakut language*. Yakutsk: Yakutia Media Holding; 2017:280 (in Russian).
14. Sivtseva NA. *A.E. Kulakovskiy and the problems of language policy of the 20s. XX century in Yakutia: Author's abstract*. diss. ...cand. Philol. Sci. Yakutsk: IGI AN RS (Y); 2007:28 (in Russian).
15. Leontyev VN. Once again about Yakut transcription (for discussion). *Yakut lightning*. 1926; 5:46-47 (in Russian).
16. Leontyev VN. Regarding the responses. *Yakut lightning*. 1927; 2:38-45 (in Russian).
17. Kyunde. Novgorod transcription and cultural development of the Yakut language (For discussion). *Bookworm*. 1925; 31–32:8-9 (in Russian).
18. Kyunde. *The light of the morning dawn*. Yakutsk: Bichik; 2000:336 (in Yakut).
19. The famous Yakut Kuzma Osipovich Gavrilov (life, creative work). Yakutsk: Komyol; 2022:328 (in Yakut).
20. Cultural revolution in Yakutia (1917-1937): collection of documents and materials. Yakutsk: Book publishing house; 1968:622 (in Russian).
21. Donskoy SN. According to the stages of Yakut writing. *Revolution and writing*. 1932; 3:33-50 (in Russian).
22. Vasilyeva NM. From the history of Yakut orthography: the introduction of the morphological principle. *Philological sciences. Questions of theory and practice*. 2019. T.12. Vol. 8:161–165 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.8.30>.
23. Ivanova SV. Aleksey Kulakovskiy's lexicographic work "Russian Words Borrowed and Assimilated by the Yakuts": a linguistic and historical-cultural analysis. *Altaistics*. 2025;(4):50-60 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.25587/2782-6627-2025-4-50-60>

Сведения об авторе

ВАСИЛЬЕВА Надежда Матвеевна – канд. филол. н., с. н. с. отдела якутского языка, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, г. Якутск, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0001-6780-7990>, Scopus ID: 58284124500, Researcher ID: AAP-6229-2020, SPIN: 4221-8458; e-mail: t.nadya69@mail.ru

About the author

Nadezhda M. VASILYEVA – Cand. Sci. (Philology), senior research fellow, Department of the Yakut Language, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0001-6780-7990>; Scopus ID: 58284124500, Researcher ID: AAP-6229-2020; SPIN-код: 4221-8458; e-mail: t.nadya69@mail.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Поступила в редакцию / Submitted 03.09.2026

Поступила после рецензирования / Revised 17.09.2026

Принята к публикации / Accepted 25.09.2026

УДК 811.512.157;81'342

<https://doi.org/10.25587/2782-6627-2026-3-29-37>

Оригинальная научная статья

Кобяйский говор якутского языка: лексико-семантическая система и фонетическое варьирование (по материалам П. П. Барашкова)

Н. В. Охлопкова

Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова,

г. Якутск, Российская Федерация

✉ nurguanna77@mail.ru**Аннотация**

П. П. Барашков – один из видных представителей якутского языкознания, стоявший у истоков становления исследовательской традиции в Якутии. В 1954–1960 гг. он выполнил первичное описание диалектных особенностей говоров Кангаласского, Горного, Намского, Жиганского и Кобяйского районов, собрав богатый полевой материал. В работе «Говор якутов Кобяйского района» ученый охарактеризовал фонетические, лексические и морфологические черты говоров данной территории. Настоящая статья посвящена анализу фактического материала по кобяйскому говору, зафиксированного в 50–60-е годы прошлого столетия. Цель исследования – систематизация и углубленное изучение этого диалектологического корпуса. Для ее достижения решаются следующие задачи: описание фонетических, лексических и морфологических особенностей кобяйского говора; тематическое распределение собранных диалектных единиц по лексико-семантическим группам; выявление типов варьирования фонетических диалектизмов. В работе применен структурный метод исследования, включающий метод семантического поля и дистрибутивный анализ. Установлены лексико-семантические группы, репрезентирующие окружающую среду, охоту, рыболовство, пищевые реалии, одежду, названия животных, растений, частей тела человека и животных. По происхождению выделены исконно якутские лексемы, заимствования из эвенкийского (эвенского) языка и русизмы. Кроме того, выявлены типы фонетических диалектизмов с варьированием гласных и согласных. Результаты работы могут быть использованы в преподавании лексики и фонетики якутского языка, а также в курсе якутской диалектологии.

Ключевые слова: П. П. Барашков, якутский язык, диалектные слова, говор, лексико-семантическая группа, лексика, фонетика, морфология, фонетическое варьирование.

Финансирование: Работа выполнена в рамках государственного задания «Цифровое описание языков народов Севера РФ (на материале якутского языка и его диалектов)» (Соглашение №FSRG-2026-0011)

Для цитирования: Охлопкова Н.В. Кобяйский говор якутского языка: лексико-семантическая система и фонетическое варьирование (по материалам П. П. Барашкова). *Алтаистика. Altaistics*. 2026, № 3 (22), С. 29-37. <https://doi.org/10.25587/2782-6627-2026-3-29-37>

Original article

The Kobyaysky Dialect of the Yakut Language: Lexical-Semantic System and Phonetic Variation (Based on P. P. Barashkov 's Materials)

Nyurguyana V. Okhlopkova

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation

✉ nurguanna77@mail.ru**Abstract**

P. P. Barashkov is one of the prominent representatives of Yakut linguistics, who stood at the origins of the formation of the research tradition in Yakutia. In 1954–1960, he carried out a primary description of the dialectal features of the Kandalassky, Gorny, Namsky, Zhigansky, and Kobyaysky districts, having collected

extensive fieldwork data. In his work “The Dialect of the Yakuts of the Kobyaysky District”, the scholar characterized the phonetic, lexical, and morphological features of the dialects of this area. The present article is devoted to the analysis of the factual material on the Kobyaysky dialect recorded in the 1950s–1960s. The aim of the study is to systematize and provide an in-depth examination of this dialectological corpus. To achieve this aim, the following tasks are addressed: description of the phonetic, lexical, and morphological peculiarities of the Kobyaysky dialect; thematic classification of the collected dialectal units into lexical-semantic groups; identification of the types of variation in phonetic dialectisms. The structural research method is applied, including the semantic field method and distributive analysis. Lexical-semantic groups representing the environment, hunting, fishing, food culture, clothing, names of animals, plants, and parts of the human and animal body have been established. In terms of origin, the study identifies native Yakut lexemes, borrowings from Evenki (Even) and Russian. In addition, types of phonetic dialectisms with vowel and consonant variation are revealed. The results of the study can be used in teaching Yakut lexicology and phonetics, as well as in the course of Yakut dialectology.

Keywords: P. P. Barashkov, dialectal words, dialect, lexical-semantic group, lexis, morphology, phonetic variation

Funding: The study was carried out within the framework of the state assignment “Digital Description of the Languages of the Peoples of the North of the Russian Federation (Based on the Yakut Language and Its Dialects)”, Agreement No. FSRG-2026-0011

For citation: Okhlopko N.V. The Kobyaysky Dialect of the Yakut Language: Lexical-Semantic System and Phonetic Variation (Based on P. P. Barashkov’s Materials). *Altaistics*. 2026, No 3 (22), Pp. 29-37. <https://doi.org/10.25587/2782-6627-2026-3-29-37>

Введение

Традиция научного описания якутских говоров берет начало с середины XIX столетия. О. Н. Бётлингк одним из первых охарактеризовал фонетический и морфологический строй якутской устной речи, заложив методологические основы последующей диалектологической школы.

Дальнейшее накопление эмпирической базы связано с именами А. Е. Кулаковского, А. А. Саввина, Е. И. Убрятовой, П. С. Афанасьева, П. П. Барашкова, благодаря полевым изысканиям которых был сформирован обширный корпус локальной лексики и установлены основные ареальные закономерности распространения языковых явлений якутского языка. Принципиально важной вехой в развитии методики сопоставительного анализа говоров якутского языка стала исследование Е. И. Убрятовой [1], где были предложены критерии сравнительного изучения звуковых систем говоров. Как отмечал в своих работах М. С. Воронкин, в публикациях С. А. Новгородова и А. А. Иванова-Күндэ впервые получили научную характеристику такие специфические фонетические процессы якутского языка, как «аканье» и «оканье» [2–4].

Научная систематизация диалектного ландшафта якутского языка и разработка его классификации неразрывно связаны с трудами М. С. Воронкина [2–4], С. А. Иванова [5–7] и Е. И. Коркиной [8]. Именно в этих работах предложена аргументированная модель членения диалектного пространства якутского языка, обосновавшая выделение четырех основных зон – центральной, вилюйской, северо-восточной и северо-западной с детальным описанием их дифференциальных признаков на всех языковых уровнях (фонетика, морфология, лексика). Указанные исследователи не только аккумулировали значительный полевой материал, но и осуществили его многоаспектное осмысление, позволившее выявить типологические характеристики региональных говоров якутского языка.

Первое лексикографическое обобщение диалектного материала было осуществлено в 1976 году с выходом диалектологического словаря якутского языка, включившего более 8500 словарных статей [9]. Дальнейшее пополнение диалектных данных привело к публикации дополнительного тома, включивший свыше 5000 лексических единиц [10].

В актуальной научной парадигме эстафета диалектологических изысканий успешно принимается новым поколением лингвистов – Н. В. Малышевой [11, 12], Е. Р. Николаевым [13] и Н. В. Турантаевой [14], которые существенно расширяют предметное поле исследований. В фокусе их внимания теперь оказываются не только сугубо структурные диалектные различия, но и проблемы этнолингвистики, семантической маркированности локальной лексики, а также механизмы лексического заимствования и межъязыкового контактирования. Полученные ими результаты вносят весомые коррективы в устоявшиеся представления о диалектном многообразии языка саха, углубляя теоретическую базу якутского языкознания.

В современной социолингвистической ситуации, определяемой интенсификацией хозяйственного освоения арктических территорий, ростом миграционных потоков и урбанизационными процессами, эти факторы объективно ведут к постепенному сужению естественной языковой среды. Данные процессы провоцируют нивелирование диалектных различий в языках народов России. Несмотря на то, что сами языки пока не стоят на грани исчезновения, утрата диалектного разнообразия чревата невосполнимыми потерями эмпирических данных о внутренних механизмах функционирования этих лингвистических систем, а также исчезновением естественных источников, питающих развитие литературных форм. В обозримой перспективе прогнозируется редукция ряда говоров якутского языка, а вследствие этого – возникновение прямой угрозы для устойчивого существования языка саха в целом. Именно поэтому исключительно важное значение приобретает системная документация диалектной лексики и фонетики: собранный материал представляет для науки бесценный эмпирический корпус, отражающий как глубинные механизмы языковой эволюции, так и специфику регионального мировосприятия носителей.

Обсуждение и результаты

В отечественном языкознании принято определять диалектную лексику как корпус слов и фразеологизмов, локализованных в речи жителей конкретных территорий. Подобные единицы, как правило, остаются за пределами кодифицированной литературной нормы и не относятся к общепотребительным средствам языка.

Согласно классификационной схеме, обоснованной М. С. Воронкиным и Е. И. Коркиной, диалектный пласт якутского языка делится на следующие группировки:

- северо-западная группа: сюда входят долганский таймырский диалект, а также есейский говор якутского языка, распространенный за пределами республики; анабарский говор (с юрюнг-хаинским подговором), оленекский (с эйикским подговором), а также булунский и жиганский говоры (два последних считаются переходными);
- вилюйская группа: включает вилюйский (с заречным подговором), нюрбинский, сунтарский (с садынским подговором) говоры, а также территории Олекминского, Ленского и Кобяйского районов, которые по всем признакам относятся к данной группе;
- центральная группа: объединяет территории Намского, Горного, Орджоникидзево, Амгинского, Мегино-Кангаласского, Усть-Алданского, Алексеевского, Чурапчинского и Усть-Майского районов [4];
- северо-восточная группа: представлена верховяным говором (с саккырыским подговором); колымским говором (включающим подговоры Нижнеколымского, Среднеколымского и Верхнеколымского районов); оймьяконским говором, бытующим в Оймьяконском районе и якутоязычных районах Магаданской области; усть-янским говором (Усть-Янский и Аллаиховский районы); индигирским говором (Момский и Абыйский районы) [8].

Каждый из перечисленных диалектных массивов демонстрирует специфические черты в области фонетики, лексики и грамматики, при этом не утрачивая интегральных характеристик, позволяющих рассматривать их как компоненты единой языковой системы. Как обоснованно отмечала Е. И. Убрятова, сложившаяся диалектная дифференциация якутского языка во многом предопределена историей его распространения среди эвенкоязычного населения [1].

Объектом нашего непосредственного внимания является кобьяйский говор, входящий в вилюйскую группу. По результатам экспедиций института ЯЛИ П. П. Барашковым была написана работа «Говор якутов Кобьяйского района» [15], посвященная описанию говоров Кангаласского, Горного, Намского, Жиганского и Кобьяйского районов. Рукопись не была опубликована и в настоящее время хранится в Рукописном фонде Архива ЯНЦ СО РАН. Данная работа состоит из нескольких разделов и приложения, содержащего около 200 диалектных слов кобьяйского говора. Во введении автор отмечает, что источником послужили анкетные данные фонда якутского филиала Академии наук, а также «использованы материалы собирателей фольклора С. И. Боло, А. А. Саввинова, учителя Н. Н. Макарова и текстовые записи, произведенные со слов осведомителей» [15, с. 4].

В начале исследования представлен материал о предках населения всех наслегов Кобьяйского района. Далее следуют фонетические особенности говора. П. П. Барашков отмечает, что «говор Кобьяйского района представляет интерес в том отношении, что на его территории соприкасаются границы двух в фонетическом отношении говоров якутского языка. Это позволяет провести наблюдение над взаимовлиянием двух различных говоров в одном районе» [15, с. 18]. Установлено, что из 9 наслегов данного района 6 (Кобьяйский, 1, 2 Ситтинские, Ниджилинский, Тыайинский, Кокуйский) относятся к акающей группе, тогда как население остальных трех (Мукучинский, 1 и 2 Лючегинские) – к окающей.

В говоре данного района обнаружены два дифтонга, не имеющих обозначения в якутском литературном языке: *ya*, *yə*. Дифтонг *ya* может быть передан двояко: в первом случае он занимает промежуточное положение между *o* и *a*, во втором – первый элемент *y* произносится крайне слабо. Например: *туулар диэри* – ‘наполнить доверху’ (между *o* и *a*) [15, с. 19]. Дифтонг *yə* встречается редко и зафиксирован в слове, *күэрэгэй* ‘жаворонок’ (ср. литературный *күөрэгэй*). При артикуляции второй элемент *ə* слышится очень слабо.

Далее П. П. Барашков указывает, что в говоре наблюдается варьирование неогубленных и огубленных гласных *a~o*, а также передних и задних гласных *u~y*. В одних наслегегах произносят: *хатыыр* ‘коса’ (Кокуйский, Кобьяйский, Нижилинский, Ситтинский, Тыайинский), в Кокуйском, 1 Лючегинском, Мукучинском – *хотуур*. Аналогично: *хатын* ‘госпожа’ в Тыайинском, Кокуйском, Кобьяйском, Нижилинском, 1 Лючегинском, но *хотун* ‘госпожа’ в Нижилинском, 2 Лючегинском, Мукучинском. Как видно из примеров, аканье и оканье одновременно встречается в Кокуйском, Кобьяйском и Тыайинском наслегегах. Варьирование передних и задних представлен следующими примерами: *ньирэй* ~ *ньырай* «теленки», *сирэй* ~ *сырай* «лицо», которые также употребляются параллельно.

В системе гласных также фиксируется диалектное варьирование по признаку подъема *э ~ и*: *тэрии* ~ *тирии* ‘наружный покров тела человека, животного, кожа’, *сэли* ~ *сили* ‘костный мозг’, *эли* ~ *или* ‘рука’.

Что касается употребления дифтонгов, П. П. Барашков пишет, что в данном районе встречаются основы с долгим гласным, однако фиксируются и формы с дифтонгом. Например: *өрүүн* в м. *өрөөн* ‘отдыхать’, *кэпсиэ* в м. *кэпсээ* ‘рассказывать’, *көрдүүн* в м. *көрдөө* ‘искать, разыскивать’ и др.

П. П. Барашков отмечает в консонантной системе якутских говоров варьирование коррелятивных пар $л \sim р$ и $ч \sim т$ преимущественно в заимствованной лексике и отдельных диалектных формах. Например: *тэлиэркэ* ~ *тэриэлкэ* 'тарелка', *үүчээн* ~ *үүтээн* 'охотничья землянка'. Наиболее существенной особенностью является употребление согласных звуков, не имеющих самостоятельного буквенного обозначения на письме. К ним относится удлинённый звук *н*, который по своим акустическим характеристикам соответствует удвоенному *нн*: *батыйаннан* 'пальмой', *тууннан* 'снастью'. Другим таким звуком является заднеязычный *г*, занимающий промежуточное положение между *г* и *б*. По месту образования он относится к заднеязычным, а по способу образования – к щелевым согласным. Этот звук зафиксирован в словах: *сыарга* вм. *сыарба* 'сани', *суорган* вместо *суорбан* 'одеяло', *аргаа* вместо *арбаа* 'запад'.

В морфологическом плане автор не усматривает серьезных расхождений, однако отмечает несколько явлений. Во первых, использование сложных слов: *быгыһын* вм. *бу кыһын* 'нынешней зимой', *бүгүһүн* вм. *бу күһүн* 'нынешней осенью', *бүтүүн* вм. *бу түүн* 'в эту ночь'. Во-вторых, широкое распространение в данной группе говоров получили сокращённые формы глаголов: *тутаттаан* вместо *тутуталаан*, *куоталаан* вместо *куотуталаан*, *арыйтааннар* вместо *арыйтыталааннар*.

В лексическом плане П. П. Барашков выявляет некоторые расхождения в употреблении слов из сферы рыболовства, названий растений, животных, предметов быта. По тематике этот материал может быть распределён по следующим лексико-семантическим группам:

1. Части тела человека и животных: *ылгын чынгыйа*, *кытыы тарбах* – *ылгын-чыкыйа* 'мизинец', *долборуга* – *тайах уоһа* 'губа лося', *чараас* – *хабах* 'пузырь', *мэйиһи* – *бас*, *төбө* 'голова' и др., *хааллык* – *хоолдьук* 'первый шейный позвонок' и др.

2. Ландшафт: *быра* – *чүөмпэ* 'глубокое место', *бэрэ* – *күөл хоннобо* 'прилегающая к озеру поляна', *толоон* – *дулбалаах киэн үрэх* 'долина речки с кочками', *тукалаан* – *дьэнкэ сис тыа* 'редкий горелый лес', *түбэ* – *үрэх тобойо* 'изгиб речки', *кырыы* – *сис тыа* 'дремучий лес' и др.

3. Название одежды, пищи, утвари, предметов быта: *туруору балабан* – *балабан* 'юрта', *моой дьиз* – *дьиз* 'дом', *сойутар* – *үрүг чаанньык* 'заварник', *чөмчүүк* – *чааскы* 'чашка', *отойор* – *быһах* 'нож', *сардаана* – *долбуур* 'полка', *сибиэ* – *балыгы хатарар мас дуоска* 'доска на которой сушат рыбу', *состуок* – *холумтан* 'шесток', *холто* – *улахан сарыы сон* 'пальто из оленьей шкуры', *атыйах* – *тордуйа* 'берестяной лоток, бадьа' и др.

4. Термины сельского хозяйства, скотоводства и земледелия: *хадай* – *күрүө* 'изгородь, городьба из кольев, на которые кладутся жерди', *бэрбээкэй* – *бүтэй* 'изгородь', *долборук* – *күкүр* 'коровьи или телячьи ясли' и др.

5. Название растений: *мугураат* – *баай тиит* 'могучее дерево', *оһуорсун* – *санга кэнчээри от* 'осенние побеги', *хачыан* – *кытыан* 'можжевельник', *ымыйах от* – *ымыйах* 'кровохлевка лекарственная' и др.

6. Название животных: *тэрээк* – *тиинг* 'белка', *солонго* – *солондо* 'колонок', *табысхаан* – *куобах* 'заяц', *арбаҕастаах*, *һаады*, *тыа кинээһэ*, *талкы*, *ойуурдаабы*, *кырдыаҕас* – *эһэ* 'медведь', *бурбаа* – *күтэр* 'водяная крыса', *кутуруктаах*, *уһун кутурук*, *аһыылаах* – *бөрө* 'волк', *күрдүүгэс*, *быһынтык* – *моботой* 'бурундук', *маттаҕа* – *күтэр* 'водяная крыса', *уһун тумус*, *чыныр*, *мыыска*, *чынырыкаан* – *кутуйах* 'мышь' и др.

7. Название рыб и средств улова: *баллаахы* – *сыалыһар* 'налим', *туут балык* – *тууччах* 'нельма', *һыччаа* – *кыһыытай* 'красноглазка', *чэркэ* – *собо* 'карась', *күөнэх* – *мунду* 'гальян', *баҕады* – *мунха* 'невод', *бөкөө* – *илим* 'сети', *һылаах* – *тыы* 'большая лодка',

борохой – *дьорохой* ‘мелкие шуки’, *бочоох* – *кыра собо* ‘мелкие караси’, *быччыкы* – *собо обото* ‘мелкие карасики’, *сип* – *күөгү* ‘удочка’, *көндөй* – *туу* ‘верша’ и др.

8. Название птиц и средств их ловли: *лэкэчээнэ* – *мэкчиргэ* ‘сова’, *хаар чыычааба* – *чооруо* ‘чечетка’, *уйус* – *моонньофон* ‘шилохвост’, *хайахсыт* – *хопто* ‘чайка’, *сыамсах* – *кукаакы* ‘кукша’, *барыа* – *дурда* ‘засадка’, *кыыс* – *мончуук* ‘манок’, *кунньалгы* – *уларга иитэр туһах* ‘петля для тетерева’ и др.

9. Название насекомых, пресмыкающихся: *тыймыыт* – *тэмэлдьигэн* ‘стрекоза’, *хаадьына*, *сир сиэнэ* – *кулгэри* ‘ящерица’, *эриэн кыыл* – *эриэн үөн* ‘змея’ и др.

10. Слова, обозначающие действия: *ньолотуу* – *күөрэт* ‘стрелять в лету’, *хомуйуоллаты* – *бааһырды* ‘ранение’, *сүүрүгүйдүүр* – *сымыйалыр* ‘врать’, *түһүөлээ* – *сөтүөлээ* ‘купаться’, *халбарый*, *былтарый* – *туораа* ‘поварачивать в сторону’, *ыһытаа* – *хаһытаа* ‘кричать’, *аараа* – *тохтоо* ‘остановиться’, *куолаа* – *көмөлөс* ‘помогать’ и др.

11. Название болезней животных и человека: *иһэргэнэ* – *ымынах* ‘чесотка’, *аран* – *сыстыганнаах ыарыы* ‘проказа’, *анаарар буолбут* – *көрөр ыарыы* ‘панариций’ и др.

Диалектная лексика якутского языка по происхождению традиционно подразделяется на три основные группы: исконно якутские слова, заимствования из эвенкийского (эвенского) языка и русизмы [4]. В материале П. П. Барашкова преобладают исконно якутские лексемы. Например: *аран* – *сыстыганнаах ыарыы* ‘проказа’, *түһүөлээ* – *сөтүөлээ* ‘купаться’, *уйус* – *моонньофон* ‘шилохвост’, *бочоох* – *кыра собо* ‘мелкие караси’, *мэйиши* – *бас*, *төбө* ‘голова’ и др.

Поскольку Кобяйский район расположен в северо-западной части Якутии, в исследуемом материале представлены также заимствования из эвенкийского (эвенского) языка, преимущественно обозначающие объекты природного ландшафта и представителей животного мира. Так, *ныычаа* – *кыһыытай*, *кыһыл харах* ‘сибирская плотва’ ср. эвенк. *нича* ‘сорога’ [9, с. 181], *мэндэрэ* – *кураанах хонуу* ‘сухой лужок’ ср. эвенк. *мэгдын* ‘высокий берег’ [9, с. 169], *быра* – *чүөмпэ*, *үрэх чүөмпэтэ* ‘глубокое место в речке’ ср. эвенк. *бира* ‘река’ [9, с. 77], *чынгыркаан* – *кутуйах* ‘мышь’ ср. эвенк. *чингирикэн* ‘мышь’ [9, с. 305] и др.

В качестве диалектных слов употребляются и отдельные заимствования из русского языка: *состуок* – *холумтан* ‘шесток’ ср. рус. *шесток*, *хаадьына* – *кулгэри* ‘ящерица’ ср. рус. *гадина*, *сахатай* – *тайах* ‘лось’ ср. рус. *сохатый*.

Исследуя диалектную лексику якутского языка, С. А. Иванов выделяет аффиксальный и неаффиксальный способы образования лексических диалектизмов, к последнему относятся лексико-семантический, лексико-морфологический и лексико-синтаксический способы [16]. Аффиксальное словообразование является одним из важнейших средств пополнения словарного состава языка [16]. В материале П. П. Барашкова представлены лексемы, образованные аффиксальным способом. Так, зафиксировано существительное с суффиксом *-каан*: *чынгырыкаан* – *кутуйах* ‘мышь’. Кроме того, отмечены случаи образования существительных от глагольных основ, например: *ньолотуу* – *күөрэт* ‘стрельба влет’, *хомуйуоллаты* – *бааһырды* ‘ранение’, также атрибутивные (перифрастические) наименования животных, построенные по модели «обладающий признаком» с аффиксами *-лаах*, *-таабы*: *аһылаах* – *бөрө* ‘волк’, *арбаҕастаах*, *ойуурдаабы* – *эһэ* ‘медведь’.

В исследуемом материале представлен и лексико-синтаксический способ образования диалектных слов: *анаарар буолбут* – *көрөр ыарыы* ‘панариций’, *эриэн кыыл* – *эриэн үөн* ‘змея’, *үрэх төбөтө* – *үрэх төрдө* ‘устье реки’ и др.

Заключение

Диалектологический материал, собранный П. П. Барашковым по кобьяйскому говору, отличается значительной полнотой и репрезентативностью. По тематическому составу в нем представлены лексемы, относящиеся к предметам быта, охоте, рыболовству, одежде, номинациям растений, животных, частей тела человека и животных. В генетическом отношении преобладают исконно якутские слова. Вместе с тем фиксируются заимствования из эвенкийского (эвенского) языка, преимущественно в зоонимической и фитонимической лексике, а также русизмы, обозначающие предметы быта и наименования животных. Лексические диалектизмы образованы как аффиксальным, так и неаффиксальным способами словообразования. Наряду с лексическими диалектизмами в материале выявлены фонетические диалектизмы с варьированием гласных и согласных звуков.

Как отметил С. А. Иванов, П. П. Барашков при описании говора якутов Кобьяйского района впервые в якутской диалектологии зафиксировал необычную реализацию дифтонгов *uo* и *yø* в позициях *uo(a)* и *yø(э)*, где конечный элемент звучит полно и ясно, что нарушает гармоническое сочетание гласных: *yøшиллээх* вместо *yøрүүллээх* 'радостный', *yøскиир* вм. *yøскуур* 'образуется', *tyøхтыыр* вм. *tyøхтуур* 'делает', *yoryйах* вм. *yoryйах* 'вор' [17].

Таким образом, диалектологический корпус по кобьяйскому говору представляет собой ценный источник для изучения диалектного разнообразия якутского языка. Введение его в научный оборот позволяет не только реконструировать отдельные фрагменты языковой картины мира носителей говора середины XX века, но и уточнить существующие классификационные схемы, а также выявить динамику диалектных процессов. Представленный материал открывает новые перспективы для дальнейших исследований в области исторической диалектологии, этнолингвистики и теории языковых контактов, а его систематизация и цифровая документация имеют исключительное значение для сохранения лингвистического наследия народов севера России.

Сокращения

ср. – сравни
вм. – вместо
рус. – русский
эвенк. – эвенкийский

Литература

1. Убрятова Е.И. *Опыт сравнительного изучения фонетических особенностей языка населения некоторых районов Якутской АССР*. Москва: Издательство СССР; 1960:152.
2. Воронкин М.С. *Саха диалектологиятын очерката. Фонетика уонна морфология=Очерки по диалектологии якутского языка. Фонетика и морфология*. Якутск: Книжное издательство; 1980:244.
3. Воронкин М.С. *Диалектная система языка саха: Образование, взаимодействие с литературным языком и характеристика*. Новосибирск: Наука; 1999:208.
4. Воронкин М.С. *Северо-западная группа говоров якутского языка*. Якутск: Якутское книжное издательство; 1984:221.
5. Иванов С.А. *Аканье и оканье в говорах якутского языка*. Якутск: Якутское книжное издательство; 1980:184.
6. Иванов С.А. *Центральная группа говоров якутского языка: Фонетика*. Новосибирск: Наука; 1993:352.
7. Иванов С.А. *Образование диалектной системы якутского языка*. Новосибирск: СО РАН; 2021:256.
8. Коркина Е.И. *Северо-восточная диалектная зона якутского языка*. Новосибирск: Наука; 1992:280.

9. Афанасьев П.С., Воронкин М.С., Алексеев М.П. *Диалектологический словарь якутского языка*. Москва: Наука; 1976:391.
10. Воронкин М.С. *Диалектологический словарь языка саха*. Дополнительный том. Новосибирск: Наука; 1995:296.
11. Малышева Н.В. Происхождение лексики живой природы: ономазиология и этимология: якутский язык и его диалекты: Дис. ... докт. филол. наук. Москва: 2024:503.
12. Малышева Н.В., Канг Д. Этнолингвистическое описание некоторых диалектных наименований медведя в якутском языке. *Арктика XXI век*. 2025;(1):54-75. <https://doi.org/10.25587/2310-5453-2025-39-1-54-75>
13. Николаев Е.Р. Семантические особенности диалектной лексики олонхо М. Е. Новикова–Мэлэх Мэхээлэ «Дуолан Баай Тойон, Арҕас Баай Хотун». *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2024;17(7):2182–2189. <https://doi.org/10.30853/phil20240312>.
14. Турантаева Н.В., Малышева Н.В. О некоторых монголизмах в диалектной лексике якутского языка (на материале языка олонхо). *Эпосоведение*. 2025;38(2):117-136.
15. Барашков П.П. Говор якутов Кобяйского района Якутской АССР. Архив ЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 6., ед. хр. 231. 1957:84.
16. Иванов С.А. *Лексические особенности говоров якутского языка*. Новосибирск: Наука; 2017:392.
17. Иванов С.А. Якутская диалектология и история языка саха. *Северо-Восточный гуманитарный вестник*. 2015;13(4):66–70.

References

1. Ubryatova EI. *An attempt at a comparative study of phonetic features of the language of the population of some districts of the Yakut ASSR*. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR; 1960:152 (in Russian).
2. Voronkin MS. *Sakha dialektologiyatyn ocherkata. Fonetika uonna morfologiya=An outline of Sakha dialectology. Phonetics and morphology*. Yakutsk: Knizhnoe izdatel'stvo; 1980:244 (in Yakut)
3. Voronkin MS. *Dialect system of the Sakha language: formation, interaction with the literary language and characteristics*. Novosibirsk: Nauka; 1999:208 (in Russian).
4. Voronkin MS. *North-Western group of Yakut language dialects*. Yakutsk: Yakutskoe knizhnoe izdatel'stvo; 1984:221 (in Russian).
5. Ivanov SA. *Akanye and okanye in the Yakut language dialects*. Yakutsk: Yakutskoe knizhnoe izdatel'stvo; 1980:184 (in Russian).
6. Ivanov SA. *The central group of dialects of the Yakut language: Phonetics*. Novosibirsk: Science; 1993:352 (in Russian).
7. Ivanov SA. *Formation of the dialect system of the Yakut language*. Novosibirsk: Sibirskoe otdelenie RAN; 2021:256 (in Russian).
8. Korkina EI. *North-Eastern dialect zone of the Yakut language*. Novosibirsk: Nauka; 1992:280 (in Russian).
9. Afanasyev PS., Voronkin MS., Alekseev MP. *Dialectological dictionary of the Yakut language*. Moscow: Nauka; 1976:277 (in Russian).
10. Voronkin MS., Alekseev MP., Vasil'ev YuI. *Dialectological dictionary of the Sakha language: additional volume*. Novosibirsk: Nauka; 1995:304 (in Russian).
11. Malysheva NV. Origin of wildlife vocabulary: onomasiology and etymology: the Yakut language and its dialects. Doctor's dissertation (Philology). Moscow: 2024:503 (in Russian).
12. Malysheva NV., Kang D. Ethnolinguistic description of some dialectal names for bear in the Yakut language. *Arctic XXI century*. 2025;(1):54–75 (in Russian). <https://doi.org/10.25587/2310-5453-2025-39-1-54-75>
13. Nikolaev ER. Semantic features of dialectal vocabulary in the olonkho by M. E. Novikov–Melekh Mekheele. *Philological sciences. Issues of theory and practice*. 2024;17(7):2182–2189 (in Russian). <https://doi.org/10.30853/phil20240312>
14. Turantaeva NV., Malysheva NV. On some Mongolisms in Yakut dialectal vocabulary (based on the olonkho language). *Epic studies*. 2025;2(38):117–136 (in Russian). <https://doi.org/10.25587/2782-4861-2025-2-117-136>
15. Barashkov PP. The Dialect of the Yakuts of the Kobayasky District of the Yakut ASSR. Archive of the Yakut Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. 1957, fond 5, list 6, item 231, 84 p (in Russian).

16. Ivanov SA. *Lexical features of the Yakut language dialects*. Novosibirsk: Nauka; 2017:392 (in Russian).

17. Ivanov SA. Yakut dialectology and history of the Sakha language. *North-Eastern Humanitarian Bulletin*. 2015;4(13):66–70.

Сведения об авторе

ОХЛОПКОВА Нюргуяна Владимировна – научный сотрудник МНИЛ «Лингвистическая экология Арктики», ФГАОУ «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова», г. Якутск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-7754-9638>, Scopus Author ID: 1313594, e-mail: nurguanna77@mail.ru

About the author

Nyurguyana V. OKHLOPKOVA – M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, International Research Laboratory “Linguistic Ecology of the Arctic”, Yakutsk, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-7754-9638>, Scopus Author ID: 1313594. E-mail: nurguanna77@mail.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Поступила в редакцию / Submitted 26.06.2026

Поступила после рецензирования / Revised 06.07.2026

Принята к публикации / Accepted 28.08.2026

– ЯЗЫКИ И КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ АЛТАЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ СЕМЬИ –

УДК 811.512.157+81'27

<https://doi.org/10.25587/2782-6627-2026-3-38-49>*Оригинальная научная статья*

Якутский язык за пределами якутской этнической среды: случай эвенкийского села в промышленном районе Якутии

И. А. ДаниловИнститут гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
г. Якутск, Российская Федерация
✉igor_danilov_2000@mail.ru**Аннотация**

Якутский язык как объект социолингвистического исследования традиционно рассматривается в контексте якутского этноязыкового сообщества, в то время как коренные малочисленные народы Севера (КМНС), 64,7% которых владеют якутским языком, остаются на периферии анализа. Между тем представители КМНС, владеющие якутским языком, де-факто являются частью якутского языкового сообщества, и изучение языковых процессов в их среде позволяет оценить витальность якутского языка в масштабе республики, а не только среди этнических якутов. В условиях фиксируемого языкового сдвига у детей и молодежи саха исследование функционирования якутского языка в неякутской этнической среде становится особенно важным для понимания факторов, обеспечивающих устойчивость языка за пределами его этнической среды. Цель исследования – изучение функционирования якутского языка у якутоязычных эвенков на примере с. Сьюльдюкар Мирнинского района Республики Саха (Якутия). Методологическую основу составляет метод кейс-стади в рамках этносоциопсихолингвистического подхода с применением триангуляционной стратегии. Сплошное анкетирование взрослого эвенкийского населения села (n=90) дополнено глубинными интервью, включенными наблюдениями и свободным ассоциативным экспериментом (n=80). Якутский язык сохраняет устойчивые позиции: он доминирует во всех сферах повседневного общения, составляет основу языковой идентичности эвенков и рассматривается как приоритетный для передачи детям. Языковые установки респондентов согласуются с их реальными практиками. Свободный ассоциативный эксперимент со стимулом «саха тыла» показал, что якутский язык глубоко интериоризирован в языковом сознании эвенков: преобладают реакции идентификационно-аффилиативного характера, негативно окрашенные реакции отсутствуют. Эвенки воспринимают якутский как «свой» язык, укорененный в их биографическом и культурном опыте. Установлено, что витальность языка определяется не только этническим составом населения, но и комплексом социолингвистических факторов: компактностью проживания, интенсивностью внутригрупповых коммуникаций, семейными языковыми стратегиями, доступностью языковых ресурсов и пр. Результаты исследования указывают на необходимость учитывать представителей КМНС при оценке витальности якутского языка, поскольку они де-факто являются частью якутского языкового сообщества.

Ключевые слова: якутский язык, коренные малочисленные народы Севера, эвенки, якутоязычные эвенки, садыньские эвенки, языковая витальность, языковые практики, языковые установки, этноязыковая идентичность, Республика Саха (Якутия)

Финансирование. Исследование выполнено в рамках государственного задания № 075-00619-26-00 на 2026 г., проект НИР № 124022000071-9

Для цитирования: Данилов И.А. Якутский язык за пределами якутской этнической среды: случай эвенкийского села в промышленном районе Якутии. *Алтаистика*. 2026, № 3 (22), С. 38-49. <https://doi.org/10.25587/2782-6627-2026-3-38-49>

Original article

The Sakha Language Beyond the Sakha Ethnic Environment: The Case of an Evenki Village in an Industrial District of Yakutia

Igor A. Danilov

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch,
Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russian Federation

✉ igor_danilov_2000@mail.ru

Abstract

The Sakha language as an object of sociolinguistic research is traditionally examined within the context of the Yakut ethnolinguistic community, while Indigenous Small-Numbered Peoples of the North (ISNPN), 64.7% of whom speak Yakut, remain on the periphery of analysis. Meanwhile, representatives of ISNPN are de facto part of the Sakha language community, and studying language processes among them allows for assessing the vitality of the Sakha language across the republic, not only among ethnic Yakuts. In the context of documented language shift among Sakha children and youth, research on the functioning of the Sakha language in non-Yakut ethnic environments becomes particularly important for understanding the factors ensuring language sustainability beyond its ethnic core. The aim of the study is to examine the functioning of the Sakha language among Sakha-speaking Evenks using the case of Syuldyukar village in the Mirny District of the Republic of Sakha (Yakutia). The methodological framework is based on the case study method within an ethnosociopsycholinguistic approach employing a triangulation strategy. The research is based on a comprehensive survey of the adult Evenk population of the village (n=90), in-depth interviews, participant observations, and a free association experiment (n=80). The results demonstrate stable positions of the Sakha language: it dominates in all spheres of everyday communication, serves as the foundation of ethnolinguistic identity, and is perceived as a priority for transmission to subsequent generations. The language situation is characterized by a high degree of consistency between language attitudes and actual practices. Analysis of the associative field of the stimulus “sakha tyla” revealed deep internalization of the Sakha language in the linguistic consciousness of the Evenk population: the dominance of the identificational-affiliative zone and the absence of negatively colored reactions indicate the perception of Yakut as “one’s own” language, rooted in biographical and cultural experience. It has been established that language vitality is determined not only by the ethnic composition of the population but also by a complex of sociolinguistic factors: residential compactness, intensity of intragroup communication, family language strategies, availability of language resources, and others. The obtained results highlight the need to expand the research perspective in assessing the vitality of the Sakha language and to include representatives of ISNPN as full members of the Sakha language community in the analysis.

Keywords: Sakha language, Indigenous Small-Numbered Peoples of the North, Evenks, Sakha-speaking Evenks, Sadyn Evenks, language vitality, language practices, language attitudes, ethnolinguistic identity, Republic of Sakha (Yakutia)

Funding. The research was carried out within the framework of state assignment No. 075-00619-26-00 for 2026, research project No. 124022000071-9

For citation: Danilov I.A. The Sakha Language Beyond the Sakha Ethnic Environment: The Case of an Evenki Village in an Industrial District of Yakutia. *Altaistics*. 2026, No 3 (22), Pp. 38-49. <https://doi.org/10.25587/2782-6627-2026-3-38-49>

Введение

Якутский язык как объект социолингвистического исследования рассматривается преимущественно в двух основных контекстах: его функционирование в моноэтнических якутских поселениях и в столице республики, г. Якутске, с позиции якутов как этноязыкового

сообщества [1]. Кроме того, якутско-русское и русско-якутское двуязычие рассматривается применительно к русской этнической общности, что имеет свою исследовательскую традицию и недавно получило развитие в коллективной монографии под редакцией Н. И. Ивановой [2]. Между тем коренные малочисленные народы Севера (далее – КМНС) в Якутии, значительная часть которых (64,7%, по данным Всероссийской переписи населения 2020 г.) владеет якутским языком, остаются на периферии социолингвистического анализа функционирования якутского языка.

Представители КМНС, владеющие якутским языком, де-факто являются частью якутского языкового сообщества, причем эта ситуация имеет длительную историю: еще в начале XX в. тунгусы и другие коренные народы Якутской области пользовались якутским языком в межэтническом общении не только с якутами, но и между собой [3]. Осмысление языковых процессов, происходящих в среде КМНС, позволило бы оценить витальность якутского языка в масштабе республики, а не только среди этнических якутов.

В типологии витальности языков народов России, предложенной сотрудниками Института языкознания РАН, якутский язык квалифицирован как «ограниченный городской» язык с индексом 3В на основании сохранения межпоколенческой передачи на значительной части ареала, включая городские условия [4]. Однако региональные исследования фиксируют начальную стадию языкового сдвига: «зафиксирована кризисная ситуация с сохранностью якутского языка у детей и молодежи, заключающаяся в стремительном снижении их языковой компетенции и одновременно распространяющаяся как в городском, так и в сельском социуме» [5, с. 80].

В данной ситуации изучение функционирования якутского языка в неякутской этнической среде становится особенно важным, поскольку позволяет понять, насколько устойчивы позиции языка за пределами его «естественного» ареала.

Настоящая статья обращается к случаю якутоязычных эвенков, тех, кто перешел на якутский язык не позднее XIX в. Как отмечает А. А. Сирина, «большинство населения северо-запада Якутии уже к середине XIX в. было якутоязычным» [6, с. 98], а именно там проживает большая часть эвенков республики, что подтверждается современными ГИС-исследованиями [7, с. 253]. Применяя метод кейс-стади, мы проводим исследование на примере садынских эвенков, являющихся потомками брагатских эвенков и компактно проживающих в с. Сюльдюкар Мирнинского района Республики Саха (Якутия). Ж. Ф. Дегтева включает территорию Садынского национального эвенкийского наслега в северо-западную этнокультурную область на основании сходства традиционного природопользования и высокой доли эвенкийского населения [8].

Отметим, что брагатские эвенки представляют собой одну из наименее изученных этнолокальных групп. В силу относительной малочисленности и обособленности от других территориальных групп они не всегда упоминаются в перечнях локальных эвенкийских сообществ [9], что делает их случай особенно интересным для социолингвистического анализа.

Цель настоящего исследования – изучение функционирования якутского языка в неякутской этнической среде на примере садынских эвенков, проживающих в с. Сюльдюкар Мирнинского района Республики Саха (Якутия). Исследование направлено на выявление языковых практик, установок и механизмов межпоколенческой передачи якутского языка у якутоязычных эвенков, а также на оценку витальности якутского языка за пределами его этнической среды.

Методы и материалы

Методологическую основу исследования, как уже писали, составляет метод кейс-стади, позволяющий углубленно изучить конкретное языковое явление в определенном этноязыковом сообществе с учетом его реального социального контекста. Мы опираемся на этносоциопсихолингвистический подход, предложенный и апробированный Н. И. Ивановой [1], который предполагает использование триангуляционной стратегии в виде сочетания количественных и качественных методов сбора и анализа данных.

Количественный компонент исследования основан на сплошном анкетировании взрослого эвенкийского населения с. Слюдюкар ($n=90$), проведенном автором в 2025 г. и охватившем все возрастные и социальные группы. Анкета включала вопросы о языковой компетенции, практиках использования языков в различных коммуникативных сферах и языковых установках респондентов. Качественное измерение формируется за счет глубинных интервью и включенных наблюдений, материалы которых выполняют функцию иллюстрирования и верификации количественных данных.

Психолингвистический компонент представлен свободным ассоциативным экспериментом, проведенным также среди взрослого эвенкийского населения села. Выбор данного метода обусловлен его способностью выявлять имплицитные установки и глубинные структуры языкового сознания, недоступные стандартным опросным методам. Как отмечает Э. В. Хилханова, широкое применение ассоциативного эксперимента составляет специфику российской традиции исследований на стыке социо- и психолингвистики [10].

Респондентам предлагалось назвать первые слова или фразы, приходящие в голову при упоминании стимула «саха тыла» (с якут. якутский язык). Стимул предъявлялся на якутском языке как основном языке повседневного общения в селе. Всего получено 80 реакций. Исследовательский потенциал данного метода, по замечанию И. А. Стернина и А. В. Рудаковой, состоит в том, что «реакция в условиях свободного ассоциативного эксперимента является «неспровоцированной», действительно свободной, что позволяет интерпретировать ее как вербальную актуализацию некоторого семантического компонента слова-стимула, рассматриваемого испытуемым как наиболее яркий, важный для его языкового сознания» [11, с. 36].

Результаты и обсуждение

Село Слюдюкар, основанное в 1956 г. и расположенное на территории промышленного Мирнинского района, отражает процесс адаптации эвенкийского населения к условиям советской модернизации. Промышленное освоение территории привело к утрате оленеводства [12], однако этнокультурная специфика не была утрачена полностью: охота, рыболовство и другие элементы традиционной жизнедеятельности продолжают играть важную роль в жизни села. По данным Всероссийской переписи населения 2020 г., в селе проживает 397 чел., из них 210 эвенков и 167 якутов. Несмотря на численное преобладание эвенкийского населения, языковая ситуация в с. Слюдюкар характеризуется как однокомпонентная и эндоглоссная с функциональным доминированием якутского языка.

Итак, все респонденты отметили владение якутским языком, причем все указали на свободное владение. Распределение ответов на вопрос «Какой из этих языков Вы считаете родным?» демонстрирует доминирование якутского языка в структуре этноязыковой идентичности респондентов. Подавляющее большинство (66,7%, $n=60$) признает родным исключительно якутский язык, что соответствует фактическому языковому поведению и полному функциональному доминированию якутского во всех коммуникативных сферах села.

Вместе с тем примечательно присутствие респондентов, признающих родным эвенкийский язык (13,3%, n=12) или демонстрирующих двойную этноязыковую идентичность – якутский и эвенкийский одновременно (11,1%, n=10). Подобная ситуация отражает усиление символической мощности этнического языка в контексте роста этнического самосознания [13]. Двойная этноязыковая идентичность при этом представляет собой устойчивый тренд, фиксируемый практически у всех якутоязычных эвенков Якутии [14]. Один респондент указал на двойную русско-якутскую идентичность, что, по всей видимости, связано с высоким уровнем владения русским языком и его значимостью в определенных коммуникативных сферах. Не дали ответа на вопрос 7,8% респондентов (n=7).

Языковая идентичность проявляется в конкретных коммуникативных практиках повседневности. Поскольку структура повседневной жизни складывается в кругу семьи, друзей и коллег [15], анализ языкового выбора в названных сферах позволяет выявить реальные паттерны языкового поведения. Распределение языков в основных коммуникативных сферах повседневности представлено в табл. 1.

Таблица 1

Языковая дистрибуция в сферах повседневного общения (в %)¹

Table 1

Language distribution in spheres of everyday communication (in %)

Язык общения	Дома	На работе	С друзьями
Якутский	82,2 (74)	41,1 (37)	56,7 (51)
Якутский, русский	13,3 (12)	38,9 (35)	25,6 (23)
Русский	1,1 (1)	10,0 (9)	1,1 (1)
Нет ответа	3,3 (3)	10,0 (9)	16,7 (15)

Как видно из таблицы, якутский язык безусловно доминирует во всех трех сферах повседневного общения, однако степень его доминирования и характер распределения варьируются в зависимости от коммуникативной сферы. Наиболее монолитно представлен якутский язык в домашней сфере (82,2%), что отражает его статус языка внутрисемейной коммуникации и первичной социализации. В общении с друзьями доля моноязычного якутского использования несколько снижается (56,7%), а билингвальная практика (якутский и русский) возрастает до 25,6%. Наиболее сбалансированное распределение наблюдается в рабочей сфере: практически равные доли респондентов указывают на использование исключительно якутского языка (41,1%) и билингвальную практику (38,9%).

Выявленное распределение отражает функциональную специализацию языков, согласно которой якутский остается языком неформального и приватного общения, в то время как русский язык активизируется в более формализованных и публичных контекстах, особенно связанных с профессиональной деятельностью. Присутствие русского языка в рабочей сфере обусловлено расположением села на территории русскоязычного промышленного Мирнинского района. Данный момент отличает с. Слюдякар от якутоязычных сел, расположенных на территориях моноэтнических якутских районов, где использование русского языка в производственной сфере практически не отмечается [16]. Вместе с тем примечательно, что даже в рабочей сфере доля использования исключительно русского языка остается минимальной (10,0%), что свидетельствует о прочных позициях якутского языка как языка повседневной коммуникации, в том числе в официальных и полуофициальных контекстах.

¹ Здесь и далее в скобках указаны абсолютные значения.

Домашняя сфера, продемонстрировавшая наибольшую степень доминирования якутского языка, требует более детального рассмотрения. Анализ языкового выбора во внутрисемейном общении позволяет выявить механизмы межпоколенческой передачи языка и оценить устойчивость языковых практик в наиболее консервативной коммуникативной сфере. Распределение языков в общении с разными членами семьи представлено в табл. 2.

Таблица 2

Языковая дистрибуция во внутрисемейном общении (в %)²

Table 2

Language distribution in intra-family communication (in %)

Язык общения	С бабушкой/ дедушкой	С родителями	С женой/ мужем	С детьми	С внуками
Якутский	44,4 (40)	60,0 (54)	53,3 (48)	57,8 (52)	24,4 (22)
Якутский, русский	8,9 (8)	8,9 (8)	6,7 (6)	21,1 (19)	13,3 (12)
Русский	–	–	1,1 (1)	1,1 (1)	10,0 (9)
Нет ответа	46,7 (42)	31,1 (28)	38,9 (35)	20,0 (18)	52,2 (47)

Как и предполагалось, данные демонстрируют устойчивое доминирование якутского языка в общении с представителями старшего и среднего поколений. В коммуникации с бабушками/дедушками, родителями и супругами монологическое использование якутского языка составляет от 44,4% до 60,0%, при этом билингвальная практика остается минимальной (6,7–8,9%).

Вместе с тем в общении с детьми и особенно с внуками наблюдается заметное усиление роли русского языка. Если в коммуникации с детьми доля билингвальной практики возрастает до 21,1%, то в общении с внуками она достигает 13,3%, а доля использования исключительно русского языка – 10,0%. Обнаруженная динамика свидетельствует о постепенном ослаблении межпоколенческой передачи якутского языка и усилении позиций русского в младших возрастных когортах.

Полевые наблюдения позволяют детализировать механизмы данного процесса. С одной стороны, бабушки и дедушки осознают необходимость передачи якутского языка внукам и пытаются говорить с ними по-якутски, однако непроизвольно переходят на русский язык, даже если их уровень владения русским заметно уступает языковой компетенции внуков. Вместе с тем доля таких семей, где внуки говорят преимущественно на русском языке, невысока. С другой стороны, у значительной части детей дошкольного и начального школьного возраста фиксируется хороший уровень владения якутским языком. Наблюдения за спонтанной коммуникацией детей на улице показали устойчивое доминирование якутского языка в неформальном общении со сверстниками. Несмотря на эпизодические вкрапления русских лексем, грамматическая структура речи оставалась якутской, что указывает на якутский как матричный язык детской коммуникации. Зафиксированный случай, когда мальчик 6 лет по замечанию матери (35 лет) свободно переключился с русского на якутский и полноценно перевел сказанное, свидетельствует о формировании у части детей сбалансированного двуязычия.

Таким образом, языковая ситуация в младшем поколении характеризуется высокой степенью вариативности. Наблюдаемое разнообразие языковых траекторий указывает

² Высокая доля неответивших объясняется отсутствием соответствующих родственников у части респондентов (молодые респонденты не имеют детей/внуков, у пожилых отсутствуют живые представители старшего поколения и т.д.).

на отсутствие единого вектора языковых изменений и зависимость результатов от конкретных семейных стратегий. В интервью женщина до 40 лет отметила, что ее дочь 5 лет, преимущественно говорившая по-русски, теперь свободно говорит по-якутски. В этом она усматривала влияние детского телеканала «Тооку», транслирующего мультфильмы на якутском языке. Данный пример представляет особый интерес в контексте дискуссии о роли цифровых медиа в языковой социализации. Если ранее отмечалось, что «развитие гаджетизации детско-родительских отношений, ранний свободный доступ детей в Интернет становятся факторами, препятствующими воспроизводству этнического языка» [17, с. 59], то запуск специализированного детского контента на якутском языке (телеканал «Тооку» начал вещание 1 июня 2024 г.) демонстрирует возможность использования цифровой среды в качестве инструмента поддержания якутского языка. Это указывает на то, что определяющим фактором является не сама технология, а языковая политика в медиaprостранстве и доступность качественного контента на недоминирующем языке.

Описанная вариативность языковых практик и наличие успешных случаев межпоколенческой передачи якутского языка в с. Сьюльдюкар выглядят примечательно на фоне общереспубликанских тенденций. Даже в условиях полиэтничного промышленного района языковая ситуация у детей оказывается относительно благополучной, если учитывать, что изучение владения якутским языком у детей саха в моноэтнических якутских районах показало, что свободным владением этническим языком характеризуется лишь 47,55% детей-саха [18]. Можно предположить, что компактность проживания, активные семейные стратегии языковой передачи и доступ к медиаресурсам на якутском языке могут компенсировать потенциально неблагоприятное влияние русскоязычного окружения.

Наблюдаемые языковые практики во многом обусловлены языковыми установками носителей. С целью их изучения в рамках анкетирования респондентам предлагалось выразить согласие или несогласие с различными утверждениями о якутском языке. Полученные данные демонстрируют исключительно позитивное отношение к якутскому языку. Подавляющее большинство респондентов (84,4%, $n=76$) отметило, что любят говорить на якутском языке, что свидетельствует о высокой степени эмоциональной привязанности к языку и его центральной роли в структуре этноязыковой идентичности. Более половины респондентов (53,3%, $n=48$) считают важным хорошо владеть якутским языком, а 45,6% ($n=41$) выражают желание, чтобы их дети и внуки говорили на этом языке, что отражает устойчивую ориентацию на сохранение и передачу языка следующим поколениям. Значительная часть респондентов признает символическую ценность якутского языка: 42,2% ($n=38$) считают, что у языка есть будущее, а 36,7% ($n=33$) полагают, что знание якутского языка престижно.

Вместе с тем прагматическая, инструментальная ценность якутского языка оценивается респондентами существенно ниже. Лишь около трети респондентов связывают знание якутского с самореализацией (30,0%, $n=27$), получением образования (26,7%, $n=24$) и трудоустройством (23,3%, $n=21$). Подобная оценка отражает объективные условия локального рынка труда: доминирование промышленного сектора, где рабочим языком выступает русский, и ограниченность сфер занятости, требующих владения якутским языком.

Тем не менее село демонстрирует заметную культурную и творческую активность на якутском языке. Среди эвенков, уроженцев с. Сьюльдюкара – известные в республике певцы Николай Никифоров и Спиридон Саввинов–Садын, исполняющие и пишущие песни на якутском языке, а также актриса театра Олонхо Сайаана (Инга) Леонова. В селе активно

развивается литературное творчество. Так, к 70-летию с. Скульдюкар издан сборник «Айар тыл алыбар куустаран» (2026) на якутском языке, включивший произведения как школьников, так и взрослых авторов. Подобная культурная динамика указывает на то, что эмоциональная значимость якутского языка находит практическое воплощение в творческой самореализации.

Примечательно практически полное отсутствие негативных установок по отношению к якутскому языку. Утверждения о том, что язык не имеет будущего, необязателен или что без него можно обойтись, не получили поддержки ни у одного респондента. Даже потенциально стигматизирующие характеристики (сложность языка (4,4%, n=4), стыд при его использовании (3,3%, n=3), невостребованность (1,1%, n=1)) отмечаются минимальным числом респондентов.

Позитивное отношение к якутскому языку находит отражение в иерархии языковых приоритетов для следующих поколений. Для выявления этой иерархии респондентам предлагалось распределить языки по очередности, согласно которой, по их мнению, должны владеть дети и внуки (1-я позиция – прежде всего, 4-я позиция – в последнюю очередь). Результаты представлены в табл. 3.

Таблица 3

Языковые установки респондентов в отношении желаемого языкового репертуара детей/внуков (в %)³

Table 3

Respondents' language attitudes regarding the desired language repertoire of their children/grandchildren (in %)

Язык	Позиция				Индекс
	1	2	3	4	
Якутский	71,1	18,9	0	1,1	3,42
Русский	31,1	26,7	27,8	0	2,60
Эвенкийский	30	26,7	10	12,2	2,32
Английский	8,9	11,1	15,6	26,7	1,27

Якутский язык демонстрирует безусловное лидерство с индексом 3,42 – самым высоким среди всех рассматриваемых языков. Подавляющее большинство респондентов (71,1%) поместили якутский язык на первую позицию, что отражает его центральную роль как в текущих языковых практиках, так и в стратегиях языковой социализации следующих поколений. Еще 18,9% респондентов разместили якутский на второй позиции. Полученное распределение подтверждает устойчивость установки на межпоколенческую передачу якутского языка и его восприятие как необходимого компонента языкового репертуара детей. Примечательно, что даже в условиях полиэтничного промышленного района, где русский язык доминирует в публичной сфере, якутский язык воспринимается как первостепенный для освоения детьми.

Для углубленного понимания того, какие смыслы и ценности связывают носители с якутским языком, обратимся к анализу свободных ассоциаций. Примечательно, что 56,3% реакций были даны на якутском языке, а 43,8% – на русском. Полученное распределение отражает языковую компетенцию респондентов и подтверждает доминирование якутского

³ Часть респондентов разместила несколько языков на одной позиции, поэтому суммы по столбцам превышают 100%. Индекс приоритетности рассчитан как средневзвешенное: $(4 \times \%_1 + 3 \times \%_2 + 2 \times \%_3 + 1 \times \%_4) / 100$, где $\%_i$ – доля респондентов, выбравших соответствующую позицию. Шкала индекса от 1 (низкий приоритет) до 4 (высокий приоритет). Языки упорядочены по индексу приоритетности.

языка в их языковом сознании. Содержательный анализ реакций позволяет выделить семь семантических зон, актуализируемых стимулом «саха тыла» (табл. 4).

Таблица 4

Структура ассоциативного поля стимула «саха тыла»

Table 4

Structure of the associative field of the stimulus “sakha tyla”

Семантическая зона	Количество реакций	%	Ключевые реакции (примеры)
1. Идентификационно-аффилиативная	37	46,3	родной язык (6), төрөөбүт тыл ‘родной язык’ (3), төрөөбүт тылым ‘мой родной язык’ (2), ийэ тыл ‘материнский язык’ (1), язык народа саха (1) и др.
2. Функционально-прагматическая	21	26,3	кэпсэтэр тылым ‘язык, на котором я общаюсь’ (2), кэпсэтэр тыл ‘язык общения’ (1), санарабыт ‘говорим’ (1), күн ахсын туттар тылым ‘язык, который я использую каждый день’ (1) и др.
3. Аксиологическая	14	17,5	баай ‘богатство’ (3), биһиги баайбыт ‘наше богатство’ (1), сүппэт баай ‘неисчезающее богатство’ (1), саха тылын билэрбиттэн киэн туттабын ‘горжусь тем, что знаю якутский язык’ (2) и др.
4. Культурно-символическая	12	15,0	культура (6), олонхо ‘олонхо’ (3), ыһыах ‘Ысыах’ (2), тойук ‘песня-импровизация’ (1), поэзия (1), стихи (1) и др.
5. Метаязыковая	5	6,3	тюркский язык (1), дифтонг (1), сүһүөх ‘слог’ (1) и др.
6. Персоналии	3	3,8	Өксөкүлээх Өлөксөй (А.Е. Кулаковский) (1), Ойуунускай (П.А. Ойунский) (2), Н.Д. Неустроев (1)
7. Прочие	3	3,8	оҕо ‘ребенок’ (1), баҕа санаа ‘мечта’ (1), айылҕа ‘природа’ (1)

Структура ассоциативного поля стимула «саха тыла» отражает многомерное восприятие якутского языка эвенкийским населением села. Наибольшее количество реакций представлено в идентификационно-аффилиативной зоне (46,3%), что свидетельствует о том, что респонденты воспринимают якутский язык, прежде всего, как основу личной идентичности. Характерны посессивные конструкции (мой родной язык; язык, которым я владею), подчеркивающие личную присвоенность языка и его интимную связь с самоидентификацией говорящего. Реакции родства (материнский язык, мой отец) и территориальной принадлежности (родина, Якутия) маркируют язык как «свой», укорененный в биографическом и географическом опыте. Вторая по значимости функционально-прагматическая зона (26,3%) представляет якутский язык как инструмент актуальной коммуникативной практики. Респонденты используют глаголы настоящего времени (говорю, общаюсь, использую каждый день), маркирующих якутский язык как язык текущего использования. Упоминание институциональных контекстов (урок, учитель, государственный язык) указывает на его статусную позицию в образовании и официальной сфере.

Значительный объем аксиологической зоны (17,5%) эксплицирует высокую символическую ценность якутского языка. Респонденты концептуализируют его как «богатство», причем не просто богатство, а «неисчезающее богатство» (сүппэт баай), что отражает восприятие языка как непреходящей ценности. Реакции гордости (горжусь тем, что знаю якутский язык) выражают эмоциональную привязанность, а императивные

конструкции (каждый человек должен знать, должны развивать) указывают на нормативную установку, предписывающую сохранение и передачу языка как коллективный долг. Культурно-символическая зона (15,0%) демонстрирует глубокую интеграцию языка в культурное сознание. Высокая частотность обобщающей реакции культура и устойчивая связь с фольклорными жанрами (олонхо, тойук), ритуальным праздником (ысыах) и литературными персоналиями свидетельствуют о восприятии якутского языка как носителя культурной памяти и ключевого маркера этнокультурной идентичности.

Метаязыковые реакции (6,3%), хотя и малочисленны, заслуживают внимания. Упоминание лингвистических терминов (дифтонг, слог, тюркский язык) указывает на рефлексивное отношение к языку как к объекту знания. Особенно примечательны метафоры эстетизации (узор, украшение), представляющие язык как объект эстетического восприятия и наслаждения.

Отсутствие негативно окрашенных реакций и реакций, маркирующих сдвиг, конфликт или языковую тревожность, свидетельствует о благополучной языковой ситуации. Якутский язык воспринимается как стабильный, витальный и перспективный, что согласуется с данными социолингвистического опроса о высоком уровне языковой компетенции и регулярности использования. Таким образом, ассоциативный эксперимент выявляет, что для эвенкийского населения якутский язык выступает как интериоризированный, глубоко личный язык, ассоциируемый с родством, родиной, культурным наследием и повседневной жизнью.

Заключение

Исследование функционирования якутского языка в эвенкийском с. Сюльдюкар показывает, что язык сохраняет устойчивые позиции за пределами якутской этнической среды. Якутский язык доминирует во всех сферах повседневной коммуникации, выступает основой этноязыковой идентичности и воспринимается как приоритетный для передачи следующим поколениям.

Языковые установки респондентов согласуются с их реальными практиками. Позитивное отношение к якутскому языку подкрепляется его активным использованием в межпоколенческой передаче. Несмотря на усиление роли русского языка в младших возрастных когортах, значительная часть детей дошкольного и начального школьного возраста владеет якутским языком на хорошем уровне. Успешные случаи языковой передачи свидетельствуют о том, что компактность проживания, активные семейные стратегии и доступ к медиаресурсам на якутском языке могут компенсировать потенциально неблагоприятное влияние русскоязычного окружения промышленного района.

Анализ ассоциативного поля стимула «саха тыла» выявил глубокую интериоризацию якутского языка в языковом сознании эвенкийского населения. Доминирование идентификационно-аффилиативной зоны и отсутствие негативно окрашенных реакций указывают на восприятие якутского языка как языка «своего», укорененного в биографическом и культурном опыте.

Устойчивость позиций якутского языка в неякутской этнической среде указывает на то, что витальность языка определяется не только этническим составом населения, но и комплексом социолингвистических факторов: компактностью проживания, интенсивностью внутригрупповых коммуникаций, семейными языковыми стратегиями, доступностью языковых ресурсов и пр. Полученные результаты актуализируют необходимость расширения исследовательской оптики при оценке витальности якутского языка. Включение в анализ представителей КМНС, де-факто являющихся частью якутского

языкового сообщества, позволяет получить более полную картину функционирования языка в масштабе республики и выявить факторы, способствующие его сохранению в условиях языковой конкуренции.

Литература

1. Иванова Н.И. *Языковая ситуация в Республике Саха (Якутия): якутский язык в начале XXI в., этносоциопсихолингвистический аспект*. Новосибирск: Наука, 2022:284.
2. Иванова Н.И., Данилов И.А., Бердникова Т.А. и др. *На перекрестке языков: Этноязыковое самочувствие русского населения Центральной Якутии*. Новосибирск: Наука, 2026:224.
3. Патканов С. *Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири на основании данных переписи населения 1897 г. и других источников: Ч. 1, вып. 2: Тунгусы собственно*. Санкт-Петербург: Слово, 1906:283.
4. Коряков Ю.Б., Давидюк Т.И., Коряков Ю.Б. и др. *Список языков России и статусы их витальности*. Монография-препринт. Москва: Институт языкознания РАН, 2023:80.
5. Иванова Н.И., Никитина В.Н., Филиппова А.Г. Социолингвистическая обусловленность функционирования якутского языка в сфере школьного образования: истоки начинающегося кризиса. *Научный диалог*. 2021;10:65-84.
6. Сирина А.А. *Эвенки и эвены в современном мире: самосознание, природопользование, мировоззрение*. Москва: Восточная литература; 2012:604.
7. Филиппова В.В. Эвенки Якутии в XX-XXI веках: пространственно-временная дифференциация численности расселения. *ИнтерКарто. ИнтерГИС*. 2023;2(29):244-255.
8. Дегтева Ж.Ф. Этнокультурное районирование полиэтнических северных территорий (на примере Якутии). *Наследие и современность*. 2019;1(2):63-78.
9. Боякова С.И. Брагатские эвенки: история, расселение, хозяйство, современный статус. *Северо-Восточный гуманитарный вестник*. 2024;3(48):57-68.
10. Хилханова Э.В. Человеческий фактор в российской социолингвистике (субъективные заметки). *Вопросы языкознания*. 2025;4:129-156.
11. Стернин И.А., Рудакова А.В. *Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы*. Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing; 2011:192.
12. Белолобская Г.С. Исчезнувшие стада: утрата оленеводства в эвенкийской общине Западной Якутии в советское время. *Genesis: исторические исследования*. 2024;12:42-52.
13. Данилов И.А. Языки коренных малочисленных народов Севера: между ассимиляцией и ревитализацией. *Russian Journal of Linguistics*. 2026;2(30):486-512.
14. Данилов И.А., Игнатьева В.Б. Молодежь коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия): этноязыковая идентичность и речевое поведение. *Томский журнал лингвистических и антропологических исследований*. 2022;4(38):27-40.
15. Иванов А.Г., Полякова И.П. Социальная мифология в пространстве повседневности и масс-медиа. *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*. 2018;1(33):5-15.
16. Данилов И.А., Иванова Н.И. Языковая дистрибуция городской повседневности саха: социолингвистическое измерение (по данным 2021 г.). *Новые исследования Тувы*. 2023;4:301-313.
17. Иванова Н.И. Языковая дистрибуция в семейном общении саха: традиции и инновации. *Научный диалог*. 2023;10(12):49-67.
18. Никитина В.Н. Уровень владения родным языком детей саха в моноэтнической среде Республики Саха. *Томский журнал лингвистических и антропологических исследований*. 2025;3(49):61-69.

References

1. Ivanova NI. *Language situation in the Republic of Sakha (Yakutia): Yakut language at the beginning of the 21st century, ethnosociopsycholinguistic aspect*. Novosibirsk: Nauka, 2022:284. (in Russian)
2. Ivanova NI., Danilov IA., Berdnikova TA. et al. *At the crossroads of languages: Ethnolinguistic well-being of the Russian population of Central Yakutia*. Novosibirsk: Nauka, 2026:224. (in Russian)
3. Patkanov S. *Experience in geography and statistics of the Tungus tribes of Siberia based on data from the 1897 census and other sources: Part 1, no. 2: The Tungus themselves*. St. Petersburg: Slovo, 1906:283. (in Russian)
4. Koryakov YuB., Davidyuk TI., Koryakov YuB. et al. *List of languages of Russia and their vitality statuses. Monograph-preprint*. Moscow: Institute of Linguistics RAS, 2023:80. (in Russian)

5. Ivanova NI., Nikitina VN., Filippova AG. Sociolinguistic conditionality of the functioning of the Yakut language in the sphere of school education: the origins of the emerging crisis. *Scientific dialogue*. 2021;10:65–84. (in Russian)
6. Sirina AA. *Evenks and Evens in the modern world: self-awareness, environmental management, worldview*. Moscow: Eastern literature; 2012:604. (in Russian)
7. Filippova VV. Evenks of Yakutia in the XX-XXI centuries: spatio-temporal differentiation of numbers and settlement. *InterCarto. InterGIS*. 2023;2(29):244–255. (in Russian)
8. Degteva ZhF. Ethnocultural zoning of multi-ethnic northern territories (the case of Yakutia). *Heritage and Modernity*. 2019;1(2):63–78. (in Russian)
9. Boyakova SI. Bragat Evenks: history, settlement patterns, economy, and current status. *North-Eastern Humanities Bulletin*. 2024;3(48):57–68. (in Russian)
10. Khilkhanova EV. The human factor in Russian sociolinguistics (subjective notes). *Voprosy Jazykoznanija*. 2025;4:129–156. (in Russian)
11. Sternin IA., Rudakova AV. *Psycholinguistic word meaning and its description. Theoretical issues*. Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing; 2011:192. (in Russian)
12. Belolyubskaya GS. Vanished herds: the loss of reindeer herding in the Evenk community of Western Yakutia during the Soviet era. *Genesis: Historical Studies*. 2024;12:42–52. (in Russian)
13. Danilov IA. Languages of the indigenous small-numbered peoples of the North: between assimilation and revitalization. *Russian Journal of Linguistics*. 2026;2(30):486–512. (in Russian)
14. Danilov IA., Ignatyeva VB. Youth of the indigenous small-numbered peoples of the North of the Republic of Sakha (Yakutia): ethnolinguistic identity and speech behavior. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 2022;4(38):27–40. (in Russian)
15. Ivanov AG., Polyakova IP. Social mythology in the realm of everyday life and mass media. *Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology*. 2018;1(33):5–15. (in Russian)
16. Danilov IA., Ivanova NI. Linguistic distribution in the urban everyday life of the Sakha: a sociolinguistic dimension (based on 2021 data). *New Research of Tuva*. 2023;4:301–313. (in Russian)
17. Ivanova NI. Linguistic distribution in Sakha family communication: traditions and innovations. *Scientific Dialogue*. 2023;10(12):49–67. (in Russian)
18. Nikitina VN. Native language proficiency among Sakha children in the mono-ethnic environment of the Republic of Sakha. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 2025;3(49):61–69. (in Russian)

Сведения об авторе

ДАНИЛОВ Игорь Альбертович – научный сотрудник, ФГБУН ФИЦ «Якутский научный центр СО РАН», Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, Центр социолингвистических исследований, г. Якутск, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0002-1974-3088>, Scopus Author ID: 57694951900, ResearcherID: AAX-6962-2020, SPIN-код: 3644-6370; e-mail: igor_danilov_2000@mail.ru

About the author

Igor A. DANILOV – research fellow, Center for Sociolinguistic Research, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russian Federation; <https://orcid.org/0000-0002-1974-3088>, Scopus Author ID: 57694951900, ResearcherID: AAX-6962-2020, SPIN-код: 3644-6370; e-mail: igor_danilov_2000@mail.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Поступила в редакцию / Submitted 21.09.2026

Поступила после рецензирования / Revised 28.09.2026

Принята к публикации / Accepted 28.09.2026

УДК 811.512.157'373 + 81'27

<https://doi.org/10.25587/2782-6627-2026-3-50-60>

Оригинальная научная статья

Лексика традиционной пищи в поэзии А.Е. Кулаковского: состав, семантика, художественные функции

С. В. Иванова

Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова,
г. Якутск, Российская Федерация✉ iva.sv@svfu.ru

Аннотация

Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью гастрономической лексики якутского языка как важнейшего пласта материальной и духовной культуры народа саха. В условиях глобализации и унификации пищевых традиций особую ценность приобретает системное описание наименований традиционных продуктов, зафиксированных в письменных памятниках и художественных текстах, которые отражают архаические представления о пище, способы ее приготовления и символическое значение. Цель работы – выявление, тематическая классификация и лингвокультурологический анализ корпуса названий традиционных якутских продуктов, представленных в произведениях основоположника якутской литературы А. Е. Кулаковского. Задачи включают: 1) сплошную выборку лексем из сборника «Ырыа-хоһоон»; 2) тематическое распределение выявленных единиц по группам (молочные, мясные, рыбные, мучные продукты, дикоросы); 3) семантический анализ каждой группы с привлечением данных толковых словарей; 4) выявление художественных приемов (эпитеты, параллелизм, звукопись), используемых поэтом для введения гастрономической лексики. Методология базируется на методах сплошной выборки, компонентного анализа, сопоставительно-словарного и лингвокультурологического анализа, а также на приемах этнолингвистической интерпретации. Материалом послужил сборник «Ырыа-хоһоон» (т. 1 Полного собрания сочинений, 2009) и якутско-русские словари (Э. К. Пекарского, Большой толковый словарь якутского языка, Якутско-русский словарь и др.). Результаты показали, что гастрономическая лексика в творчестве Кулаковского насчитывает более 40 наименований, относящихся к пяти тематическим группам; доминируют молочные термины (свыше 50% выборки), что отражает их ключевую роль в традиционном рационе. Семантический анализ показывает, что наименования часто мотивированы способом приготовления, консистенцией или сезонностью продукта. Художественные приемы (развёрнутые эпитеты к слову кумыс, синтаксический параллелизм в перечислении рыбных блюд, звукопись в описании утвари) не только обогащают поэтику, но и служат средством актуализации культурной памяти. Обсуждение результатов позволяет заключить, что гастрономическая лексика Кулаковского является смысловым ядром, организующим поэтические описания быта, праздника, изобилия и социальных отношений. Перспективы исследования связаны с расширением корпуса за счет диалектных записей, олонхо и других текстов, а также с углублённым этимологическим анализом на тюркском и монгольском фоне.

Ключевые слова: лексика традиционной пищи, якутский язык, А. Е. Кулаковский, молочные продукты, мясные блюда, рыбные блюда, этнокультурная лексика, лингвокультурология, диалектная лексика, поэтический текст

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки

Для цитирования: Иванова С.В. Лексика традиционной пищи в поэзии А.Е. Кулаковского: состав, семантика, художественные функции *Алтаистика. Алтаистика. Altaistics.* 2026, № 3 (22), С. 50-60. <https://doi.org/10.25587/2782-6627-2026-3-50-60>

Lexicon of Traditional Food in the Poetry of A.E. Kulakovsky: Composition, Semantics, and Artistic Functions

Sargylana V. Ivanova

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation

✉ iva.sv@svfu.ru

Abstract

The relevance of this study is determined by the insufficient exploration of the gastronomic vocabulary of the Yakut language as an essential layer of the material and spiritual culture of the Sakha people. In the context of globalization and the unification of food traditions, particular value is attached to the systematic description of the names of traditional products recorded in written monuments and literary texts, which reflect archaic ideas about food, methods of its preparation, and symbolic meaning. The aim of the work is to identify, thematically classify, and linguoculturologically analyze the corpus of names of traditional Yakut products presented in the works of the founder of Yakut literature, A.E. Kulakovsky. The objectives include: 1) a continuous sampling of lexemes from the collection Yrya-khohoon; 2) thematic distribution of the identified units into groups (dairy, meat, fish, flour products, wild plants); 3) semantic analysis of each group using data from explanatory dictionaries; 4) identification of artistic techniques (epithets, parallelism, sound symbolism) used by the poet to introduce gastronomic vocabulary. The methodology is based on methods of continuous sampling, componential analysis, comparative-dictionary and linguoculturological analysis, as well as techniques of ethnolinguistic interpretation. The material used was the collection Yrya-khohoon (vol. 1 of the Complete Works, 2009) and Yakut-Russian dictionaries (E.K. Pekarsky, Great Explanatory Dictionary of the Yakut Language, Yakut-Russian Dictionary, etc.). The results showed that the gastronomic vocabulary in Kulakovsky's works comprises more than 40 names belonging to five thematic groups; dairy terms dominate (over 50% of the sample), which reflects their key role in the traditional diet. Semantic analysis shows that the names are often motivated by the method of preparation, consistency, or seasonality of the product. Artistic techniques (elaborate epithets for the word kumys, syntactic parallelism in listing fish dishes, sound symbolism in describing utensils) not only enrich the poetics but also serve as a means of actualizing cultural memory. Discussion of the results allows us to conclude that Kulakovsky's gastronomic vocabulary is a semantic core organizing poetic descriptions of everyday life, celebration, abundance, and social relations. Prospects for the study are related to expanding the corpus through dialect records, olonkho, and other texts, as well as to an in-depth etymological analysis against the Turkic and Mongolian background.

Keywords: gastronomic vocabulary, Yakut language, A.E. Kulakovsky, dairy products, meat dishes, fish dishes, ethnocultural vocabulary, linguoculturology, dialect vocabulary, poetic text

Funding: The study had not financial support

For citation: Ivanova S.V. Lexicon of traditional food in the poetry of A.E. Kulakovsky: composition, semantics, and artistic functions. *Altaistics*. 2026, No 3 (22), Pp. 50-60. <https://doi.org/10.25587/2782-6627-2026-3-50-60>

Введение

В последние десятилетия якутский язык активно исследуется как в синхронном, так и в диахронном аспектах. Особый интерес вызывает лексика материальной культуры, в частности гастрономическая терминология, которая является не только отражением бытового уклада, но и носителем глубоких культурных смыслов. Пища в традиционном обществе саха выполняла не только утилитарную, но и ритуальную, социальную, символическую функции. Соответственно, её наименования содержат информацию о способах обработки продуктов, сезонных предпочтениях, пищевых запретах и предписаниях, а также о межэтнических контактах.

Актуальность настоящего исследования определяется, во-первых, недостаточной систематизацией гастрономической лексики якутского языка в диахроническом аспекте; во-вторых, необходимостью сохранения и актуализации архаических терминов, которые постепенно выходят из активного употребления.

Объектом исследования выступают наименования традиционных продуктов питания, зафиксированные в поэтическом наследии А. Е. Кулаковского–Өксөкүлээх Өлөксөй (1877–1926) – основоположника якутской художественной литературы [1]. Предмет исследования – семантико-функциональные и лингвокультурные особенности гастрономической лексики в поэзии Кулаковского: ее тематическая организация, мотивационные признаки, культурные коннотации, художественные функции. Выбор материала обусловлен тем, что Кулаковский, создавая свои произведения в конце XIX–начале XX века, сознательно опирался на живую народную речь, фольклорные традиции и бытовую лексику. Его поэтические тексты представляют собой уникальный источник для изучения лексического состава якутского языка того периода, включая те названия продуктов, которые впоследствии были вытеснены русскими заимствованиями или просто забыты. Поэт не просто фиксировал языковые реалии, но и сознательно конструировал языковую картину мира, в которой каждое слово несло глубокий культурный и исторический смысл [2, 3]. Этот подход находит прямое отражение и в гастрономической лексике, которая у Кулаковского становится не просто бытовым элементом, но и важным художественным средством.

Гипотеза исследования состоит в том, что гастрономическая лексика в поэзии А. Е. Кулаковского представляет собой системно организованный фрагмент языковой картины мира. Она отражает традиционные представления о пище, труде, гостеприимстве, социальной иерархии и этнокультурной идентичности; многие архаические и диалектные наименования сохраняются в поэтическом тексте не как случайные реликты, а как осознанно отобранные и эстетически значимые элементы. Их семантика мотивирована технологическими, сезонными, анатомическими и культурными признаками, а функционирование подчинено художественным задачам – созданию образов изобилия, ритуальной щедрости, социальной маркировки и культурной памяти.

Цель данной работы – выявить, систематизировать и проанализировать корпус гастрономической лексики, употребляемой А. Е. Кулаковским, с точки зрения ее тематической организации, семантической структуры и культурной коннотации. В задачи входит: провести сплошную выборку соответствующих лексем из сборника «Ырыа-хоһоон»; выполнить их тематическую классификацию; дать семантико-этимологический комментарий с привлечением словарей и этнографических источников; охарактеризовать художественные приемы, используемые поэтом при введении гастрономической лексики.

Теоретические основания исследования

Традиционная кухня якутов неизменно находилась в центре внимания этнографов и фольклористов. Одну из первых подробных классификаций якутской пищи предложил А. А. Саввин, выделивший молочные, мясные, рыбные, растительные, мучные блюда и напитки [4]. Этнографический обзор с анализом технологий приготовления основных блюд в сопоставлении с родственными тюркскими культурами выполнен С. И. Николаевым [5], а роль растительной пищи в дореволюционном быту якутов подробно рассмотрена О. В. Ионовой [6].

Гастрономическая лексика якутского языка в аспекте языковой реализации детально проработана в работах Е. Р. Николаева, где освещены тунгусо-маньчжурские заимствования в якутской пищевой лексике [7], фрагмент языковой картины мира на материале диалектных

номинаций пищи в якутском и тувинском языках [8], а также семантические параллели в лексике традиционной пищи в якутских, хакаских и алтайских народных сказках [9].

В других тюркских языках гастрономическая лексика также становилась объектом специальных исследований: хакасская пища рассматривалась Р. П. Абдиной [10], татарская – Л. Р. Хайрутдиновой [11], башкирская – Ф. С. Аминовой [12] и др.

В современной лингвистике особое внимание уделяется культурно-специфической лексике – словам, которые отражают уникальные реалии и концепты определенного этноса. Гастрономические реалии относятся к числу наиболее ярких маркеров этнической идентичности, поскольку они связаны с повседневной жизнью, календарными обрядами, гостеприимством и социальной иерархией [13]. Исследование таких единиц требует интеграции данных этимологии, семантики, диалектологии, этнографии и фольклора.

При анализе поэтических текстов мы опирались на концепцию П. А. Слепцова о роли А. Е. Кулаковского в формировании якутского литературного языка [14]. Согласно этой концепции, Кулаковский сознательно отбирал и обрабатывал языковые средства, закладывая основы литературной нормы. Его поэтическое творчество стало пространством, где устная народная речь и книжно-письменная практика соединились в единую систему. Поэтому гастрономическая лексика в его произведениях предстаёт как осознанно отобранный и эстетически организованный материал.

Материал исследования

Материалом исследования послужил сборник А. Е. Кулаковского «Ырыа-хоһоон» (Песни-стихи), вошедший в первый том Полного собрания сочинений (2009) [1]. В него включены 30 произведений, созданных в разные периоды творчества поэта. Общий объем корпуса составил 42 лексемы (с учетом словоупотреблений – 89 единиц). Из них: молочные продукты – 17 лексем (48 словоупотреблений); мясные продукты – 5 лексем (6 словоупотреблений); рыбные продукты – 5 лексем (5 словоупотреблений); дикоросы – 3 лексемы (3 словоупотребления); мучные продукты – 2 лексемы (2 словоупотребления); напитки и прочее – 4 лексемы (4 словоупотребления); замороженные продукты – 3 лексемы (3 словоупотребления); обобщающие наименования – 3 лексемы (3 словоупотребления).

Анализируемые произведения. Гастрономическая лексика зафиксирована в следующих 5 произведениях сборника: «Саха дьахталларыҥ мэтириэтэ» (Портреты якутских женщин); «Бүлүүлүү үнүкүү» (Виллойский танец); «Кэччэгэй баай» (Скупой богач); «Сайын кэлиитэ» (Наступление лета); «Итирик бурсуй ырыата» (Бахвальство пьяного богача).

В корпус включались: наименования конкретных продуктов и блюд (молочных, мясных, рыбных, мучных, растительных); наименования напитков (кымыс, ымдаан, синэ, утах); обобщающие наименования (үрүн толох – ‘молочные продукты’, чалбаран – ‘жирная пища’); наименования замороженных продуктов (тонг балык, тонг эт); кулинарные термины, непосредственно связанные с продуктами (кэһиэх – ‘накипь на посуде’).

Для семантического и этимологического анализа привлекались следующие лексикографические источники: словарь Э. К. Пекарского (1927) [16], Большой толковый словарь якутского языка (2007) [17], Якутско-русский словарь (1972) [18] и др.

Методы исследования: метод сплошной выборки; компонентный анализ; сопоставительный анализ; лингвокультурологическая интерпретация.

Для семантического и этимологического анализа привлекались следующие лексикографические источники: словарь Э. К. Пекарского [16], Большой толковый словарь якутского языка [17], Якутско-русский словарь (1972) [18], а также этнографические работы [4–6] и исследования по гастрономической лексике [8–14].

Классификация гастрономической лексики

Все выявленные наименования распределены по пяти тематическим группам. Количество словоупотреблений указывает на частотность и значимость каждой группы в поэтическом тексте. Как отмечают исследователи, в якутской культуре питания традиционно выделяются «белая» пища (молочные продукты) и «чёрная» пища (мясные продукты) [18]. Это противопоставление имеет не только практическое, но и символическое значение, отражая бинарные представления, характерные для традиционного мировоззрения саха.

1. Молочные продукты («белая» пища) – самая многочисленная группа (18 лексем, около 50% всех употреблений). Сюда входят: *арыы* (11 употр.) – ‘*коровье масло*’; *үөрэ* (6) – ‘*похлёбка из молока, воды и диких трав*’; *бутугас* (6) – ‘*похлёбка-каша из молока, воды и муки*’; *кымыс* (6) – ‘*кумыс*’; *үүт* (5) – ‘*молоко*’; *тунах* (3) – ‘*молочная пища, обилие молочных продуктов в пору отёла*’; *тар* (3) – ‘*сыворожка, простокваша*’; *суорат* – ‘*кисломолочный продукт, заквашенное кипячёное молоко, сорат*’; *көлбөх* (1) – ‘*остаток молочной пищи, слой*’; *ымдаан* (1) – ‘*напиток из кисломолочного продукта сорат, тар, разбавленного холодной кипячёной водой*’; *сингэ* (1) – ‘*молоко, разбавленное водой (обычно употр. в приготовлении пищи)*’; *издьэгэй* (1) – ‘*творог*’; *сүөгэй* (1) – ‘*сметана*’; *быыппах* (1) – ‘*кумыс из коровьего молока*’; *кэһиэх* (1) – ‘*накись на посуде*’; *үрүҥ толох* (1) – ‘*молочная пища, обилие молочных продуктов в пору отёла*’; *чалбаран* (1) – ‘*жирная пища (обильное угощение, большой пир)*’; *үрүмэ* (1) – ‘*тонкая пленка или пенка на кипяченом молоке*’.

Как видно, поэт активно использует не только общеизвестные термины (кумыс, үүт, сүөгэй), но и редкие, уже в его время архаичные или диалектные (үөрэ, бутугас, толох, чалбаран). Особенно характерно лексическое поле үрүмэ – ‘молочная пенка’. Как установлено в исследовании Е. Р. Николаева [14], вокруг этого названия формируется целая терминосистема, включающая названия глиняной посуды для вытапливания пенки (баҕарах, түптэх, көһүйэ), что свидетельствует о развитой технологической культуре переработки молока. В монгольских языках имеются параллели (тарчаа, чаччык), указывающие на древние контакты [13].

По подсчетам исследователей, якуты за счет молочных продуктов обеспечивали более 50% потребности в продуктах питания [19], что объясняет исключительное разнообразие данной лексической группы. Молочные продукты составляли основу рациона в летний период, когда скот находился на пастбище и давал много молока.

2. Мясные продукты («чёрная» пища) представлены 7 лексемами: *эт* (2) – ‘*мясо*’; *харын* (1) – ‘*желудок, брюшина*’; *чанкычах* (1) – ‘*книжка (отдел желудка жвачных)*’; *туйах* (1) – ‘*копыто*’ [8]; *субай хаан* (1) – ‘*кровяная колбаса*’, *хаһа* (1) – ‘*брюшной жир*’; *саал* (1) – ‘*конский подгравный жир*’ [1].

Мясные блюда в якутской кухне традиционно включали конину, говядину, дичь, а также субпродукты. Названия часто конкретизируют анатомическую часть животного, что отражает практику рационального использования всех частей туши. Этнографы насчитывают до 22 видов мясных блюд у якутов [19]. В текстах Кулаковского мясная лексика уступает молочной, что, возможно, связано с летне-осенним временем действия многих стихотворений, когда молочные продукты были основой рациона.

3. Рыбные продукты – группа, имеющая яркое диалектное и технологическое разнообразие (6 лексем): *аҕараа* (1) – ‘*каша из сушёной мелкой рыбы*’; *барча* (1) – ‘*варёная и сушёная мелкая рыба*’; *сыма* (1) – ‘*сырая рыба без соли, выдержанная в яме*’; *саккаа* (1) – ‘*вяленая мелкая рыба*’; *хохту* (1) – ‘*рыба, сушёная сырьём*’ (вяленый озерный голец), *хатыыс* (1) – ‘*осётр*’.

Эти термины обозначают разные способы консервации рыбы в условиях сурового климата. Способы закапывания в землю (сымалааһын) свидетельствуют о заимствовании или самостоятельном развитии способов хранения, характерных для народов Сибири.

4. Растительные продукты (дикоросы) 3 лексемы: *отон* (1) – ‘ягода, плод’; *сугун* (1) – ‘голубика’; *дьордьомо* (1) – ‘чёрная смородина’.

Сбор диких ягод играл важную роль в пищевом рационе, особенно в голодные периоды. Как отмечает О. В. ИONOва, растительная пища, включая дикоросы, служила существенным подспорьем в дореволюционном быту якутов [6]. Названия ягод в основном исконные: сугун (‘голубика’) имеет параллели в других тюркских языках. Современное якутское сугун (‘голубика’) восходит к общеалтайской праформе. Согласно этимологическому исследованию А. В. Дыбо, Н. В. Малышевой и др., якутское сүгүн, по-видимому, восходит к общетюркской праформе *jilgun* ‘вид кустарника’ [7].

Дьордьомо (диалект, ‘чёрная смородина’) является собственно якутским наименованием. Лексема отон выступает как гипероним по отношению к конкретным названиям ягод и плодов, но в разговорной речи она нередко употребляется в более узком значении – ‘брусника’.

5. Мучные продукты – 2 лексемы: *бурдук* (1) – ‘мука’ [8]; *курупчаакы* (1) – ‘белая мука высшего сорта, крупчатка’. Земледелие не было традиционным занятием якутов, поэтому мука поступала путем обмена или покупки, а мучные блюда занимали скромное место в рационе.

Художественные приемы использования гастрономической лексики

А. Е. Кулаковский, как отмечает П. А. Слепцов [15], хотя и не использовал термин «литературный язык» и не разрабатывал его теории, глубоко понимал социально-культурную значимость языка и направлял своё творчество на широкое распространение демократических основ национального литературного языка. Его произведения богаты фольклорными элементами, языковой игрой, пословицами, цитатами и народными песнями. Поэт обладал удивительной способностью органично вплетать в текст стихотворения элементы живой народной речи, делая её инструментом художественной выразительности и одновременно – способом сохранения культурной памяти [3]. Это утверждение в полной мере относится и к гастрономической лексике, которая у Кулаковского выполняет не только номинативную, но и эстетическую функцию.

Особого внимания заслуживают эпитеты, которыми Кулаковский сопровождает названия продуктов. В произведении «Сайын кэлиитэ» («Наступление лета») встречаются следующие эпитеты, характеризующие кумыс: *сибиин* – ‘насыщающий, питательный’, *уохтаах* – ‘крепкий’, *көйөргө* – ‘густой, прохладный’. Эти эпитеты не просто описывают свойства напитка, но и передают его культурную значимость как символа изобилия и гостеприимства. Например: *Сири иһиттэртэн / Сибиин кымыһы / Сизэллэх удьаанан / Уһаа аайы куттулар, / Көйөргө кымыһы / Көбүүр-көбүүр аайы / Күүгүнэччи куттулар, / Чороон-чорохой аайы толордулар, / Мааччах аайы баабыннаттылар; / Арангалаабыт анды сымыытын курдук / Арабас арыынан / Арылыччы арылаатылар* [1, с. 348-349]. В переводе В. Солоухина на русский язык этот отрывок звучит так: ‘Рядом с ними – стоймя мешок, / Он, большой, похож на ушат, / В нем бушует уже кумыс; / Деревянная втулка в нем, / Чтоб помешивать белый кумыс, / И при нем деревянный ковш, / Чтобы взбалтывать пьяный кумыс. / Белое масло / Из молока старой коровы льем, / В огромные – до краев. / Из кожаных ушатов / Прохладный кумыс черпаком, / Украшенным султаном из конских грив, / Наливаем в каждый кубок-чорон; / Крепкий кумыс / Узорным ковшом / В каждый налили

тусок, / Свежий, густой, / Пенящийся кумыс / В каждой берестяной бокал / Налили до краев. / В каждом чороне ходит кумыс, / В каждой чаше пенится он [21, с. 287–288].

Здесь удвоенные основы «көбүүр-көбүүр», «чороон-чорохой» и аллитерация на согласные звуки «с», «к», и на гласный «а» не просто украшают текст, а воссоздают картину ритуальной щедрости: мощный поток напитка, неиссякаемость угощения, материальное воплощение благополучия. Пища в поэтике Кулаковского предстает как динамический процесс, что передается звукоподражательными глаголами *күүгүнэччи, баабынаттылар*, и символ жизненной полноты – использование большого количества утвари: *удьаа, уһаа, сири иһиттэр, чороон-чорохой, мааччах, көбүүр*, обилие кумыса, что передается удвоенными и парными словами (*көбүүр-көбүүр, чороон-чорохой*) и социального согласия (всех угощают кумысом) [3, с. 54–64].

В стихотворении «Бүлүүлүү үнкүү» («Виллойский танец») Кулаковский использует звуковые повторы и перечисление названий предметов утвари: *Сизэл кытыт далаба / Сизэлэн-хааман кишрэн / Симилэх уутун испитэ / Синьньгэр кишрбитин / Сэргэх сизил эдьийгэ / Сингэри тартаран ылан / Симиш-симиш мунунан / Сибиин кымыс онгортон / Силиибитин сөрүүкэтэн / Сизрбитин ситэриэбинг. / Саалыр кытыт далаба / Сайа сүүрэн кишрэн / Сайынны ууну испитэ / Самытыгар тахсыбытын / Сайабаз налыгыр санаска / Сайа таттаран ылан / Саар ыабаз мунунан / Саамал кымыс онгортон / Санаабытын тарбатан / Сассыардаанга диэри / Саатыабын эрэ / Сайабаз-сайдам санастаар* [1, с. 139]. В переводе В. Солоухина на русский язык данный фрагмент выглядит следующим образом: «Жажущие кровеносные / Сосуды свои / Напив чудодейственным кумысом, / Который в широких / Кожаных бурдюках / Умело заквасили / Величавые наши тети / Из надоенного молока / От молодой трехлетки, / Сивой кобылицы; / Она превратила / В своем прекрасном теле / Выпитую ею воду / Из чистого пруда / В целебное молоко. / Давайте / Исполним обычай / наших предков – / Насытим / Наш алчущий костный мозг, / Приятно охладив / Тем густым кумысом, / Который в необъятных / Кожаных жбанах / Искусно приготовили / Пригожие наши / Снохи-невестки / Давайте теперь / Развлечемся всласть – / Кипящую кровь / Сладостно остудив / Тем свежим кумысом, / Который в просторных / Деревянных чанах / Мастерски заготовили / Добрые наши / Ласковые бабушки / Из выдоенного молока / От молодой пятилетки, / Белой кобылицы, / Она превратила / В своем круглом вымени / В целительное молоко / Выпитый ею поток / Из журчащего ручейка» [21, с. 49–50].

Как мы отмечали ранее [3], описание приготовления кумыса у Кулаковского строится как цепь взаимосвязанных процессов, кульминацией которой становится образ грандиозного труда (*Симиш-симиш мунунан / Сибиин кымыс онгортон...*). Повтор «симиш-симиш» одновременно создаёт звукоподражательный эффект и семантически усиливает идею полноты, изобилия и объёма, указывая на приготовление ритуально достаточного количества сакрального напитка. Гастрономический код («кумыс») здесь связан с природным («уу» – ‘вода’, «биз» – ‘кобылица’) и ритуальным («сизр» – ‘обычай, традиция’); эпитеты («сибиин кымыс» – ‘насыщающий кумыс’, «саамал кымыс» – ‘крепкий кумыс’) подчеркивают связь пищи с благополучием, здоровьем и жизненной силой.

В сатирических и обличительных произведениях, например, в «Итирик бурсуй ырыата» («Бахвальство пьяного богача»), гастрономические образы приобретают иную тональность. Чрезмерное, алчное потребление дорогих и редких продуктов (эт – ‘мясо’, хатыыс – ‘осётр’, хаһа – ‘брюшной жир’, саал – ‘конский подгивный жир’, утах – ‘напиток (здесь вино)’) служит средством разоблачения и характеристики отрицательного персонажа: *Хаһата харса суох аһыһын, / Хатыыста харса суох кыһын, / Утахта тохтоло суох булун!*

Оксий, дуо оболоор! / Халын хаһанан харчы кэбиһэр, / Суон саалынан / Мохсуо кэбиһэр, / Айгы-буйгу, / Аан чалбаран диэн / Бу аата буолбат дуо!? / Кута олор, уол! – ‘Дайте мяса, побольше жиру, / Строганину крошите живо, / Лошадиное режьте сало. / А вино чтоб не иссякало! (...) / Вот что значит: / “Сало за сало заходит”. / Вот что значит: / “Сыр в масле катается” / Лей смелей! ‘ [21, с. 184].

Еда здесь становится маркером социального неравенства, жадности и морального упадка и контрастирует с традиционной этикой умеренности и уважения к пище. Гастрономический код часто выступает инструментом социальной и этнокультурной маркировки. В сатире Кулаковского этот механизм создаёт контраст между гармоничным, традиционным и алчным, дисгармоничным миром.

Как отмечает П.В. Сивцева-Максимова, одной из ключевых черт сатиры Кулаковского является «детальное красочное описание... без конкретных выводов и заключений», где «авторская гражданская идея... выступает антитезой созданных образов» [22]. Этот прием усиливает разоблачительный эффект гастрономических образов: сама избыточность описания становится обвинением.

В поэме «Кэччэгэй баай» («Скупой богач») гастрономическая лексика выполняет не только функцию этнографической фиксации, но и становится мощным инструментом художественной характеристики и социальной сатиры [3, с. 54–64]: *Абарааны аһылытаммыт / Барчанан мааныламмыт, / Сыманы сымсайбыт, / Саккааба салбаммыт. / Хохтуга хоһулайбыт, / Собулбаа суудайбыт, / Харыны хабылаабыт, / Чанкычабы дьаабылаабыт, / Туйахха тууһурбут, / Көлбөбүнэн көппөйбүт, / Үүтүнэн үлсэммит, / тары таптаабыт, / Ымдааны ыймахтаабыт / Синэни испит, / Таһаараары үөрэни таптаабыт, / Көбөлөн үөрэбэ көбүйбүт, / Оттоох үөрэбэ умсугуйбут, / Бэстээх үөрэбэ мэнийбит, / Бутугаһы бурулаппыт, / ытыйан аска ыларбыт, / Отон аһы ордорбут, / Сугун аска суудайбыт, / Дьордьомо аска дьулуспут, / Үтүө аһа үрүмэ, / Кэриэс аһа кэһиэх, / Ийэ аһа издьэгэй [1, с. 149–150]. – ‘Кашицу из мелкой рыбешки ест, / Сушеную котлявую рыбешку ест, / Мясо от тощей коровы ест, / Мясо от павшей коровы ест, / Коровьи жиры с удовольствием ест, / коровьи кишки варит и ест, / Копыта с большим удовольствием ест, / прокишее молоко охотно пьет, / Снятое молоко, наслаждаясь пьет, / Молоко, водой разбавляя, пьет, / Воду, молоком подбеляя, пьет. / Мучную болтушку очень охотно хлебает, / Кашу жиденькую ежедневно хлебает, / Обьедки, остатки с удовольствием доедает’ [21, с. 65–66].*

Обширный перечень простых, а зачастую и скудных яств создает не образ изобилия, а парадоксальный портрет богача, чье богатство заключается в патологической бережливости и довольствовании самым малым. Поэт использует прием нагромождения не для восхваления, а для снижения. Герой характеризуется через то, чем он довольствуется: это не дорогие яства, а отходы или испорченные продукты (*өлүк – падаль, собулба – тощее мясо*). Тем самым создается гротескный образ «богатого бедняка». Детализация видов скромной пищи (бутугас, үөрэ, ымдаан) и наслаждение ими не являются добродетелью, а становятся признаком духовной скудости, жадности и извращённого отношения к миру.

Современное состояние и перспективы сохранения гастрономической лексики

В настоящее время многие традиционные якутские продукты сохранились, но их названия вытесняются русскими заимствованиями. На прилавках магазинов можно встретить наименования продуктов *быппах, кымыс* и *суорат*, но такие продукты, как *үөрэ, бутугас, тар, абараа*, практически исчезли из обихода. Этому способствует как изменение пищевых привычек, так и отсутствие системной работы по популяризации национальной кухни.

В последние годы предпринимаются попытки возрождения интереса к традиционным продуктам, создаются этно-кафе, рестораны, проводятся фестивали национальной кухни. Это создает благоприятную почву для возвращения в активный лексикон архаических наименований. Однако для этого необходима научно обоснованная работа по составлению толковых и терминологических словарей, которые бы фиксировали не только значение слова, но и его культурный контекст, способы приготовления, символику.

Особую ценность представляют диалектные материалы, которые часто сохраняют реликтовые названия. Как показывают исследования [5], в говорах вилюйской группы встречаются архаизмы, уже утраченные в литературном языке. Их фиксация и введение в научный оборот является насущной задачей диалектологов. Кроме того, ценные сведения о гастрономической лексике XVIII в. содержатся в записях Я. И. Линденау, которые стали предметом специального анализа [6].

Заключение

Проведенное исследование корпуса гастрономической лексики в произведениях А. Е. Кулаковского позволяет сделать следующие выводы.

Творчество Кулаковского является ценнейшим источником для изучения лексического богатства якутского языка начала XX в. В его стихах зафиксировано более 40 названий продуктов, относящихся к пяти тематическим группам. Семантический анализ показывает, что наименования часто мотивированы технологическими процессами, консистенцией, сезонностью или анатомическими особенностями (для мяса).

Художественные приемы Кулаковского (эпитеты, параллелизм, звукопись) делают гастрономическую лексику не просто перечнем блюд, а важным смысловым и эстетическим элементом, формирующим образ традиционного уклада, гостеприимства, изобилия и национальной идентичности.

Многие из выявленных лексем в настоящее время вышли из активного употребления, что свидетельствует о необходимости их сохранения через лексикографическую фиксацию, включение в образовательные программы и популяризацию национальной кухни.

Перспективы исследования видятся в расширении корпуса за счёт привлечения диалектных материалов, записей олонхо, а также в создании сводного историко-этимологического словаря гастрономической лексики якутского языка. Такая работа позволит не только сохранить языковое наследие, но и углубить понимание культурной истории народа саха.

Как писал сам А. Е. Кулаковский, «если они познают свои добрые корни, тогда они перестанут с презрением относиться к родному языку». Изучение и сохранение гастрономической лексики – один из путей к познанию этих корней. Комплексный подход, сочетающий анализ языка, культуры и истории, позволяет наиболее полно раскрыть глубину и многообразие творчества великого поэта и мыслителя.

Литература

1. Кулаковский А.Е. *Айымньыларын уонна чинчийишлэрин толору таһаарыы. Т.1: Ырыа-хоһоон*=Полное собрание сочинений. Т.1: Поэтические произведения. Новосибирск: Наука; 2009:629.
2. Иванова С.В. Лексикографический труд А.Е. Кулаковского «Русские слова, перенятые и усвоенные якутами»: лингвистический и историко-культурный анализ. *Алтаистика. Altaistics*. 2025;4:50–60.
3. Иванова С.В. Гастрономические образы в поэтической картине мира А. Е. Кулаковского. *Вопросы национальных литератур*. 2025;4:54–64.
4. Саввин А.А. *Пища якутов до развития земледелия (опыт историко-этнографической монографии)*. Якутск: ИГИ АН РС (Я); 2005:376.

5. Николаев С.И. *Пища якутов (в свете соседних культур)*. Якутск: Якутский край; 2010:165.
6. Ионова О.В. Растительная пища якутов. В кн.: *Сборник статей и материалов по этнографии народов Якутии*. Вып. 2. Якутск; 1961:26–40.
7. Дыбо А.В., Малышева Н.В., Тимофеева А.В. и др. Диалектные наименования деревьев и кустарников в якутском языке: лингвогеографический аспект (на основе лингвистической платформы «ЛингвоДок»). *Урало-алтайские исследования*. 2025;4(59):7–29.
8. Николаев Е. Р. О тунгусо-маньчжурских заимствованиях в лексико-тематической группе «пища» в якутском языке (по лексикографическим материалам). В кн.: Миссонова Л.И. (отв. ред.) *Народы и культуры Северной Азии в контексте научного наследия Г. М. Василевича*: Сборник научных статей. Якутск; 2020:240–245. DOI: 10.25693/Vasilevich.2020.045
9. Николаев Е.Р. Пища как фрагмент языковой картины мира (на примере диалектных номинаций пищи в якутском и тувинском языках). *Вестник СВФУ*. 2020;2(76):60–71. DOI: 10.25587/SVFU.2020.76.61510
10. Николаев Е.Р. О семантических параллелях в лексике традиционной пищи в тюркских языках (на материале якутском, хакасских, алтайских народных сказок). *Томский журнал лингвистических и антропологических исследований*. 2020;3(29):71–79. DOI: 10.23951/2307-6119-2020-3-71-79
11. Абдина Р.П. Лексико-семантическое описание молочных продуктов и блюд в хакасском языке. В кн.: *Материалы III научно-практической конференции с международным участием, посвященной 90-летию со дня основания Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва*. Кызыл: Типография Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение Кызылский центр образования «Аңыяк»; 2019:104–108.
12. Хайрутдинова Т. *Названия пищи в татарском языке*. Казань; 1993:142.
13. Аминева Ф.С. Названия традиционной пищи в башкирском языке: Дис. ... канд. филол. наук. Москва; 2005:177.
14. Николаев Е.Р. Лексическое поле үрүмэ ‘молочная пенка’ в якутском языке: нормативно-диалектный и сравнительно-сопоставительный аспект. *Северо-Восточный гуманитарный вестник*. 2023;2:112–128.
15. Слепцов П.А. *Ступени и проблемы якутского языкознания: (сборник научных статей)*. Якутск: ИГиИПМНС СО РАН; 2008:542.
16. Пекарский Э.К. *Словарь якутского языка*. I–III тома. Ленинград: Издательство Академии Наук СССР; 1927.
17. Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта=Большой толковый словарь якутского языка. Новосибирск: Наука; 2007.
18. Якутско-русский словарь. Москва: Советская энциклопедия; 1972:608.
19. Саввинова С.Н. Пища «белая» и «чёрная» в якутской лингвокультуре. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2016;7(61):45–48.
20. Кузьмина Е.Ф. *Саха төрүт аһа-үөлэ=Традиционная пища якутов*. Дьокуускай: Бичик; 2006:176.
21. Кулаковский А.Е. *Наступление лета: стихи и проза: избранные сочинения*. Москва: Современник; 1986:382.
22. Максимова П.В. Поэзия Кулаковского: жанровые особенности. *Илин*. 1998;2–3. URL: <https://ilin-yakutsk.narod.ru/1998-2/65.htm> (дата обращения: 15.09.2026)

References

1. Kulakovskiy AE. *Ayimnyilaryn wonna chinchiyilerin toloru tahaaryy. T.1: Yrya-khohoon=Complete works. T.1: Poetic works*. Novosibirsk: Science; 2009:629.
2. Ivanova SV. Lexicographic work of A.E. Kulakovskiy “Russian words adopted and assimilated by the Yakuts”: linguistic and historical-cultural analysis. *Altaistics*. 2025;4:50–60.
3. Ivanova SV. Gastronomic images in the poetic picture of the world of A. E. Kulakovskiy. *Questions of national literatures*. 2025;4:54–64.
4. Savvin AA. *Food of the Yakuts before the development of agriculture (experience of a historical and ethnographic monograph)*. Yakutsk: IGI AN RS (Y); 2005:376.
5. Nikolaev S.I. *Food of the Yakuts (in the light of neighboring cultures)*. Yakutsk: Yakut region; 2010:165.
6. Ionova OV. *Plant food of the Yakuts. In the book: Collection of articles and materials on the ethnography of the peoples of Yakutia. Vol. 2*. Yakutsk; 1961:26–40.

7. Dybo AV., Malysheva NV., Timofeeva AV. et al. Dialect names of trees and shrubs in the Yakut language: linguogeographical aspect (based on the linguistic platform “LingvoDoc”). *Ural-Altai studies*. 2025;4(59):7–29.
8. Nikolaev ER. On Tungusic-Manchu loanwords in the “food” lexical-thematic group in the Yakut language (based on lexicographical materials). In: Missonova LI. (ed.). *Peoples and Cultures of North Asia in the Context of the Scientific Legacy of G. M. Vasilevich: Collection of Scientific Articles*. Yakutsk; 2020:240–245. DOI: 10.25693/Vasilevich.2020.045
9. Nikolaev ER. Food as a fragment of the linguistic worldview (based on dialectal food designations in the Yakut and Tuvan languages). *Vestnik of North-Eastern Federal University*. 2020;2(76):60–71. DOI: 10.25587/SVFU.2020.76.61510
10. Nikolaev ER. On semantic parallels in traditional food vocabulary across Turkic languages (based on Yakut, Khakass, and Altai folktales). *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 2020;3(29):71–79. DOI: 10.23951/2307-6119-2020-3-71-79
11. Abdina RP. Lexico-semantic description of dairy products and dishes in the Khakass language. In: *Proceedings of the 3rd Scientific and Practical Conference with International Participation Dedicated to the 90th Anniversary of the Founding of the National Museum Named After... Aldan-Maadyr of the Republic of Tyva*. Kyzyl: Printing house Municipal budgetary educational institution Kyzyl Education Center “Anyyak”; 2019:104–108.
12. Khairutdinova T. *Names of food in the Tatar language*. Kazan; 1993:142.
13. Amineva FS. Names of traditional food in the Bashkir language: Dis. ...cand. philologist. Sci. Moscow; 2005:177.
14. Nikolaev ER. Lexical field urume ‘milk foam’ in the Yakut language: normative-dialectal and comparative aspect. *North-Eastern Humanitarian Bulletin*. 2023;2:112–128.
15. Sleptsov PA. *Stages and problems of Yakut linguistics: (collection of scientific articles)*. Yakutsk: IGII PMNS SB RAS; 2008:542.
16. Pekarsky E.K. *Dictionary of the Yakut language*. Volumes I–III. Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences; 1927.
17. Sakha tylyn byhaaryylaah ulakhan tyldyta=Large explanatory dictionary of the Yakut language. Novosibirsk: Science; 2007.
18. Yakut-Russian dictionary. Moscow: Soviet Encyclopedia; 1972:608.
19. Savvinova SN. Food “white” and “black” in Yakut linguistic culture. *Philological sciences. Questions of theory and practice*. 2016;7(61):45–48.
20. Kuzmina EF. *Sakha toryt aha-yele=Traditional food of the Yakuts*. Djokuuskai: Bichik; 2006:176.
21. Kulakovskiy AE. *The coming of summer: poetry and prose: selected works*. Moscow: Sovremennik; 1986:382.
22. Maksimova PV. Kulakovskiy’s poetry: genre features. *Ilin*. 1998;2–3. URL: <https://ilin-yakutsk.narod.ru/1998-2/65.htm> (access date: 09/15/2026)

Сведения об авторе

ИВАНОВА Саргылана Владимировна – к. филол. н., доц. каф. якутского языка и перевода, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова», г. Якутск, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0003-3442-359X>, SPIN: 8085-8390, iva.sv@svfu.ru

About the author

Sargylana V. IVANOVA – Cand. Sci. (Philology), Associate Professor M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0003-3442-359X>, SPIN: 8085-8390, iva.sv@svfu.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Поступила в редакцию / Submitted 15.09.2026

Поступила после рецензирования / Revised 28.09.2026

Принята к публикации / Accepted 29.09.2026

УДК 811.512.211'272

<https://doi.org/10.25587/2782-6627-2026-3-61-71>*Оригинальная научная статья*

Язык и культура эвенов: современные вызовы

С. И. Шарина

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
г. Якутск, Российская Федерация

✉ sarshar@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу динамики языковой ситуации и этнокультурных процессов у эвенов. Актуальность исследования обусловлена угрозой утраты культурного наследия коренных малочисленных народов Севера и проблемами сохранения и развития исчезающих языков. В работе ставится цель рассмотрения состояния эвенского языка и культуры в контексте современных угроз и трансформаций. В данной связи в статье решаются задачи описания языковой ситуации с учетом численности эвенов в различных регионах Российской Федерации; дается анализ аспектов владения эвенским языком. Изучение взаимосвязи этнокультурных процессов с ландшафтными климатическими условиями, дислокацией этноса и производственной деятельностью показало, что территориальные и этносоциальные факторы являются определяющими для формирования языковой ситуации. Используемые в работе методы включают: статистический, обработки полевых данных и анализа. Изучение взаимосвязи между этнокультурными процессами и ландшафтно-климатическими условиями, распределением этнической группы и экономической деятельностью показало, что территориальные и этносоциальные факторы играют решающую роль в формировании языковой ситуации. Конкретизация социолингвистических параметров поселений и их связь с географической и социально-исторической средой стали возможны благодаря проведенному анализу. Исследование также показало, что языковая ситуация у эвенов варьируется в зависимости от места проживания. Более оптимальные условия для сохранения языка наблюдаются в селах с высокой долей эвенского населения, наличием национальных территорий, традиционным природопользованием и кочевым образом жизни в родовых общинах. Наиболее благоприятные условия для поддержания языковой самобытности формируются в населенных пунктах с преобладанием эвенского населения, наличием этнокультурных зон, сохранением традиционных форм природопользования и ведением кочевого образа жизни в родовых общинах. Важную роль играют обучение на эвенском языке в детских образовательных учреждениях и деятельность национально-культурных организаций. В статье представлены условия и рекомендации, способствующие более устойчивому существованию эвенского языка: определенные меры в области образования, экономики, науки, медиа и семейной трансмиссии. Практическая значимость работы связана с возможностью применения её результатов в языковой политике и языковом строительстве, для сохранения и ревитализации исчезающих языков.

Ключевые слова: эвены, язык, языковая ситуация, этнокультурные процессы, численность эвенов, владение языком, территориальный параметр, этносоциальный фактор, обучение на эвенском языке, этнокультурные организации

Финансирование: Исследование выполнено в рамках государственного задания № 075-00619-26-00 за 2026 год (проект НИР № FWRS-2024-0070)

Для цитирования: Шарина С.И. Язык и культура эвенов: современные вызовы. *Алтаистика*. *Altaistics*. 2026, № 3 (22), С. 61-71. <https://doi.org/10.25587/2782-6627-2026-3-61-71>

Even language and culture: modern challenges

Sardana I. Sharina

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch,
Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russian Federation

✉ sarshar@mail.ru

Abstract

This article analyzes the dynamics of the language situation and ethnocultural processes among the Evens. The relevance of the study is due to the threat of loss of the cultural heritage of the indigenous peoples of the North and the problems of preserving and developing endangered languages. The paper aims to consider the state of the Even language and culture in the context of modern threats and transformations. In this regard, the article addresses the problems of describing the language situation taking into account the number of Evens in various regions of the Russian Federation; aspects of proficiency in the Even language are analyzed. The study of the relationship between ethnocultural processes and landscape-climatic conditions, the dislocation of the ethnic group and industrial activity showed that territorial and ethnosocial factors are decisive for the formation of the language situation. The methods used in the work include: statistics, field data processing and analysis. The study of the relationship between ethnocultural processes and landscape-climatic conditions, the distribution of the ethnic group and economic activity showed that territorial and ethnosocial factors play a decisive role in shaping the language situation. The analysis made it possible to clarify the sociolinguistic parameters of settlements and their relationship to the geographic and socio-historical environment. The study also revealed that the linguistic situation among the Evens varies depending on their location. More optimal conditions for language preservation are observed in villages with a high proportion of the Even population, the presence of ethnic territories, traditional nature management, and a nomadic way of life in tribal communities. The most favorable conditions for maintaining linguistic identity are formed in settlements with a predominantly Even population, the presence of ethnocultural zones, the preservation of traditional forms of nature management, and a nomadic way of life in tribal communities. Instruction in the Even language in children's educational institutions and the activities of national and cultural organizations play an important role. The article presents conditions that contribute to a more sustainable existence of the Even language: specific measures in the fields of education, economics, science, media, and family transmission. The practical significance of the work is related to the possibility of applying its results in language policy and language construction for the preservation and revitalization of endangered languages.

Keywords: Even people, language, language situation, ethnocultural processes, number of Evens, language proficiency, territorial parameter, ethnosocial factor, education in the Even language, ethnocultural institutions

Funding: The study was carried out within the framework of state assignment No. 075-00619-26-00 for 2026 (project НИР № FWRS-2024-0070)

For citation: Sharina S.I. Even language and culture: modern challenges. *Altaistics*. 2026, No 3 (22), Pp. 61-71. <https://doi.org/10.25587/2782-6627-2026-3-61-71>

Введение

Эвены – малочисленный автохтонный народ российского Севера, численность которого составляет около 20 тысяч человек. Они проживают преимущественно в пяти регионах страны. Их язык относится к тунгусо-маньчжурской ветви алтайской языковой семьи. Ученые полагают, что общий праязык тунгусо-маньчжурских народов сформировался около двух тысячелетий назад. Затем, предположительно в конце первого – начале второго тысячелетия нашей эры, этот праязык начал распадаться, что привело к появлению пратунгусского языка. Считается, что от него отделились носители праэвенского языка, которые впоследствии мигрировали на север и северо-восток [1].

Целью настоящего исследования является комплексный анализ языковой и этнокультурной ситуации среди эвенов, проживающих в разнообразных географических и социокультурных контекстах. Для реализации этой задачи были сформулированы следующие исследовательские направления: определение и характеристика языковой ситуации на основе демографических данных (численность и доля эвенского населения) в различных административных единицах (населенные пункты, районы, регионы); оценка уровня владения эвенским языком среди представителей этноса; исследование корреляций между языковой ситуацией и такими факторами, как природно-климатические условия, особенности дислокации этноса, традиционные виды хозяйственной деятельности и специфические культурные практики эвенов в местах их проживания.

Актуальность настоящего исследования определяется критической ситуацией, связанной с риском полной утраты нематериального культурного наследия малочисленных народов Севера. Кроме того, работа фокусируется на сложностях и вызовах, сопровождающих процессы ревитализации языков, находящихся на грани исчезновения.

Исследование опирается на комплекс методов, включая статистический анализ демографических данных и поселений, прослеживание пространственных изменений с помощью историко-географического подхода, сбор и камеральную обработку полевых материалов, а также количественные и качественные подходы для группировки и систематизации информации, включая анкетирование. Полученные выводы и результаты имеют потенциал для использования в процессах языкового планирования и разработки стратегий, касающихся языков коренных малочисленных народов Севера.

Обсуждение и результаты

В течение последних лет функционирование языков коренных народов Республики Саха (Якутия) стало предметом ряда работ отечественных социолингвистов и североведов [2–6 и др.]. Они отмечают: «Сегодня наблюдается умеренное, но непрерывное снижение владения родным языком среди носителей языков народов РФ» [5, с. 40].

Изучение данных переписей населения за последние шесть десятилетий выявило тенденцию к увеличению численности и удельного веса эвенов, за исключением результатов Всероссийской переписи 2020 г. В источнике «Итоги Всесоюзной переписи населения СССР 1959 г. (Сводный том)» данные по Магаданской области и Хабаровскому краю отсутствуют [7] (табл. 1).

Таблица 1

Демографические показатели эвенского этноса согласно результатам переписей

Table 1

Demographic indicators of the Even ethnic group according to census results

	Численность эвенов, чел.					Удельный вес эвенов, в %				
	1959	1989	2002	2010	2020	1959	1989	2002	2010	2020
Камчатский край	520	1489	1779	1872	1780	5,7	8,7	9,3	8,6	8,9
Магаданская область	–	3769	2527	2635	2064	–	22,1	13,3	12,1	10,3
Республика Саха (Якутия)	3537	8668	11657	15071	13260	38,7	50,8	61,1	69,0	66,4
Хабаровский край	–	1919	1272	1128	1005	–	11,3	6,7	5,2	5,0
Чукотский автономный округ	820	1336	1407	1392	1286	8,9	7,8	7,4	6,4	6,4
Итого по РФ	9121	17055	19071	21830	19975	100	100	100	100	100

По данным этой переписи, общая численность эвенского этноса достигает 19 975 человек. В сопоставлении с итогами Всероссийской переписи 2010 г. отмечается небольшая отрицательная тенденция в численности эвенов: Республике Саха (Якутия) уменьшение на 0,3%, в Магаданской области на 0,2% и на Чукотке на 0,1%. В Камчатском и Хабаровском краях численность этноса сохранила прежнее положение.

Несмотря на достигнутые успехи, эвены сегодня находятся на перепутье, сталкиваясь с острыми проблемами и вызовами в сфере экономики, экологии, в правовой и социальной среде. Среди них особенно тревожит стремительное угасание родного языка, представляющее собой критическую угрозу. Язык – это не просто средство общения, а фундамент национальной идентичности и духовной культуры этноса, через который передается история и мировоззрение. Он выступает краеугольным камнем духовной культуры, служа проводником для трансляции накопленных знаний и культурного наследия, играет ключевую роль в формировании индивидуального самосознания и формировании уникальной картины мира. Утрата языка равнозначна исчезновению этноса. В настоящее время наблюдается тревожная тенденция к сокращению числа носителей языка, особенно в молодежной среде, на фоне усиливающихся процессов языковой ассимиляции с русским и якутским языками (табл. 2).

Таблица 2

**Анализ численности эвенского этноса и показателей владения эвенским языком
на основе данных Всероссийской переписи населения 2020 г.**

Table 2

**Analysis of the size of the Even ethnic group and Even language proficiency
based on data from the 2020 All-Russian Population Census**

Регионы РФ	Численность эвенов	Владеют эвенским языком	в % к численности
Камчатский край	1780	787	44,2
Магаданская область	2064	337	16,3
Республика Саха (Якутия)	13260	3045	22,9
Хабаровский край	1005	181	18
Чукотский Автономный Округ	1286	259	20
ИТОГО по РФ	19975	4645	23,2

Динамика владения эвенским языком среди представителей этноса демонстрирует устойчивое снижение. По данным переписей доля эвенов, считающих родным эвенский язык, сократилась с 81% в 1959 г. до 44% в 1989 г., а к настоящему времени достигла минимального значения в 23,2%. По итогам Всероссийской переписи населения 2020 г. по владению эвенским языком лучшие результаты демонстрируют эвены Камчатского края – 44,2% от общей численности по краю. Наиболее низкий показатель фиксируется по Магаданской области – 16,3%.

В настоящее время по статусу языковой витальности эвенский язык отнесен исследователями Института языкознания РАН в группу 2Б «прерывающиеся языки», которые характеризуются тем, что межпоколенческая передача сохраняется на небольшой резко ограниченной территории, составляющей незначительную часть всего ареала сообщества [8].

Общая тенденция к снижению жизнеспособности эвенского языка и тревожная языковая ситуация вызваны рядом ключевых факторов. Главным из них является территориальный. Природные особенности традиционных эвенских земель – горные

хребты и заболоченные равнины – создали естественные барьеры, приведшие к изоляции общин, большим расстояниям между поселениями и сложной транспортной доступности. Геоинформационный анализ подтверждает значительную удаленность поселений друг от друга (200–300 км), что способствует формированию обособленных диалектных групп. Эта географическая разобщенность отражается и в языковой структуре: эвенский язык сильно фрагментирован на более чем два десятка диалектов, которые, в свою очередь, группируются в три основных наречия. Точные критерии выделения этих наречий пока не определены, но они представляют собой наиболее существенные локальные вариации языка.

Для успешного сохранения эвенского языка ключевыми являются следующие факторы: преобладание эвенского населения в поселениях, функционирование национальных территорий, а также активное вовлечение в традиционное природопользование и образ жизни в родовых общинах. Активное регулярное использование языка в повседневной жизни наблюдается лишь в немногих местах компактного проживания эвенов. Среди них выделяются якутские села Берёзовка и Себян-Кюель, где этническая однородность сообщества и сохранение традиционной отрасли способствуют сохранению языка, а также поселения Тополиное в Якутии и Эссо на Камчатке, где отмечается доминирование эвенского этноса и поддержка оленеводства. Межпоколенческая трансмиссия языка сохраняется лишь в ограниченном числе поселений и отдельных семьях [9].

Различия в природных условиях и культурных связях вызвали значительные вариации в укладе и образе жизни между разными группами эвенского этноса, что не способствовало их консолидации. В историческом плане, в процессе миграций на север и северо-восток, крупные эвенские роды распадались на небольшие, зачастую разрозненные и изолированные сообщества. Для внесения ясности и структурирования, администрация целенаправленно формировала искусственные «родовые» ячейки, присваивая им идентификаторы в виде номеров или вновь придуманных названий. Эта практика была особенно распространена на территории Охотского побережья.

Миграционные процессы, спровоцированные экспансией якутов в XIII–XIV вв., вынудили часть тунгусов (предков эвенов) переместиться в другие регионы, включая Охотское побережье. С середины XVII в. эвены-олeneводы начали осваивать территории к северу от Верхоянского хребта, что привело к вторичной ассимиляции юкагиров и окончательному формированию культурной идентичности современных эвенов [10]. Анализ расселения эвенов в начале XX в. свидетельствует о генетической неоднородности локальных групп. Распределение наречий эвенского языка отражает географическое положение: восточное наречие преобладает среди приморских эвенов, за исключением березовских и рассохинских групп. Переселения групп эвенов в 1932 и 1951 гг. демонстрируют динамику их территориального размещения и формирования новых объединений. Западное наречие языка охватывает территории от Колымы до Лены. Региональная политика, направленная на сохранение традиционных мест проживания и хозяйствования, играет ключевую роль в поддержании языка. Якутия в этом плане демонстрировала большую последовательность в поддержке коренных народов, несмотря на допущенные упущения, в то время как в Среднеканском районе Магаданской области приоритет промышленного освоения привел к негативным последствиям для традиционного расселения и хозяйствования [11].

Языковая ситуация у эвенов в значительной степени определяется их этносоциальным статусом, который, в свою очередь, неразрывно связан с исторически сложившимися межэтническими взаимодействиями. Многовековое пребывание эвенов в ареале

интенсивного культурного, политического и экономического обмена с другими народами способствовало их интеграции в различные межэтнические и межкультурные взаимодействия. Это исторически обусловило многоязычие среди большинства представителей этого народа. В настоящее время большинство эвенов владеет эвенским, русским и якутским языками. Многоязычие распространено среди эвенов-илкан, проживающих на территории Нижнеколымского района Республики Саха (Якутия), которые используют дополнительно к вышеуказанным чукотский и юкагирский языки. Переход с одного языка на другой происходит спонтанно, например, во время интервью на эвенском языке наши информаторы 60–70 лет непреднамеренно переходили на чукотский или юкагирский языки.

Существующие особенности распространения эвенского языка, связанные с его территориальным расположением и социальной структурой носителей, создают значительные препятствия для образовательной сферы. Наглядным примером этих трудностей стал VI съезд эвенов России, прошедший в Якутске в декабре 2024 г. Делегаты акцентировали внимание на актуальность создания медиаресурсов на эвенском языке для населения Дальневосточного федерального округа, в состав которого входят пять субъектов Российской Федерации, где проживают представители эвенского народа. Речь идет о запуске радио- и телевидения, а также издании печатных периодических изданий (газет и журналов).

Экспертное сообщество солидарно в единой точке зрения: для предотвращения исчезновения языков коренных народов Севера необходимы целенаправленные и систематические меры по укреплению их жизнеспособности. Ключевым элементом в этом процессе является создание комплексной системы языковых ресурсов. Она охватывает как фундаментальные лингвистические исследования миноритарных языков (словари, грамматики), так и современные цифровые инструменты (онлайн-ресурсы, образовательные платформы).

Одним из объективных факторов витальности языка является наличие письменной традиции и стандартного варианта языка. Путь развития и функционирования письменности тесно вплетен в ткань многообразных культурных процессов. К ним относятся, например, распространение религиозных учений (в случае с эвенским это связано с распространением христианского вероучения в XIX в.) и формирование литературных традиций. При этом лингвистически определяющим фактором для эволюции письменности в любом языке выступает общая языковая среда: наличие двуязычия, многоязычия или даже нескольких письменных систем в одном языковом пространстве. Выбор в качестве основы для формирования письменного эвенского языка ольского говора, диалекта населения северного побережья Охотского моря, был осуществлен с момента начала целенаправленной языковой политики в 30-е годы XX в. Несмотря на неустановленные в тот период четкие границы распространения данного диалекта, в частности, отсутствие данных о его присутствии на Чукотке, во внутренних районах тогдашней Магаданской области и в восточных частях современной Республики Саха (Якутия), данное решение оказалось стратегически верным. Впоследствии было установлено, что ареал этой диалектной формы эвенского языка охватывает не только Охотское побережье, но простирается на континентальные территории проживания эвенов, включая Чукотку, северо-запад Камчатки, отдельные поселения Охотского района Хабаровского края (например, пос. Новая Иня), Приколымье и междуречье Индигирки и Колымы Якутии, где также используется данный язык.

Однако, несмотря на наличие кодифицированной системы письма и стандартизованного литературного языка, время от времени на территории Якутии поднимается вопрос

о пересмотре эвенской графики и орфографии в сторону унификации с якутским письмом. Эта тенденция, обусловленная интерференцией, характерна для эвенов, свободно владеющих якутским языком и активно использующих его в письменной речи. Между тем подобная реформа абсолютно неприемлема и непонятна для эвенов, проживающих за пределами Якутии. Важно отметить, что эвенский язык имеет устоявшуюся и успешно функционирующую графику, утвержденную в 1958 г., на которой ведется обучение во всех регионах проживания этноса, издается литература и проводятся научные исследования. Попытки реформировать эту проверенную временем систему не только угрожают целостности исчезающего языка и могут привести к разобщению народа, но и лишены серьезной научно-теоретической и методологической базы.

В настоящее время эвенский язык кодифицирован в различных словарях и грамматиках [12–15], имеется обширная художественная литература. На протяжении 90 лет своего развития эвенская литература демонстрирует впечатляющий рост, переходя от начальных малых форм поэзии и прозы к созданию более объемных и значительных эпических произведений. Сегодня лиро-эпическая форма поэмы прочно утвердилась в эвенской поэзии, а роман стал ключевым жанром в эвенской прозе. Согласно нашим данным, в настоящее время из сорока коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, наличие романа в оригинальном языковом исполнении зафиксировано исключительно только на языке эвенов (романы П. А. Ламутского «Төр мусанни» ‘«Дух земли»’ (1984) и А. В. Кривошапкина «Бини – ач мудна хөвнэк» ‘«Жизнь – бесконечный перевал»’ (2019)). Сегодня издание крупного прозаического произведения в жанре романа на языке малочисленного этноса – беспрецедентное явление. К сожалению, до сих пор самым крупным прозаическим жанром в других литературах народов Севера (на оригинальных языках) является повесть.

Важнейшим фактором жизнеспособности языка является ее функциональная развитость в сфере образования, науки, медиа, культуры. Имеет первостепенное значение внедрение эвенского языка в систему образования, начиная с детских садов и школ, с разработкой соответствующих учебных материалов. Не менее значимо создание разнообразного культурного контента (книги, мультфильмы, аудио- и видеоматериалы) и активная популяризация языка через различные мероприятия. Все эти направления должны системно поддерживаться на административном уровне, включая финансовое обеспечение, юридическое сопровождение и эффективную координацию всех инициатив.

Важно подчеркнуть, что дошкольное образование – фундамент языкового возрождения, для оживления исчезающих языков одним из наиболее важных факторов является качественное обучение родному языку в детских садах. Однако, к сожалению, за последние десятилетия наблюдается значительное сокращение мер поддержки языков коренных народов в дошкольных учреждениях. Это ускоряет процесс утраты языка и сводит на нет усилия по его возрождению в сфере образования. В регионах проживания этноса практически отсутствует контроль за работой детских садов, в которых проводится обучение эвенскому языку. В ряде населенных пунктов инициативы отдельных воспитателей, являющихся носителями языка, по интеграции родного языка и национально-регионального компонента в образовательный процесс, не получают должного признания и поддержки, остаются недооцененными. Следует отметить, что, дошкольный возраст представляет собой наиболее оптимальный период для языкового усвоения. Однако, согласно имеющейся информации, возможности для изучения эвенского языка в дошкольных учреждениях страны крайне ограничены: функционируют всего

три таких сада. Это стало возможным благодаря инициативе руководства дошкольных учреждений и активной позиции языкового сообщества (табл. 3).

Таблица 3

Детские дошкольные учреждения с преподаванием эвенского языка

Table 3

Preschool institutions with instruction in the Even language

Регионы РФ	Эвенские поселения	Численность воспитанников
Камчатский край	ДООУ с. Анавгай, Быстринский район	26
Республика Саха (Якутия)	ДООУ с. Березовка, Среднеколымский район	24
	ДООУ с. Себян-Кюель, Кобяйский район	54
ВСЕГО		104

Эвенский язык включен в учебные программы 30 российских школ. Наибольшее число школ, где преподается эвенский, находится в Республике Саха (Якутия) – 22 учреждения. В Камчатском крае эвенский язык преподают в 2 школах, в Магаданской области имеется 1 учреждение, в Хабаровском крае – 1. На Чукотке эвенский язык изучается факультативно в 4 школах. Общее количество учащихся, осваивающих эвенский язык в этих регионах, составляет 1323 человека.

К сожалению, учебные программы не могут в полной мере воссоздать утраченную аутентичную языковую среду. Сегодня язык в основном сохраняется в ограниченных социальных группах, таких, как семьи и общины, занимающиеся оленеводством. Наиболее эффективным считается создание таких условий обучения, которые позволят детям из кочевых семей получать школьное образование, не разлучаясь с родителями и не нарушая традиционный образ жизни. Учитывая вышеизложенное, необходимо обеспечить государственную поддержку традиционных для Севера видов хозяйственной деятельности, особенно оленеводства. Организация кочевых школ приобретает первостепенное значение для обеспечения сохранности языков коренных этносов.

На фоне современных глобализационных тенденций и социокультурных коллизий, сохранение нематериального культурного наследия коренных народов Севера становится задачей высокой актуальности. Этнокультурные центры в эвенских поселениях играют решающую роль в сохранении уникальной культуры эвенов, их обычаев, традиций и служат хранителями духовного наследия. В Российской Федерации функционирует 36 подобных центров, значительная часть которых сосредоточена на территории Якутии. Будущее эвенской культуры поддерживается активной работой 35 детских этнофольклорных коллективов. Традиционные эвенские обрядовые праздники «Эвинек», «Хэбдэнек», «Бакылдыдяк», «Чайрудяк» немыслимы без народных песен, кругового танца *хэде*, а также без таких фольклорных форм, как архаические эпические сказания *нимкан* и современных драматических представлений. Для сохранения и популяризации культурного наследия, этноцентры организуют различные секции по декоративно-прикладному искусству, созданию национальных костюмов и приготовлению аутентичных блюд, что помогает вовлекать новые поколения в родную культуру.

Для повышения жизнеспособности исчезающих языков крайне важно, чтобы люди имели возможность использовать их в повседневной жизни через доступный контент на родном языке. Регулярное взаимодействие с таким контентом не только поддерживает интерес к языку, но и повышает его престиж, расширяя сферу его использования. Это,

в свою очередь, является мощным фактором его сохранения. В Хабаровском крае, на Чукотке и в Якутии функционируют периодические издания и радиовещание на эвенском языке. Интернет и социальные сети также играют важную роль в сохранении и развитии языка. В Якутии популярны эвенские аудио- и видеоматериалы в рамках различных проектов, а также мультфильмы и сообщества в мессенджерах. На Чукотке с целью освоения эвенского языка действуют две группы в различных мессенджерах. Несмотря на географическую рассредоточенность его носителей, охватывающих все 5 регионов проживания этноса, данные сообщества способствуют консолидации виртуального языкового пространства и поддержанию активной языковой среды, становясь платформой для обмена знаниями, совместного расширения лексики, а также для практики разговорного языка. Данное явление представляет собой пример использования цифровых технологий в области сохранения и возрождения миноритарных языков, компенсируя недостаток непосредственного общения между носителями, особенно в условиях их малочисленности и дисперсного расселения.

С недавних пор феномен научного творчества на национальных языках, в частности, на эвенском языке, демонстрируют сотрудники отдела северной филологии ИГиИПМНС СО РАН, выступая на научно-практических конференциях и публикуя статьи в сборниках конференций на языках народов Севера.

Заключение

Итоговый анализ демонстрирует, что текущее положение для эвенского языка характеризуется как критическое. Для коррекции негативного тренда требуется реализация системных мер, центральным элементом которых должно стать принятие федеральной и региональных программ по сохранению и развитию языков народов Российской Федерации, находящихся под угрозой исчезновения. В отсутствие целенаправленной государственной воли и ежегодного финансирования в большом объеме возобновление полноценного функционирования исчезающих языков в социальных сферах рискует остаться лишь формальным заявлением, не подкрепленным реальными действиями. Приоритетным направлением таких программ должно стать: количественное расширение сообщества активных носителей, интенсификация коммуникативных практик на языке, а также обеспечение механизмов межпоколенческой передачи. В образовательной сфере требуется институционализация обязательного изучения эвенского языка на всех уровнях – от дошкольного (вариативная часть ООП ДО) до высшего (в рамках дисциплин по выбору). Для повышения социального статуса языка необходимо внедрение системы карьерных стимулов для носителей: квотирование должностей в государственных и муниципальных органах, требующих владения эвенским. Медиасреда должна быть переориентирована: создание межрегионального телерадиовещания (не менее 2 часов в сутки), выпуск периодики на эвенском. Экономический базис – традиционное оленеводство – нуждается в субсидировании как среда естественного бытования языка. Сохранение кочевых школ и стойбищных детских садов является критическим фактором. Необходимы фундаментальные лингвистические исследования, без которых ревитализация невозможна. Полноценная языковая среда может быть восстановлена только через семейную трансмиссию — передачу от бабушек/дедушек к внукам, так как поколение 30–50 лет в большинстве случаев утратило коммуникативную компетенцию. Только комплексный подход, включающий вышеперечисленные направления, способен переломить тенденцию к исчезновению эвенского языка, который включен в Красную книгу языков России.

Литература

1. Тунгусо-маньчжурские народы Сибири и Дальнего Востока: Эвенки. Эвены, Негидальцы. Уилта. Нанайцы. Ульчи. Удэгейцы. Орочи. Тазы. Москва: Наука; 2022:1031.
2. Биткеева А.Н., Иванова Н.И., Каплунова М.Я. Якутский язык в современной системе образования Республики Саха (Якутия): акторы, дебаты, новые вызовы. *Научный диалог*. 2022;11(9):27–45. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-27-45
3. Биткеева А.Н., Хохолова И.С., Данилова Р.А. Языковая ситуация в промышленных районах Республики Саха (Якутия) (на материале полевых исследований 2022–2023 гг.). *Социолингвистика*. 2024;4(20):41–70. DOI: 10.37892/2713-2951-4-20-41-70
4. Биткеева А.Н., Хохолова И.С., Филиппова В.В. Оценка жизнеспособности языка и культуры в северном городе: опыт города Мирный Республики Саха (Якутия). *Лингвокультурные аспекты глобализационных процессов: язык как индикатор социокультурной и национальной идентичности*. Москва; 2025:21–24.
5. Биткеева А.Н., Хохолова И.С., Филиппова В.В. Язык в этнологической экспертизе: опыт исследования северного города. *Сибирский филологический журнал*. 2025;4:242–256. DOI 10.17223/18137083/93/18
6. Филиппова В.В., Шарина С.И. ГИС-анализ расселения и языковой ситуации у эвенов России. *Социолингвистика*. 2025;1(21):163–200. DOI: <https://doi.org/10.37892/2713-2951-1-21-163-200>
7. Осипов Б.Я., Хабаровская А.Н. Языковая ситуация в селе Сасыр Момского района и селе Берёзовка Среднеколымского района Республики Саха (Якутия). *Социолингвистика*. 2025;1(21):118–143. DOI: 10.37892/2713-2951-1-21-118-143
8. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР: (Сводный том). Москва: Госстатиздат; 1962:284.
9. Коряков Ю.Б., Давидюк Т.И., Евстигнеева А.П. и др. Проект «Языки России». Институт языкознания РАН, 2022. URL: <http://jazykirkf.iling-ran.ru> (Дата обращения: 09.07.2026).
10. Шарина С.И. Миноритарные языки в Республике Саха (Якутия): особенности современной языковой политики [Электронный ресурс]. *Социолингвистика*. 2022;2(10):32–52. DOI: 10.37892/2713-2951-2-10-32-52
11. История и культура эвенов: Ист.-этногр. очерки. Санкт-Петербург: Наука: С.-Петерб. изд. Фирма; 1997:179.
12. Филиппова В.В. Общность судьбы на сопредельных территориях: расселение и хозяйство малочисленных этносов Якутии и Магадана в XX–XXI веках. *Аграрная история*. 2022;12:71–82.
13. Роббек В.А., Роббек М.Е. *Эвенско-русский словарь*. Новосибирск: Наука; 2005:356.
14. Бурькин А.А., Шарина С.И. *Эвенский язык: Фонетика. Графика и орфография. Морфология*. Новосибирск: Наука, 2021:402.
15. Нестерова Е.В., Саввинова С.Н., Садовникова И.И. *Словообразовательный словарь эвенского языка*. Новосибирск: Наука; 2025:248.

References

1. Tunguso-Manchu peoples of Siberia and the Far East: Evenks. Evens, Negidals. Uilta. Nanai. Ulchi. Udege. Orochi. Tazi. Moscow: Nauka; 2022:1031 (in Russian).
2. Bitkeeva AN., Ivanova NI., Kaplunova MYa. The Yakut language in the modern education system of the Republic of Sakha (Yakutia): actors, debates, new challenges. *Scientific dialogue*. 2022;11(9):27–45 (in Russian). DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-27-45
3. Bitkeeva AN., Khokholova IS., Danilova RA. Language situation in industrial areas of the Republic of Sakha (Yakutia) (based on field research in 2022–2023). *Sociolinguistics*. 2024;4(20):41–70 (in Russian). DOI: 10.37892/2713-2951-4-20-41-70
4. Bitkeeva AN., Khokholova IS., Filippova VV. Assessing the Viability of Language and Culture in a Northern City: The Experience of Mirny, Sakha Republic (Yakutia). *Linguocultural Aspects of Globalization Processes: Language as an Indicator of Sociocultural and National Identity*. Moscow; 2025:21–24 (in Russian).
5. Bitkeeva AN., Khokholova IS., Filippova VV. Language in Ethnological Expertise: A Study of a Northern City. *Siberian Philological Journal*. 2025;4:242–256 (in Russian). DOI 10.17223/18137083/93/18
6. Filippova VV., Sharina SI. GIS analysis of the settlement and language situation of the Evens in Russia. *Sociolinguistics*. 2025;1(21):163–200 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.37892/2713-2951-1-21-163-200>

7. Osipov BYa., Khabarovskaya AN. The language situation in the village of Sasyr, Momsky district and the village of Beryozovka, Srednekoymsky district of the Republic of Sakha (Yakutia). *Sociolinguistics*. 2025;1(21):118–143. DOI: 10.37892/2713-2951-1-21-118-1437.

8. Results of the 1959 All-Union Population Census. USSR: (Consolidated Volume). Moscow: Gosstatizdat, 1962:284 (in Russian).

9. Koryakov YuB., Davidyuk TI., Evstigneeva AP., Ivanov VV., Kade MA., Syuryun AA., Kharitonov VS. Project “Languages of Russia”. Institute of Linguistics RAS, 2022. URL: <http://jazykirf.iling-ran.ru> (Access date: 07/09/2026) (in Russian).

10. Sharina SI. Minority languages in the Sakha Republic (Yakutia): features of modern language policy [Electronic resource]. *Sociolinguistics*. 2022;2(10):32–52 (in Russian). DOI: 10.37892/2713-2951-2-10-32-52

11. History and Culture of the Evens: Historical and Ethnographic Essays. SPb.: Nauka; 1997:179 (in Russian).

12. Filippova VV. Common Fate in Adjacent Territories: Settlement and Economy of Small Ethnic Groups of Yakutia and Magadan in the 20th–21st Centuries. *Agrarian History*. 2022;12:71–82 (in Russian).

13. Robbek VA., Robbek ME. *Even-Russian Dictionary*. Novosibirsk: Nauka; 2005:356 (in Russian).

14. Burykin AA., Sharina SI. *Even language: Phonetics. Graphics and spelling. Morphology*. Novosibirsk: Nauka; 2021:402 (in Russian).

15. Nesterova EV., Savvinova SN., Sadovnikova II. *Word-formation dictionary of the Even language*. Novosibirsk: Science; 2025:248.

Сведения об авторе

ШАРИНА Сардана Ивановна – к. филол. н., в. н. с. отдела северной филологии, ФГБУН ФИЦ «Якутский научный центр СО РАН», Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, г. Якутск, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0002-7536-2757>, Research ID: J-8222-2018, Scopus Author ID: 57204811861, SPIN: 7750-4772, e-mail: sarshar@mail.ru

About the author

Sardana I. SHARINA – Cand. Sci. (Philology), Leading Researcher, Department of Northern Philology, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-7536-2757>, Research ID: J-8222-2018, Scopus Author ID: 57204811861, SPIN: 7750-4772, e-mail: sarshar@mail.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Поступила в редакцию / Submitted 09.07.2026

Поступила после рецензирования / Revised 27.07.2026

Принята к публикации / Accepted 20.09.2026

УДК 811.512+81'373.21

<https://doi.org/10.25587/2782-6627-2026-3-72-83>*Оригинальная научная статья*

Языковые контакты в оронимическом пространстве Южной Якутии

Л. А. Яковлева

Технический институт (филиал) Северо-Восточного федерального университета
имени М.К. Аммосова в г. Нерюнгри, Российская Федерация

✉ yakovlyubov@rambler.ru

Аннотация

Актуальность исследования заключается в необходимости разработки сопоставительных моделей, демонстрирующих, как тип хозяйственного освоения ландшафта определяет частотность конкретных номинативных актов. Оронимия южно-якутского региона представляет собой уникальный объект для анализа стратификации трех лингвокультур, исторически сосуществующих на одной территории. Цель нашей статьи заключается в выявлении принципов номинации и проведении сопоставительного анализа оронимических систем трех районов Южной Якутии: Нерюнгринского района, Алданского и Олекминского. Материалом исследования послужила выборка из 165 оронимов, извлеченных из базы данных по топонимии Южной Якутии, сформированной в лаборатории региональных топонимических исследований Технического института (филиала) Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова в г. Нерюнгри. Верификация языковой принадлежности и семантики осуществлялась на основе анализа лексикографических и научных источников с последующей апробацией в ходе полевых экспедиций при участии информантов. В работе применялись описательный, сопоставительный, статистический и компонентный методы анализа. Теоретическую базу составили труды Э. М. Мурзаева, Е. М. Поспелова, Ф. К. Комарова, а также региональные исследования М. С. Иванова–Багдарына Сүлбэ, Б. И. Леханова, П. С. Максимова. Результаты показали, что семантический профиль оронимии и частотность определенных типов номинативных актов (признаковая номинация, метафорический перенос, трансонимизация, профессиональная и сакральная номинация) напрямую зависят от этнодемографической структуры и истории хозяйственного освоения территории. Установлена стратиграфическая модель оронимического корпуса, включающая эвенкийский промысловый субстрат, якутский образно-культовый слой и русский описательно-профессиональный суперстрат. Научная новизна состоит в проведенном сопоставительном исследовании трех указанных районов и доказательстве того, что предложенная классификация по типу номинативного акта описывает все три локальные контактные системы. Практическая значимость результатов заключается в возможности их использования при составлении региональных топонимических словарей, стандартизации картографических наименований, а также в преподавании филологических дисциплин в вузе и краеведческих курсов в школе.

Ключевые слова: оронимия, топонимия, языковые контакты, Южная Якутия, стратификация, номинативный акт, принципы номинации, эвенкийский язык, якутский язык, субстрат

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки

Для цитирования: Яковлева Л.А. Языковые контакты в оронимическом пространстве Южной Якутии. *Алтаистика. Altaistics.* 2026, № 3 (22), С. 72-83. <https://doi.org/10.25587/2782-6627-2026-3-72-83>

Language Contacts in the Oronymic Space of Southern Yakutia

Lyubov A. Yakovleva

Technical Institute (branch) of the M.K. Ammosov North-Eastern Federal University in Neryungri,
Russian Federation

✉ yakovlyubov@rambler.ru

Abstract

The relevance of this study lies in the need to develop comparative models demonstrating how the type of economic development of the landscape determines the frequency of specific nominative acts. The oronymy of the South Yakut region represents a unique object for analyzing the stratification of three linguacultures that historically coexisted in the same territory. The purpose of this article is to identify the principles of nomination and conduct a comparative analysis of the oronymic systems of three districts of South Yakutia: Neryungri, Aldan, and Olekminsky. The study material was a sample of 165 oronyms extracted from the South Yakutia toponymy database, compiled in the Laboratory of Regional Toponymic Research of the Technical Institute (branch) of the M.K. Ammosov North-Eastern Federal University in Neryungri. Verification of linguistic affiliation and semantics was carried out based on an analysis of lexicographic and scientific sources, followed by testing during field expeditions with the participation of informants. The study utilized descriptive, comparative, statistical, and component analysis methods. The theoretical framework was based on the works of E.M. Murzaev, E.M. Pospelov, and F.K. Komarov, as well as the regional studies of M.S. Ivanov-Bagdaryyn Sulbe, B.I. Lekhanov, and P.S. Maksimov. The results demonstrated that the semantic profile of oronymy and the frequency of certain types of nominative acts (feature-based nomination, metaphorical transfer, transonymization, professional and sacred nomination) directly depend on the ethnodemographic structure and history of economic development of the territory. A stratigraphic model of the oronymic corpus was established, including an Evenki industrial substratum, a Yakut figurative-cult layer, and a Russian descriptive-professional superstratum. The scientific novelty lies in the comparative study of the three aforementioned regions and the demonstration that the proposed classification by nominative act type describes all three local contact systems. The practical significance of the results lies in their potential use in compiling regional toponymic dictionaries, standardizing cartographic names, and in teaching philological disciplines at universities and local history courses at schools.

Keywords: oronymy, toponymy, language contacts, Southern Yakutia, stratification, nominative act, principles of nomination, Evenki language, Yakut language, substratum

Funding. The study received no financial support

For citation: Yakovleva, L.A. Language Contacts in the Oronymic Space of Southern Yakutia. *Altaistics*. 2026, No 3 (22), Pp. 72-83. <https://doi.org/10.25587/2782-6627-2026-3-72-83>

Введение

Топонимия любого региона носит исторический характер: ее состав формируется как последовательность пластов, отражающих этапы заселения и хозяйственного освоения территории. Как отмечают исследователи, древним этническим пластом населения Республики Саха (Якутия) являются юкагиры и самодийские племена. Вслед за ними Якутию заселили эвенки и эвены. Каждый последующий топонимический пласт накрывал предыдущий и входил в систему топонимии [1].

Оронимия составляет существенную по объему часть топонимического пространства любого региона. Анализ данного пласта на материале Южной Якутии позволяет охарактеризовать условия функционирования и динамику топонимической системы региона. Материал рассматривался отдельно по каждому району, что обеспечило выявление как общих, так и специфичных принципов номинации. Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью механизмов языкового контакта в оронимическом пространстве. В отличие от гидронимии, горная топонимия Южной

Якутии до сих пор не получила стратиграфического описания, несмотря на то, что данный регион представляет собой уникальную контактную зону, где автохтонные модели номинации исторически пересекаются с русским суперстратом.

В отличие от северных и центральных улусов Республики Саха (Якутия), южные районы характеризуются высокой степенью производственного освоения (золотодобыча, угольная промышленность, строительство БАМа). Проблема заключается в том, что существующие модели описания топонимии данного региона часто анализируются без учета его этнической специфики, что приводит к упрощению картины языковых контактов.

Основы изучения субстратной топонимии Сибири и Дальнего Востока заложены в трудах, фокусирующихся преимущественно на гидронимии и общей стратификации топонимических пластов [2, 3]. Методологической ценностью работ является разработка критериев выделения тунгусского субстрата, однако принципы номинации горных объектов часто приравниваются к речным.

Современный этап изучения якутской топонимии характеризуется переходом от структурно-семантического анализа к лингвокультурологическому и когнитивному. В работах Я. В. Стручковой [4, 5] детально описаны орографические апеллятивы и механизмы анатомической метафоры в якутском языке. Тем не менее, влияние эвенкийского субстрата на юге Якутии и, что важно, влияние русского промышленного суперстрата остаются за рамками исследований.

Зарубежные исследования, в частности работа А. Lavrillier (2021) [6], предлагают высокорепрезентативный культурологический подход к эвенкийской топографической типологии. Несмотря на высокую теоретическую ценность, данная работа фокусируется на экологическом дискурсе и не ставит своей задачей количественную стратификацию контактных зон с тюркскими и славянскими языками.

Таким образом, в современной ономастике отсутствует комплексная модель, описывающая трехязычный оронимический контакт с учетом типа номинативного акта. Преимущество предлагаемого в данной статье подхода заключается в использовании типологии номинативных актов (признаковая номинация, метафорический перенос, трансонимизация, профессиональная и сакральная номинация). Целью настоящего исследования является выявление принципов номинации и проведение сопоставительного анализа эвенкийско-якутско-русских языковых контактов в оронимическом пространстве Южной Якутии.

Оронимы Нерюнгринского района

Собранный нами материал – 57 названий гор, сопков и хребтов Нерюнгринского района – был распределен по десяти семантическим группам, которые традиционно выделяются в топонимических исследованиях [7]. Отдельные названия претендуют сразу на две группы, например, топоним Хара-Бадаран (якут. «темное болото») фиксирует и признак цвета, и особенности рельефа. В таких случаях мы относим имя к группе по первичному мотивирующему признаку.

Самую многочисленную группу (девять имен, что составляет 16%) образуют названия, отражающие отличительные черты природной среды, – результат многовековых наблюдений за погодой, водой, почвой и грунтом: якутское Олоота «приносящая ненастье» (климат), эвенкийское Лукинда «снег» и якутское Мустах «лёд», эвенкийское Тагиндя «лужа» (вода), Мраморная, Хрустальная, Каменистая, Скалистый (грунт и порода), Хара-Бадаран «тёмное болото» (почва) (рис. 1). Это названия «профессионального» восприятия тайги: гора в них прочитывается так, как её видит охотник или геолог, – по камню, снежнику, по погоде на вершине.

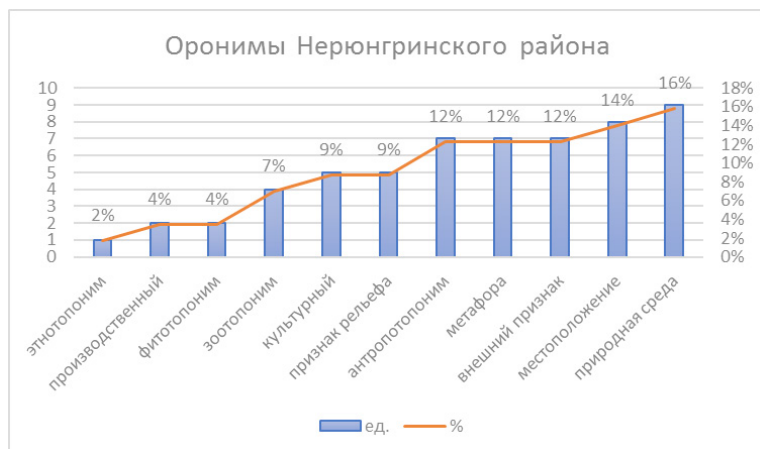

Рис. 1. Статистические данные по Нерюнгринскому району
Fig. 1. Statistical data for the Neryungrinsky District

Вторую группу составляют 8 названий, образованных на основе переноса названия (14%). Такие номинации указывают на местоположение горной вершины вблизи, например, реки: эвенкийские Холодникан «вверх по течению» – положение объекта относительно реки, Олонгий и Олонгро («рыба»), Сутам («голодный»), Сивак и Сивак Южный («хвощ»), Чульмакан («камень, кварц»), якутское Утанак («избушка для стоянки в тайге»).

Среди семем гидрофитонимов ярко выделяется семема «хвощ», которая встречается только в наименованиях эвенкийского происхождения. Это объясняется тем, что хвощ является лучшим кормом для оленей. Эвенки отмечали такие места, присваивая им соответствующее название. Данная семема реализуется посредством употребления в составе наименования эвенкийской основы слова «сивэктэ» (с эвенк. – «хвощ») и встречается в ряде гидронимов – Сибяк, Сиби́ктэ, Си́ибиктэ. Сивак / Сибяк, Сивак Ю́жный / Сибяк Ю́жный – горы, расположенные в северо-западной части района: г. Сивак – на левом берегу р. Сивак, г. Сивак Ю́жный – южнее р. Сивак, на левом берегу р. Алгама. По легенде, эвенки собирали по берегам этой реки хвощ для лечебных целей, хвоща было очень много, поэтому так назвали речку (народная этимология). Ороним Сивак Ю́жный – гибридного происхождения.

Семантический тип «ориентир на местности» реализует семему «вверх» в значении направления движения. Примером служит ороним Холодникáн. Название дано по гидрониму (р. Холодникан), который по происхождению связан с эвенкийским словом *солд́кй*, означающим «вверх по реке, по течению реки», т. к. по этой речке проходит древняя оленья тропа, ведущая в верховья рек Тимптон и Иенгра. По версии Б. И. Леханова, П. С. Максимова [8], Солokit в результате освоения русским языком приобрел иную звуковую форму – Холодникан.

Следующие по численности группы объединяют по 7 топонимов. Одна из них – группа номинаций, данных по непосредственным внешним признакам объекта, – по цвету, качеству, «характеру» (12%). В нашем материале это горы Белая, Бутылочная, Светлячок, Чистая, Атычан «крепкая», Эрге «старый», Вольный. Это самый бытовой, «хозяйский» слой оронимии: гору называют по тому, что сразу бросается в глаза. Интересным примером в группе служит ороним Буты́лочная скала́. Геологи обнаружили в составе породы хромдиопсид – минерал зеленого или темно-зеленого цвета, близкого по составу

к изумруд. По местным поверьям, Бутылочная скала – это мистическое место, которое обладает свойством исцелять заболевания глаз. Если прижаться к ней лицом и долго вглядываться в полупрозрачную глубину, то обостряется зрение (народная этимология).

Одна из самых интересных для исследователя групп – названия на основе метафорического переноса (12%), где гора осмысливается как живое существо. Именно внешние признаки объекта, как справедливо замечал Э. М. Мурзаев, ярче всего рожают ассоциации человеческих чувств с реальным миром. Эвенкийское Мевон «сердце» отмечает вершину, стоящую в середине массива; якутское Сизбит «съел» переносит на гору человеческое ощущение голода, образ «съеденного», лишённого растительности склона; Тулаях «одинокий», Омолокит «хорошая» и Неприступная наделяют ее человеческим характером. Эвота «бабушка» – персонификация, стоящая на границе с сакральным. Как отмечает Е. М. Поспелов, «вечность» гор по сравнению с человеческой жизнью определила распространение названий, связанных с понятием старости, вечности: горы Старик-Камень, Дед, Старуха, Бабушка...» [9, с. 56]. Семема «бабушка» реализуется в названии горы Эвотá. Данная гора является высочайшей отметкой хребта Западные Янги. Название произошло от эвенк. *эва* – «бабушка», топоформант *-та* указывает на принадлежность к орониму. В народе Двугорбую гору также называют Верблюжьей горой, так как возвышенность напоминает спину верблюда.

Антропотопонимы – семь названий (12%), и все русские: Дедова, Аграфена, Кузьма (от имен и прозвищ старожил), Падеевская (по фамилии геолога), голец Зверева, кряж Зверева, голец Порфинова – мемориальные имена эпохи геологоразведки. Хребет назван геофизиками в честь профессора, доктора геолого-минералогических наук В. П. Зверева. Показательно, что в оронимии, в отличие от ойконимии, антропонимический слой сравнительно невелик и позднего происхождения. Многие из этой группы названия обрастают легендами: гора Аграфена названа именем якутской женщины, которую крестили на этой горе. Или: душа женщины долго блуждала по окрестностям и нашла свое успокоение на этой горе (народная этимология).

Следующую группу – названия, данные по признакам рельефа, прежде всего по форме, размеру и положению объекта в пространстве, – образуют пять оронимов (9%). Урекачан «маленькая гора» и Янгынды «большая сопка» фиксируют признак размера, Становой – роль главного, станového хребта, Широтный – ориентировку хребта по линии широты. Сюда же примыкает якутское Олы «та гора» – своеобразный пространственный указатель, закрепленный в самом имени. Как отмечает Е. М. Поспелов, ранее, до начала XX в., в понятие *Становой хребет* включались горные образования Яблоновы́й хребет, современный *Становой хребет*, Джугджур, Колымское нагорье и другие. «Именно размеры хребта, его труднодоступность и водораздельный характер дали основание казакам, открывшим его в середине XVII в., назвать его *Становым*, т. е. основным, главным (ср. *становая жила, становой берег*). Эвенки также объединяли хребты Джугджур, Становой и Яблоновы́й под общим названием Джугджур, причем в эвенкийском фольклоре эта система хребтов называется «позвоночником Земли», т. е. по смыслу соответствует русскому наименованию» [9, с. 98].

Группа идеологических, культурных и мировоззренческих названий также представлена пятью номинациями, что составляет 9%. Прежде всего это сакральный слой: якутское Иччинах «духи-хозяева», эвенкийское Бугарыкта «небо, вселенная», русские Шаман-гора и гора Будды. Рядом с ними – Комсомольская, название советской эпохи. Так в пределах одной группы встречаются две мировоззренческие эпохи: традиционная, мифологическая, и атеистическая, государственная.

Зоотопонимическая группа (четыре имени, 7%) – почти целиком эвенкийская: Мукундя «кабарга», Гуингра «поединок оленей», Токинский становик «лось»; исключение – якутское Эсе-Хаята «медведь». «Медведь-гора» может входить в группу метафорических топонимов, потому что по форме напоминает громадного спящего медведя. Местные жители рассказывают легенду о том, что, когда северное солнце заходит за горизонт, этот громадный зверь бесшумно ложится на живот, кладет голову на передние лапы и засыпает. Он засыпает и просыпается вместе с солнцем.

Фитотопонимы представлены двумя названиями (4%): русское Стланиковая и якутское Суон-Тит «лиственница». Название объясняется средствами якутского языка: *суон* – «толстый» (о круглых предметах, дородный, тучный), *тиит* – «лиственница». Крупное «толстое» дерево, являясь ориентиром, весьма часто присутствует в названиях якутского происхождения. Название *Суон-Тит* связано с представлением якутов о дереве как о чем-то одушевленном. Сверхъестественные свойства приписывались именно лиственнице и березе. По словам местных жителей, если бездетная женщина поспит под лиственницей, у нее родится ребенок.

Производственные, хозяйственные топонимы в горном материале немногочисленны (4%), но выразительны: гора Дозорная и Хрустальная. На горе открыто месторождение горного хрусталя. По рассказам местных жителей, в 20–30-х гг. XX века здесь находился лагерь заключенных, которые добывали хрусталь.

Этнотопонимы представлены одним именем (2%): эвенкийское Луча «русский» – вершина, связанная с появлением русских. Сам факт вхождения этнонима в оронимию говорит о том, как была пережита местным населением встреча с новым народом.

Таким образом, ядро оронимии Нерюнгринского района образуют описательные и природно-наблюдательные группы (25 названий, около 44%), что типично для горно-таежного региона, где вершина служит прежде всего ориентиром и природным объектом. «Живые» слои – зоо-, фито-, хозяйственные и сакральные имена – хранят эвенкийско-якутскую традицию природопользования, тогда как антропотопонимический и идеологический слои – русский, промышленный, XX век. Семантический состав оронимии, таким образом, напрямую отражает трехкультурный контакт, который исторически сложился в Южной Якутии.

Оронимы Алданского района

В топонимическом пространстве Алданского района метафора (31%) – доминирующий тип вторичной номинации (рис. 2). Внутри нее отчетливо различаются подтипы: антропоморфный (Батько, Робкий, Весёлый, Часовой – гора наделяется характером или социальной ролью), предметный (Калач, Купол, Стрелка, Китовый, якут. Селяппе-Хая «шляпа», Былчинг-Дянгыта «мышцы»), оценочный (Хороший, Чистая, Мрачный, Люкс, Обман, Вольный) и сюжетно-числовой (Четыре брата).

Особняком стоит Кет-Кап «летающий корабль» – метафора из фольклорно-мифологического образа. Название представлено якутскими топоосновами: *кет* (сокращенное от якут. *кетер* – «летает»), *кап* – искаженное слово «корабль». Отсюда Кет-Кап – «летающий корабль». По легенде, за гору зацепился и разбился воздушный корабль. Кочевавшие здесь эвенки собирали на горе остатки железной обшивки и ковали из нее ножи. Позже, в 1930-х годах, заинтересовавшись рассказами местных жителей, здесь искали обломки метеорита, но ничего не нашли. Показательно, что метафорический слой почти целиком русский (и отчасти якутский), а эвенкийской оронимии свойственна прямая номинация по признаку.

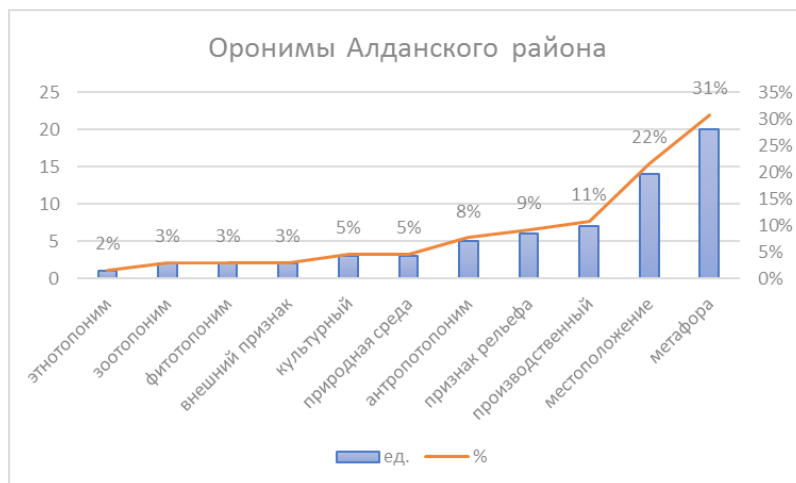

Рис. 2. Статистические данные по Алданскому району
Fig. 2. Statistical data for the Aldansky District

Группа местоположения (22%) внутренне неоднородна. В ней три типа: относительные имена (Средний, Западные Янги, Дорожный); метонимическая деривация от смежного гидронима (Селигдар, Учурский хребет, Томмотская гряда, Пурикан, Далдын-Дянгыта, Соболюдун-Дянгыта), ойконима (Лебединый), лимнонима (Соболюдун); композиты по двум гидронимам (Алдано-Учурский, Сутамо-Гонамский, Нижне-Гонамский). Важно отметить, что у «гидронимических» имен сохраняется внутренняя форма базы (Селигдар «железо», Учур «вихрь», Томмот «незамерзающая река»): формально это местоположение, семантически – наследуемый образ.

Производственная группа (11%) представлена терминами горного дела (Золотой, Рудная, Магнитный, Скарновый, Гранитный) и жаргонизмами геологов (Дефективный, Радио-гора). Это поздний, XX-вековой, русскоязычный пласт: номинация совершается пришлым человеком, специалистом, и гора осмысливается как объект разведки и инфраструктуры.

Группа оронимов, отражающая особенности рельефа, включает семь наименований (9%). Джугджур – один из хребтов, составляющих Становой хребет. Ороним эвенкийского происхождения, в основе эвенкийский апеллятив «*дюгдюр*» – «высокая безлесная гора». Однако Багдарыын Сюлбэ возводит название к эвенкийскому «*дюгдюр*» – «водораздел», так как хребет является водоразделом рек бассейнов р. Алдана и Охотского моря. Как отмечают исследователи, якуты к Джугджуру относятся с исключительным почтением и называют его или Улахан Дабаан – «Большой перевал», или Сир Кура «Пояс земли», или Сир сисин тоногосо – «Позвоночный столб земли». Яблоновый и Становой хребты с отрогами эвенки также называют Джугджур. Той же версии придерживается Ф. К. Комаров: «*Дюгдюр* – гольцовый водораздел» [10].

Склоны Одинокого гольца покрыты мелколесьем. Название передает признак объекта – вокруг гольца на несколько километров нет горных объектов. Ороним Колтыкóн эвенкийского происхождения, образован от эвенкийского слова *кэлтэкэн* – «кривой». Ороним Далдын-Дянгыта / Далдын (разг.) гибридного происхождения, образован от эвенкийского слова «*дāлдытн*» – «приток реки» и якутского «*дьяангы*» – «скалистые горы, гольцы; каменная гряда». Юхухта́ / Юхтá (разг.) – гора, образована от эвенкийского

слова «юктэ» – «холодный родник из-под земли». Голец Турук-Хая этимологизируется посредством якутского языка: *туруук* – «отвесная».

Антропонимы (8%) распадаются на два типа: русские мемориальные имена геологов-первооткрывателей (Ефим, Моисей – дано по фамилии одного из геологов-первооткрывателей В. К. Моисеева, Порфинова – по фамилии одного из геологов Н. Ф. Порфинова) и автохтонные притяжательные имена по личным именам местных жителей (Дария-Дянгыта, Рожин-Хаята, Нюра), построенные по модели «антропоним + родовой аппеллятив».

Природная среда отражена в трех оронимах Алданского района (5%). Ороним Халы́нг-Мус-Дянгы́та // Халы́нг, Халы́нг (разг.) образован от якутских слов *халыҥ* – «толстый», *муус* – «лед, ледник» и *дьаангы* – «сопка-голец с нетающим снегом на вершине, безлесная гора». Название Тигдилээннэ́х представлено топоосновой *тиггилээ* (якут.) – «подвергаться нападению оводов», топоформантом *-нээх* («обладание чем-либо»). Название Тумáнный голец передает признак объекта: по утрам голец не видно из-за обильного тумана.

Культовая группа мала (5%), но исключительно якутская: Баянай-Хаята «гора духа охоты Баяная» и Ытык-Хая «священная гора». По преданию, некогда на северной стороне горы была глубокая расщелина. Она была входом в нижний мир злых духов. Однажды в расщелину вошел черный шаман Сургуй, и за ним сразу же вход закрылся. Расщелина заросла травой. С тех пор на горе нет злых духов. Отсюда и название – «священная гора» (народная этимология). В отличие от Нерюнгринского района, где сакральный пласт был трехязычным, в Алданском он моноэтничен.

Внешний признак отражен в названиях Титан и Голая (3%). Существует версия, что ороним Титан получил такое название из-за своих гигантских размеров. Но более вероятной считается версия о составе гольца (куда входит химический элемент – серебристо-белый твердый металл-титан). В основе названия горы Голой лежат физико-географические реалии, поскольку вершина горы совершенно безлесая.

«Топонимические данные во многих случаях дают представление о распространении различных растительных формаций и видов флоры. Выступая в качестве важного природного ориентира, а также являясь одним из ключевых источников существования населения, растительность нашла отражение в топонимии многих регионов Земли» [7, с. 45]. Семема «брусничник» реализуется в орониме русского происхождения Брусни́чный голец. Склоны Моховой горы покрыты мхом. Ороним русского происхождения. Таким образом, в эту группу входят 2 наименования орообъектов русского происхождения, что составляет 3%.

Группа зоотопонимов также представлена двумя названиями: Кыллахский и Медвежий. Медвежий голец назван из-за того, что в весеннее время в этом месте было замечено много медведей. Огромное количество топонимов связано с представлением местного населения о медведе как о священном животном. В прошлом якуты считали, что медведь все слышит, и при встрече с ним обращались с просьбой-заклинанием не трогать охотника. Кроме того, по их поверьям, семье, в которой часто умирали дети, рекомендовалось заворачивать новорожденного в медвежью шкуру, тогда ребенок не умирал (народная этимология).

Название Американскому гольцу дано геологами старательской артели «Селигдар» после приезда в Алданский район в конце 80-х годов научной экспедиции из Америки. С 1920–30-х годов, времени, когда на прииски массово завозилась иностранная техника, работали зарубежные инженеры. Название превращает гору в исторический памятник, показатель «золотой лихорадки», навсегда вписанный в топонимическую карту района.

Словообразовательная типология обнаруживает четкое этноязыковое разделение: русские имена представлены однословными адъективными моделями (Мрачный, Рудная, Купол), якутские и эвенкийские – двучленными сложными наименованиями с родовыми апеллятивами -Хая/-Хаята (якут. «гора, скала»), -Дянгыта (тунгусский апеллятив «гора/хребет», усвоенный и якутским узусом), при русских хребет, гряда, нагорье.

В топонимии Нерюнгринского района ядро представлено описательно-качественными и природно-наблюдательными именами, а в Алданском районе преобладает метафора и местоположение. Это объясняется, на наш взгляд, тем, что в Алданском районе более развит промышленно-геологический пласт, породивший и метафорически-оценочные, и производственные имена; значительная часть «локализационных» имен вторична (от гидронимов), тогда как в Нерюнгринском преобладала первичная номинация «по тому, что видно и что живёт». Эвенкийский слой в обоих районах сохраняет верность прямой номинации (рельеф, среда, угодыя), якутский – более образен (метафора, культ), русский – наиболее оценочен и профессионализирован.

Олекминский район

Доминирующим типом в Олекминском районе является группа метафорических оронимов (28%) (рис. 3), однако метафора здесь качественно иная, чем в Алданском районе. Преобладают предметно-анатомические образы хозяйственного обихода скотовода: Басстаа-Хая «голова, главная», Иежян «рог», Мурук «круглая шкатулка». Отдельно выделяется темпоральная метафора – Борук «сумерки, тьма»: имя переносит на гору признак времени суток («тёмная сторона»); физиологическая метафора – Ингыр-Хая «зовущая», Укдуска «тяжело дышать», Баулгирский «заблудший»: гора осмысливается как активный субъект, воздействующий на человека. Русская метафора в этом районе представлена единственным двусловным именем Пьяный бык – метафорой, структурно параллельной якутским двучленными именам. Ранее гора называлась *Итирик обус* – с якутского «пьяный бык». По преданию, это место названо так потому, что стремительная вода с небывалой силой ударяется о левобережную скалу. Уступ по виду похож на быка, пьющего воду. А пьяным, по народной этимологии, он оказался потому, что в далеком прошлом о него разбился паузок, на котором везли бутылки с водкой.

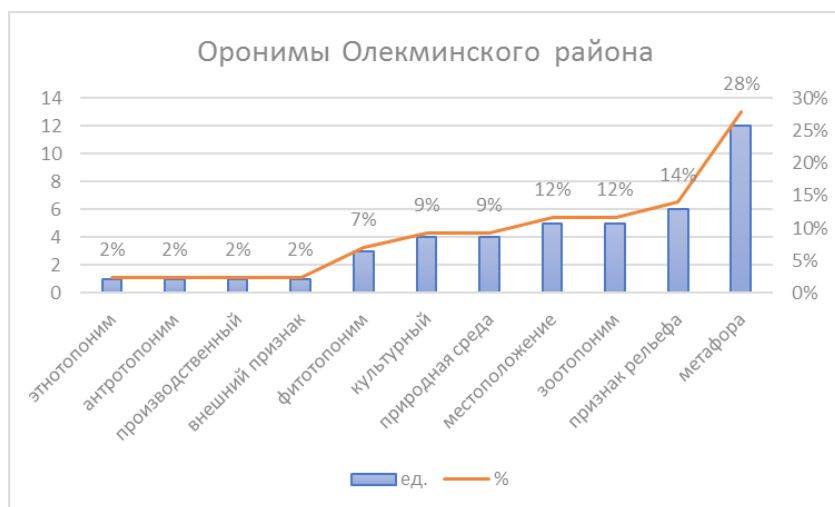

Рис. 3. Статистические данные по Олекминскому району

Fig. 3. Statistical data for the Olekminsky District

Группа, отражающая особенности рельефа (14%), интересна случаем субстантивации аппеллятива: Моран с семантикой «гора» – родовое слово, ставшее собственным именем. Это пример того, как аппеллятив может омонимизироваться в топоним. Подобные случаи нечасто встречаются в топонимии Республики Саха (Якутия), однако свидетельствуют об архаичности данных названий и сохранении древнего субстратного пласта.

Ороним Ат-Дабан якутского происхождения: *ат* – «лошадь», *дабан* – «подъем в гору, путь на гору». По якутским поверьям, лошадь – животное священное. В представлениях якутов о происхождении человека сказано, что сначала божеством был сотворен конь, из него получилось существо «полуконь-получеловек», а из этого существа – человек. Таким образом, лошадь – «предок», тотемное животное.

Сакрально-мифологическая макрогруппа (4 имени) является одной из самых выразительных в материале: Абагы-Хая от якут. абаасы «злые духи» – прямая реализация демонического концепта, «гора-антипод» священной Ытык-Хая из алданского материала; Суруктах-Хая «с писаницами» – сакрализация через «текст» наскальных изображений; Кис-Онъабыт «девочка играла» – номинация по фольклорному сюжету; рядом расположена русская Шаман-гора, замыкающая тот же сакральный ряд, как и в Нерюнгринском районе. Якуты называют ее *Ойуун-Хайа*. Названа так, потому что на горе растет шаман-дерево. Шаманское дерево, согласно воззрениям эвенков и якутов, – личное древо жизни каждого шамана, которое он «получал» от духов во время своего становления и благодаря которому мог попадать на небо и в подземный мир. Воплощением невидимого шаманского дерева было реальное дерево, около которого совершались обряды и на которое вывешивались жертвы божествам и духам.

На горе Суруктах-Хая были обнаружены наскальные рисунки древних людей эпохи неолита. Писаницы «Суруктах-Хая» по р. Марха являются памятниками федерального значения. Гора хранит следы культового почитания изображений и самой горы. Еще в недавнее время сюда приносились жертвенные подношения охотников в виде пороха, дрови, пуль, конских волос, медных и серебряных монет, спичек и других предметов.

Метонимическая группа местоположения (11,6%) построена по знакомой модели: от гидронимов (Чильчи, Солокит, Чергы «мель» – метонимия от речного объекта), от двух рек – композит Олекмо-Чарское (тип Алдано-Учурского), от макрообъекта – Приленское плато (префиксальная адъективная модель при- + Лен-).

В Олекминском районе зафиксировано большое количество гибридных имен. Зафиксированы обе модели смешанной номинации: эвенкийская основа + якутский формант (Орон-Хайа: эвенк. орон «олень» + якут. хайа «гора») и якутская основа + тунгусский формант (Тулаайах-Дьангыта: якут. тулаайах «одинокый» + эвенк. дьангыта). Гибридизация аппеллятивов – прямое доказательство интенсивного двуязычия в районе и того, что родовые термины -хая/-хаята и -дьангыта функционировали как общие форманты межъязыковой топонимической модели.

На словообразовательном уровне якутский слой дает и двучленные модели с формантами -Хая/-Хаята/-Таас/-Дьангыта (Хоборнах-Хаята, Осах-Таас), и одночленные субстантивные (Борук, Моран, Чергы, Лабыхта); эвенкийский – преимущественно одночленные (Мурук, Гелакк, Укдуска); русский – адъективные (Снежный, Скалистый, Змеиная), фразовые (Пьяный бык, Шаман-гора, Приленское плато) и книжный притяжательный генитив Молбыгинского (по исследователю) – мемориальный тип, редкий в оронимии.

Сравнительный вывод по трем районам

Таким образом, лексико-семантический анализ позволяет выявить основные принципы номинации оронимов изучаемого региона, связанные с экстралингвистической

характеристикой. Наиболее актуальными являются: номинация, данная по характерным признакам объекта (физико-географические особенности), по метафорическому переносу (что отражает образное мышление народов, проживающих на территории Южной Якутии), по соотносительности географического объекта с гидронимами, отражающие флору и фауну данной местности.

Самые частотные семемы – это в первую очередь такие, которые входят в семантический ряд «гора» («скала»), «лед», «одинокый», «безлесый». В ряде семем отражается часть культурной среды народа, безусловно, отображающая традиции, связанные с ведением древних форм хозяйственной деятельности (охота, оленеводство, рыболовство и т. д.), культ природы и связанные с ним представления о внешнем влиянии (например, олицетворение деревьев (лиственницы) у якутов – г. Суон-Тиит), тотемистические представления, например, у эвенков – медведь, лось, олень (г. Эсэ-Хая, о. Тайахта, о. Улахан-Орогдокит); у якутов – лошадь (г. Ат-Дабан и т. д.). Образные названия связаны с укладом жизни, с религиозными верованиями и мировоззрением коренного населения Южной Якутии.

Заключение

Можно сделать вывод о том, что в Нерюнгринском районе преобладает «промыслово-описательный» тип номинации с преобладанием русского и эвенкийского слоев; в Алданском – «метафорико-профессиональный» с геологическим суперстратом; в Олёкминском – «образно-сакральный», единственно якутский по ядру: здесь максимум метафоры и культа, минимум производственных и антропонимических имен (по одному), что отражает традиционную, допромышленную номинацию горы скотоводом и охотником.

Сопоставление трех районов показывает, что семантический профиль оронимии напрямую зависит от этнодемографической структуры и истории хозяйственного освоения территории, а предложенная классификация по типу номинативного акта описывает все три локальные системы.

Литература

1. Иванов М.С.–Багдарыын Сүлбэ. *Топонимика Якутии*. Якутск: Бичик; 2004:192.
2. Леонтьев В.В. *Топонимический словарь Северо-Востока СССР*. Магадан: Магаданское книжное издательство; 1989:463.
3. Иванов М.С.–Багдарыын Сүлбэ. Т. 7: *Словарь топонимной лексики Республики Саха: местные географические термины и понятия*. Якутск: Бичик; 2019:328.
4. Стручкова Я.В. Анатомическая лексика в якутской оронимии. *Сибирский филологический журнал*. 2024;1:177–191.
5. Стручкова Я.В. Орографические апеллятивы возвышенного рельефа в якутской оронимии. *Томский журнал лингвистических и антропологических исследований*. 2023;1:29–42.
6. Lavrillier A. An Indigenous science of the climate change impacts on the Siberian taiga and tundra: The Evenki topographic typology. *Ambio*. 2021;50(11):1910–1925.
7. Мурзаев Э.М. *География в названиях*. Москва: Наука; 1982:176.
8. Леханов Б.И., Максимов П.С. Топонимы эвенков юга Якутии. *Вестник Технического института (филиала) Якутского государственного университета*. Якутск: Изд-во Якутского ун-та. 2004;1:145–154.
9. Поспелов Е.М. *Географические названия мира: Топонимический словарь*. Москва: Русские словари. 2002:512.
10. Комаров Ф.К. *Словарь русской транскрипции эвенкийских и эвенских терминов и слов, встречающихся в географических названиях Сибири и Дальнего Востока*. Москва: Главное управление геодезии и картографии. 1967:100.

References

1. Ivanov MS-Bagdarin Syulbe. *Toponymy of Yakutia*. Yakutsk: Bichik; 2004:192 (in Russian).

2. Leontiev VV. Toponymic dictionary of the North-East of the USSR. Magadan: Magadan Book Publishing House; 1989:463 (in Russian).
3. Ivanov MS-Bagdarin Syulbe. T. 7: Dictionary of toponymic vocabulary of the Republic of Sakha: local geographical terms and concepts. Yakutsk: Bichik; 2019:328 (in Russian).
4. Struchkova YaV. Anatomical vocabulary in Yakut oronymy. Siberian Philological Journal. 2024;1:177–191 (in Russian).
5. Struchkova YaV. Orographic appellatives of elevated relief in Yakut oronymy. Tomsk Journal of Linguistic and Anthropological Research. 2023;1:29–42 (in Russian).
6. Lavrillier A. An Indigenous science of the climate change impacts on the Siberian taiga and tundra: The Evenki topographic typology. *Ambio*. 2021;50(11):1910–1925 (in Russian).
7. Murzaev EM. Geography in names. Moscow: Nauka; 1982:176 (in Russian).
8. Lekhanov BI., Maksimov PS. Place names of the Evenks of southern Yakutia. Bulletin of the Technical Institute (branch) of the Yakutsk State University. Yakutsk: Publishing house of the Yakutsk University. 2004;1:145–154 (in Russian).
9. Pospelov EM. Geographical names of the world: A toponymic dictionary. Moscow: Russian dictionaries. 2002:512 (in Russian).
10. Komarov FK. Dictionary of Russian transcription of Evenki and Evenki terms and words found in geographical names of Siberia and the Far East. Moscow: Main Department of Geodesy and Cartography. 1967:100 (in Russian).

Сведения об авторе

ЯКОВЛЕВА Любовь Анатольевна – канд. филол. н., доцент, Технический институт (филиал) ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова» в г. Нерюнгри, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0001-5526-9611>, SPIN-код: 2477-0405, e-mail: yakovlyubov@rambler.ru

About the author

Lyubov A. YAKOVLEVA – Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Technical Institute (branch), M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Neryungri, Russian Federation; <https://orcid.org/0000-0001-5526-9611>, SPIN-код: 2477-0405, e-mail: yakovlyubov@rambler.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declare no conflict of interests.

Поступила в редакцию / Submitted 25.08.2026

Поступила после рецензирования / Revised 12.09.2026

Принята к публикации / Accepted 26.09.2026

– ЮБИЛЕИ, ДАТЫ, СОБЫТИЯ –

Сообщение

«Лексика якутского языка: терминология, этимология»: сообщение о сборнике научных статей

Н. А. Сивцева

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
г. Якутск, Российская Федерация
✉ sivnanat@mail.ru

Институтом гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН издан электронный сборник научных статей «Лексика якутского языка: терминология, этимология», подготовленный на основе материалов одноименного круглого стола.

Круглый стол был проведен 13 ноября 2025 г., и посвящен памяти ученых-исследователей, внесших значительный вклад в становление и развитие якутского языкознания – 115-летию со дня рождения заслуженного работника культуры Якутской АССР, заслуженного ветерана СО АН СССР Петра Петровича Барашкова, 95-летию со дня рождения доктора филологических наук, заслуженного деятеля науки Республики Саха (Якутия), заслуженного ветерана СО АН СССР Егора Иннокентьевича Оконешникова и 95-летию со дня рождения кандидата филологических наук, заслуженного работника культуры Республики Саха (Якутия), заслуженного ветерана СО АН СССР, почетного гражданина Мегино-Кангаласского района Республики Саха (Якутия) Гавриила Васильевича Попова. Мероприятие, проведенное в смешанном формате (очно, дистанционно и заочно), сосредоточило внимание более 30 исследователей и членов семей юбиляров по следующим направлениям: ученые-лингвисты в памяти коллег и родственников; фонетика, грамматика, диалектология якутского языка; якутская терминология, терминография; якутская лексикология, лексикография; якутский язык в сравнительно-сопоставительном и сравнительно-историческом аспекте. В ходе работы круглого стола была продемонстрирована презентация материала о жизни и деятельности П.П. Барашкова, Е.И. Оконешникова и Г.В. Попова, организована обширная выставка научных трудов юбиляров, инициированная научной библиотекой Института.

В изданный сборник включены статьи, подготовленные на основе докладов и выступлений участников мероприятия, по следующим двум тематическим разделам: «П.П. Барашков, Е.И. Оконешников, Г.В. Попов: вехи научной деятельности», «Воспоминания». В первом разделе представлены статьи, содержащие анализ научного наследия Барашкова П.П. (А.Е. Алексеев, Н.И. Данилова, Н.М. Васильева, Е.Р. Николаев, А.А. Кузьмина), Оконешникова Е.И. (Н.Н. Ефремов, Ф.Н. Дьячковский, В.Д. Монастырев, Т.Е. Андреева, Ю.М. Борисова, А.С. Акимова, А.А. Скрыбина), Попова Г.В. (Н.И. Попова, В.Д. Монастырев), определившего такие важнейшие направления развития якутского языкознания, как грамматика, фонетика, терминологическая система и этимология. В нем также изложены статьи, посвященные актуальным проблемам и вопросам якутского языка, отражающим его современное состояние: о продолжении работы над «Этимологическим словарем якутского языка» (В.Г. Попов), номинации традиционной мебели из растительного сырья (Ф.Н. Дьячковский), терминологическом обозначении аффиксальных форм многократности действия (Е.М. Самсонова), лексико-грамматических особенностях дериватов (И.Б. Иванова), семантической классификации фразеологических единиц в якутском языке (Л.М. Готовцева), правописании заимствованных из русского языка слов в якутской орфографии 20-х гг. прошлого столетия (Н.М. Васильева), воззрениях Д.И. Дьячковского-Сэсэн Боло о времени *кыргыз* (В.Е. Васильев), А.Е. Кулаковского в контексте вопросов развития языка государственного управления (Ю.М. Борисова), лексических средствах, выражающих категорию бытийности, в произведениях А.Е. Кулаковского (Н.А. Сивцева), топонимии Амгинского улуса Республики Саха (Якутия) (Нь.С. уо. Багдарыын), адъективации имен существительных (Н.И. Винокурова), роли калькирования в юридической терминологии якутского и киргизского языков (А.Л. Жансай). Во второй раздел сборника включены воспоминания родственников, учеников, коллег Барашкова П.П. (П.П. Барашков, Н.А. Барашкова, И.С. Белолубская), Оконешникова Е.И. (Г.Е. Жондорова, А.А. Жондорова, А.С. Акимова, Л.М. Готовцева, А.М. Николаева, Р.Н. Протодияконова) и Попова Г.В. (И.Г. Попова).

Сборник, актуализировавший дальнейшие исследования в области якутской филологии, предназначен лингвистам и преподавателям по языкам, студентам и широкому кругу читателей, интересующихся историей и развитием якутской лингвистики. С информацией о проведенном мероприятии и сборником статей можно ознакомиться на сайте Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН в разделах «Новости», «Мероприятия» и «Публикации» по следующим ссылкам: <https://igi.ysn.ru/?p=24093>, <https://igi.ysn.ru/?p=23670>, https://igi.ysn.ru/?page_id=6718.

«Vocabulary of the Yakut language: terminology, etymology»: announcement of the collection of scientific articles

Nataliya A. Sivtseva

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch,
Russian Academy of Sciences
✉ sivnana@mail.ru

The Institute for Humanitarian Studies and Problems of Indigenous Peoples of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences presents the electronic collection of scientific articles «Vocabulary of the Yakut language: terminology, etymology», based on the materials of the round table discussion of the same name.

A round table was held on November 13, 2025, dedicated to the memory of researchers who made significant contributions to the establishment and development of Yakut linguistics – the 115th anniversary of the birth of Pyotr Petrovich Barashkov, the Honored Cultural Worker of the Yakut ASSR and Honored Veteran of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences; the 95th anniversary of the birth of Egor Innokentievich Okoneshnikov, Doctor of Philological Sciences, Honored Scientist of the Republic of Sakha (Yakutia), and Honored Veteran of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences; and 95th anniversary of the birth of Gavriil Vasilievich Popov, Candidate of Philological Sciences, Honored Cultural Worker of the Republic of Sakha (Yakutia), Honored Veteran of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences and Honorary Citizen of the Megino-Kangalassky District of the Republic of Sakha (Yakutia)). The event, held in a hybrid format (in-person, remote, and correspondence-based), brought together over 30 researchers and family members of the honorees to focus on the following areas: linguists as remembered by colleagues and relatives; Yakut phonetics, grammar, and dialectology; Yakut terminology and terminography; Yakut lexicology and lexicography; and the Yakut language from comparative-contrastive and comparative-historical perspectives. During the round table a presentation was shown detailing the lives and work of P.P. Barashkov, E.I. Okoneshnikov, and G.V. Popov, and the Institute's scientific library organized an extensive exhibition of the honorees scholarly works.

The published collection includes articles based on the papers and presentations delivered by event participants, organized into two thematic sections: «P.P. Barashkov, E.I. Okoneshnikov, G.V. Popov: milestones of their scientific careers» and «Memoirs». The first section presents articles containing an analysis of the scientific heritage of P.P. Barashkov (A.E. Alekseev, N.I. Danilova, N.M. Vasilyeva, E.R. Nikolaev, A.A. Kuzmina), E.I. Okoneshnikov (N.N. Efremov, F.N. Dyachkovsky, V.D. Monastirev, T.E. Andreeva, J.M. Borisova, A.S. Akimova, A.A. Skryabina), G.V. Popov (N.I. Popova, V.D. Monastirev), who determined such important directions in the development of Yakut linguistics as grammar, phonetics, terminological system and etymology.

It also contains articles devoted to current problems and issues of the Yakut language, reflecting its current state: on the continuation of work on the «Etymological Dictionary of the Yakut Language» (V.G. Popov), the nomination of traditional furniture made from plant materials (F.N. Dyachkovsky), the terminological designation of affix forms of multiple actions (E.M. Samsonova), lexico-grammatical features of derivatives (I.B. Ivanova), semantic classification of phraseological units in the Yakut language (L.M. Gotovtseva), spelling of words borrowed from the Russian language in the Yakut orthography of the 20s years last century (N.M. Vasilyeva), the views of D.I. Dyachkovsky-Sesen Bolo about the time of the kyrgys (V.E. Vasilyev), A.E. Kulakovsky in the context of issues of development of the language of public administration (J.M. Borisov), lexical means expressing the category of beingness in the works of A.E. Kulakovsky (N.A. Sivtseva), toponymy of the Amga ulus of the Republic of Sakha (Yakutia) (N.S. uo. Bagdaryyn), adjectivation of nouns (N.I. Vinokurova), the role of tracing in the legal terminology of the Yakut and Kyrgyz languages (A.L. Zhansai). The second section of the collection includes recollections by the relatives, students, and colleagues of P.P. Barashkov (P.P. Barashkov, N.A. Barashkova, I.S. Belolyubskaya), E.I. Okoneshnikov (G.E. Zhondorova, A.A. Zhondorova, A.S. Akimova, L.M. Gotovtseva, A.M. Nikolaeva, R.N. Protodyakonova), and G.V. Popov (I.G. Popova).

This collection, which has stimulated further research in the field of Yakut philology, is intended for linguists, university language teachers, students and a broad audience interested in the history and development of Yakut linguistics. Information about the event and the collection of articles can be found on the website of the Institute for Humanitarian Studies and Problems of Indigenous Peoples of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences in the sections «News», «Conferences», and «Publications» at the following links: <https://igi.ysn.ru/?p=24093>, <https://igi.ysn.ru/?p=23670>, https://igi.ysn.ru/?page_id=6718.

Сведения об авторе

СИВЦЕВА Наталья Александровна – к. филол. н., ведущий научный сотрудник, ФГБУН ФИЦ «Якутский научный центр СО РАН», Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, <https://orcid.org/0009-0006-6277-5321>, Author ID: 530470, SPIN-код: 6218-1988, e-mail: sivnanat@mail.ru

About the author

Nataliya A. SIVTSEVA – Cand. Sci. (Philology), Leading Researcher, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, <https://orcid.org/0009-0006-6277-5321>, Author ID: 530470, SPIN-code: 6218-1988, e-mail: sivnanat@mail.ru

Поступила в редакцию / Submitted 16.09.2026

Принята к публикации / Accepted 20.09.2026

АЛТАИСТИКА

Электронное научное периодическое издание

№ 3 (22) 2026

Технический редактор *Н. В. Дмитриева*
Компьютерная верстка *А. М. Соловьева*
Оформление обложки *П. И. Антипин*

Подписано в печать 30.09.2026. Формат 70х108/16.
Дата выхода в свет 30.09.2026.